

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том XII

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи российских исследователей, опубликованные в конце XX века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Решетников М.М.	Период иллюзий и надежд. Концептуальные подходы Национальной Федерации Психоанализа к проблеме психоаналитического образования и тренинга в России	3
Лейбин В.М.	«Толкование сновидений» как психобиография Фрейда»	20
Медведев В.А., Черкасов С.М.	Философская культурология классического психоанализа: основные принципы психоанализа культурной среды	35
Рождественский Д.С.	Психоанализ культуры и проблемы общества	57
Николаев В.И.	Сновидение как форма интрапсихического диалога и встреча с будущим	66
Филатов Ф.Р.	Две альтернативные теории влечений в истории психоанализа	77
Давыдова М.И.	Труды и личность И.Д.Ермакова	85
Кацис Л., Руднев В.	Две правды о профессоре Ермакове	90
Белокоскова Е.В.	Женственность	103
Гуревич П.С.	Судьба и учение Вильгельма Райха (Предисловие к книге В.Райха «Страсть юности»)	107
Россохин А.В.	Вильгельм Райх: По ту сторону осуждения и преклонения (Предисловие к книге В.Райха «Характероанализ»)	121
Овчаренко В.И., Брылёв Д.П.	Психоаналитические и философские искания Николая Осипова (Предисловие к книге Н.Е.Осипов. «Психоаналитические и философские этюды»)	150

Период иллюзий и надежд

Концептуальные подходы Национальной Федерации Психоанализа к проблеме психоаналитического образования и тренинга в России

М.М.Решетников

Дорогие коллеги и друзья, глубокоуважаемые гости и члены Президиума!

Передо мной стоит достаточно непростая и ответственная задача — подвести итоги предшествующего периода, дать анализ современной ситуации и сформулировать основные направления деятельности Национальной Федерации Психоанализа в России.

Я, конечно же, постараюсь быть максимально объективным, но вслед за Фрейдом повторю первую строчку «Очерка истории психоанализа» (1910): «Не стоит удивляться субъективному характеру излагаемого...»², ибо я был инициатором и участником многих из описываемых событий. Еще раз обращаясь к Фрейду, я напомним его слова из «Интереса к психоанализу» (1913): «не всякий анализ психологических феноменов имеет право называться психоанализом».

Я убежден, что такая серьезная социально-психологическая феноменология, как возрождение и развитие психоанализа в России, нуждается в аналитическом исследовании. Но это будет, вероятно, задачей уже следующего поколения специалистов. Мой доклад не предполагает такого глубокого подхода. Это скорее отчет функционера о проделанной работе. Я не вкладываю отрицательный смысл в понятие «функционер». Более того, я думаю, что на этом этапе мы очень нуждаемся в значительном количестве психоаналитически ориентированных специалистов, которые могли бы взять на себя обязанность и, более того, ответственность за организационную работу.

* * *

Десять лет назад, когда работа по возрождению и развитию психоанализа в России только начиналась, соотношение энтузиазма и представлений о трудностях, с которыми нам предстоит столкнуться на этом пути, было несоизмеримым. Энтузиазма не стало меньше, но понимания существенно прибавилось.

Мы не случайно подчеркиваем (в том числе и в информации об этом Конгрессе), что речь идет не только об опыте, но и об определенном эксперименте. В частности — о попытке укоренения психоанализа в стране, где он был вначале насильственно ликвидирован в 20-е годы, и затем почти 70 лет находился под запретом. В результате была разорвана связь поколений, утрачены методологическая преемственность и связи с мировым

психоаналитическим сообществом. Сейчас эти связи начинают восстанавливаться. Но это очень сложный и в чем-то даже болезненный процесс, — и для нас, и для наших западных коллег. И мы видим, что и с той, и с другой стороны имеются весьма амбивалентные чувства. Тем не менее, процесс сближения России с мировым психоаналитическим сообществом идет. Этот процесс существенно осложняется известными причинами политического и социально-экономического характера. Россия остается страной мало привлекательной для долговременной работы западных специалистов и трансляции психоаналитических знаний и практического опыта.

Массовый экспорт психоанализа в Россию, как это случилось (в свое время) с Англией или Америкой, невозможен. К этому можно добавить достаточно прохладное отношение к бывшему «грозному соседу» со стороны государств ближайшего окружения. Предшествующие десятилетия страха — не лучшая основа для формирования любви и сотрудничества. Чтобы не быть голословным, приведу только один пример: за прошедшие годы нашими гостями и учителями были более 100 специалистов из Америки, некоторые из них работали у нас несколько лет. Но за это же время состоялся лишь один однодневный визит психоаналитика из Финляндии, которая находится в двух часах езды отсюда. Эти внешние условия, безусловно, не могли не учитываться, и во многом определяли стратегию и тактику нашей работы.

В качестве внутренних условий следовало бы отметить такие немаловажные факторы, как исторически сложившееся неприятие психоанализа всеми официальными структурами России, включая высшие. Особенно — (за исключением амбивалентной психотерапии) структурами, действующими в области образования, медицины и психологии. И это также имеет свое объяснение. Потому что, всякий раз, когда мы прикасаемся к проблеме психики и сознания, мы тотчас вторгаемся в сферу идеологии. А идеология — это очень консервативная структура, которая, как правило, уходит только с ее конкретными носителями.

Это неприятие и попытки дискредитации психоанализа сохраняются по настоящее время, так как еще не произошла естественная смена поколений, и руководство большинством ведущих государственных и образовательных структур осуществляется специалистами, воспитанными на идеях полупрезрительного отношения к психоанализу. Но именно этим структурам предоставлено право государственного лицензирования и аккредитации, без которых любая деятельность в области психоанализа является незаконной. Понятие общественной аккредитации специалистов только начинает формироваться. И Национальная Федерация Психоанализа является одним из пионеров в создании этого нового общественного института в России. Все эти внешние и внутренние особенности сейчас осознаются нами гораздо лучше, и сейчас мы гораздо больше, чем раньше, ориентируемся на собственные силы и возможности, включая накопление собственного терапевтического опыта, опыта преподавания психоанализа и проведения профессионального тренинга.

Десять лет назад, начиная работу по реинституции психоанализа в России, мы исходно рассматривали его в качестве одного из направлений в клинической психотерапии. Должен сразу сказать, что на первом этапе этот подход не был общепризнанным. И даже мои ближайшие друзья и коллеги считали, что мы никогда самостоятельно не сможем выйти за границы теоретического психоанализа. Но сила, привлекательность, терапевтическая направленность и действенность идей Фрейда оказалась сильнее этого предубеждения. Я скажу об этом чуть позднее, а сейчас хотел бы лишь констатировать, что реинституция психоанализа в России оттогенетически во многом повторяет его филогенез, включая историческую трансформацию теоретических представлений и даже таких явлений, как отступничество, извращения идей и расколы.

Подводя итоги 10 лет, я еще раз напомню о специфике профессиональных условий нашей работы. Как я убедился, не только зарубежные, но и отечественные специалисты новой волны не всегда знают о ней.

До 1975 года такого понятия как психотерапия у нас — официально — вообще не существовало, а неврозы, по официальной версии, поражали исключительно западное, «загнивающее» общество.

В 1975 году приказом Министерства здравоохранения на 220 миллионов населения впервые в истории СССР (в качестве эксперимента) было введено 200 должностей врачей-психотерапевтов (один психотерапевт на миллион населения). Эксперимент длился 10 лет. И в 1985 году (другим приказом Министерства здравоохранения) психотерапия впервые была введена в перечень врачебных специальностей.

Психотерапевтом мог стать любой врач. Но затем это положение корректируется, и психотерапия становится уже не врачебной, а только психиатрической специальностью. Это решение, по нашему мнению, существенно (негативно) сказалось на развитии психотерапии, ее методологическом и кадровом обеспечении. Большинство психиатров не стремятся стать психотерапевтами.

И на декабрь 2000 года в России было всего 2 тысячи психотерапевтов. Один психотерапевт на 75 тысяч населения (при росте психопатологии за последние 10 лет в 1,5 раза).

Наша специальность все еще оценивается как «второсортная». И только за последние 5 лет здесь начали формироваться определенные перемены. В частности, в 1995 году к психотерапии были допущены психологи, правда только в качестве ко-терапевтов, действующих под контролем психиатра. При этом от контролирующего психиатра не требуется никакой подготовки в области психотерапии. Подразумевается, что он и так все знает.

Требования к психотерапевту остались прежними. В соответствии с действующими до настоящего времени законодательными актами, психотерапевт — это врач, имеющий подготовку по психиатрии, стаж работы в психиатрическом отделении, как минимум, 3 года и получивший

затем дополнительную подготовку в области психотерапии. Эта подготовка заслуживает отдельного упоминания. Общий ее объем составляет 700 часов, из которых 422 часа отводится на повторение курса психиатрии и 278 часов на изучение более 40 методов психотерапии, то есть — в среднем — 7 часов на один метод. Эта подготовка длится от 3-х месяцев до одного года. И завершивший такую подготовку психиатр получает сертификат специалиста сразу по всем методам психотерапии. Такие термины, как «супервизия» и «персональный анализ» еще 10 лет назад были вообще неизвестны в России. Сейчас они известны, но (как обязательная процедура) применяются только в психоанализе.

Поэтому, когда в 1991 году мы открыли первый Институт психоанализа и провозгласили, что он будет 4 года готовить специалиста только по одному направлению в психотерапии, это вызвало не столько удивление, сколько скепсис: «Да кто же на это пойдет?» Удивление началось позднее, когда оказалось, что этот вид подготовки востребован, подтверждением чему является ежегодное увеличение наборов студентов, которые начинают изучать психоанализ. В прошлом году количество студентов первого курса в нашем Институте увеличилось в два раза. И теперь среди этих студентов гораздо больше дипломированных врачей и психологов... Но здесь я уже забегаю вперед. Подводя итоги десятилетия, я хотел бы, прежде всего, обратить внимание на организационно-методическую работу, состояние образовательной деятельности и профессионального психоаналитического тренинга, а также культурно-просветительскую деятельность и взаимодействие с международными психоаналитическими организациями и центрами.

Нужно сказать, что, несмотря на официальный запрет, психоанализ всегда существовал в СССР в качестве своеобразного подполья. Фрейда читали, обменивались немногочисленными книгами, проводили дискуссии и даже практиковали психоанализ, правда, называя это как-либо иначе. Одним из российских вариантов психодинамических подходов была и остается психотерапия по Мясищеву, а также реконструктивная психотерапия по Карвасарскому. Период подполья и, будем говорить прямо, — страха идентификации себя в качестве психоаналитически ориентированного специалиста закончился в 1989 году.

Я считаю своим долгом напомнить, что первое психоаналитическое общество (еще в СССР) было создано профессором Аароном Белкиным в Москве в 1989 году. В последующем в адрес профессора Белкина звучало много критики. Но его заслуга как организатора первого психоаналитического общества никем не может быть оспорена. Его пример продемонстрировал всем чрезвычайно важный вывод: за это больше не сажают и не вызывают в КГБ.

Через год, в 1990 году, сформировалось первое Психоаналитическое Общество в Санкт-Петербурге, которое возглавил Валерий Зеленский, а я некоторое время исполнял обязанности Вице-президента.

В 1991 году в Санкт-Петербурге нами был учрежден первый в России Институт Психоанализа. Я позволю себе нескромное утверждение, что это было стратегически очень важное решение. Это решение исходно было ориентировано на создание отечественной образовательной базы, системы профессиональной подготовки и тренинга, национальных стандартов сертификации и аккредитации. И такая система уже частично сложилась, действует и активно развивается.

Примерно в это же время формируется группа Сергея Аграчева, затем преобразованная в Московское Психоаналитическое Общество (в настоящее время возглавляемое Игорем Кадыровым), а Российская Психоаналитическая Ассоциация выпускает первый номер «Российского психоаналитического вестника».

Благодаря этим новым структурам начинают активно развиваться международные контакты с ведущими психоаналитическими центрами, в первую очередь — Англии, Германии и США. Я бы назвал этот период романтическим. Мы мало разбирались в разнообразных течениях и школах, мало обращали внимания на уровень подготовки западных специалистов, и наши объятия были открыты для всех, кто, так или иначе, обозначал себя в качестве психоаналитика.

Мы романтически надеялись на методическую и финансовую поддержку западных коллег в наших начинаниях. И хотя мы не получили эту помощь в том объеме, на который рассчитывали, я должен сказать, что у нас нет ощущения разочарования. Даже наоборот. На примере нашего государства мы видим, что финансовая помощь скорее развращает, чем помогает, а методическая помощь должна иметь адресата. Сейчас этот адресат — российское психоаналитическое сообщество — гораздо больше подготовлен к получению такой методической помощи. И мы ее получаем. Я еще скажу об этом. В этот же период обозначились первые различия в подходе к психоаналитическому образованию и тренингу в России. Часть (надо сказать, весьма незначительная) психоаналитически ориентированных специалистов категорически не приняла идею организации психоаналитических институтов. Эта группа считала, что подготовка специалистов может вестись только на Западе. Это мнение в несколько иронической форме прозвучало и на первой организованной нами Международной конференции в Санкт-Петербурге в 1996 году. Один из выступавших гостей, обращаясь к руководству Института, сформулировал свое отношение следующим образом: «Странно: психоанализа у нас нет, а институт психоанализа уже есть и конференции проводятся». Мне приятно вам сообщить, что через некоторое время этот непримиримый критик стал деканом одного из Московских институтов психоанализа. С тех пор появилось еще 3 института психоанализа в Москве (ректоры: П.Гуревич, С.Зимовец, Е.Спиркина), а специалистами Национальной Федерации Психоанализа только за последние два года созданы еще 3 института психоанализа в различных регионах России — в Москве, в Новосибирске и Хабаровске.

И это еще раз подтверждает, что в 1991 году мы приняли верное решение. Институты, безусловно, пока находятся в стадии формирования и развития и существенно различаются по уровню преподавания и практического тренинга. В качестве первоочередной задачи для всех этих структур можно было бы выделить разработку национального стандарта психоаналитического образования и тренинга. И я надеюсь, что, даже не смотря на некоторые различия в подходах новых институтов к проблеме, эта задача будет решена. Различия в подходах, безусловно, сохранятся. В частности, между специалистами, ориентированными на формирование отечественной школы, и так называемыми «западниками».

Молчаливо признав целесообразность создания психоаналитических институтов в России, эта (весьма незначительная часть) наших оппонентов провозгласила новый лозунг: «Никто не имеет права практиковать или преподавать психоанализ, если он не прошел подготовку на Западе и не является членом зарубежных психоаналитических обществ». Мы хорошо знаем, что это чисто декларативный лозунг, так как наши оппоненты, также как и мы, давно ведут преподавательскую и психоаналитически ориентированную практику в России. И пока лишь один-два специалиста аккредитованы при западных обществах и институтах. Тем не менее, мы относимся к этим декларациям с пониманием. При отсутствии авторитетного психоаналитического сообщества в России такая апелляция к заимствованному авторитету может иметь рациональное объяснение. Так уже было в Германии, и это — один из возможных путей. Но никак не единственный. Мы понимаем, что эта тенденция у некоторой части специалистов пока будет сохраняться, но не думаю, что долго.

Мы исходно шли другим путем и зарабатывали свой авторитет здесь. И ориентировались на легализацию себя как специалистов также — здесь, в России. И исходили при этом из острейшей потребности своей страны в квалифицированных психотерапевтических кадрах. Во многом нынешняя ситуация повторяет процесс реинституции и легализации психологии в СССР в шестидесятые. И успехи психологической науки за прошедшее тридцатилетие — реальное подтверждение тому, что мы на верном пути. Наша общая позиция по поводу разногласий между отдельными психоаналитическими обществами в России в настоящее время предельно проста:

а) на нынешнем этапе мы не считаем продуктивной какую бы то ни было теоретическую полемику,

б) для нас единственным языком психоанализа является практика. Мы стараемся максимально открыто обсуждать и предъявлять свою практику для критических замечаний коллег, как в процессе презентаций и супервизий, так и в профессиональной прессе. И призываем к этому всех. Все другие способы обозначить свое особое место в психоанализе нами не принимаются.

Должен сказать, что на начальном этапе наша активность и энтузиазм воспринимались с опаской даже психотерапевтическим сообществом. Нам потребовалось приложить много усилий, чтобы доказать на деле, что мы не

пытаемся заменить всю психотерапию психоанализом, уважаем другие направления и готовы к сотрудничеству. В настоящее время между нашей Национальной Федерацией Психоанализа и ведущими российскими психотерапевтическими сообществами, в первую очередь — с Российской Психотерапевтической Ассоциацией, возглавляемой Главным психотерапевтом России профессором Карвасарским — сложились кооперативные отношения, я бы сказал даже — отношения полного взаимного доверия и взаимопонимания. И то, что Президент РПА оказал нам честь и участвует в этом Конгрессе — реальное подтверждение таких отношений.

* * *

Когда мы начинали нашу работу 10 лет назад, мы четко разделили два очень существенных понятия: а) психоаналитическое образование, которое уже сейчас становится массовым в России, и б) клинический психоанализ и профессиональный тренинг, к которому сейчас обращается около 20% тех, кто завершил или завершает психоаналитическое образование. 20% — это очень хороший результат на сегодняшний день. 5 лет назад такие специалисты составляли всего 5-7%. То есть, я думаю, нужно уточнить: из более чем 900 членов НФП только около 100 являются практикующими специалистами. Нам следовало бы активизировать работу в этом направлении.

Во вторых, мы разделили понятия «психоаналитически ориентированной терапии» и «психоанализа». Но не дистанцировали их друг от друга, а объединили их в едином континууме подготовки специалистов. В частности, психоаналитическая психотерапия и консультирование рассматриваются нами как возможный первый или переходный этап к психоанализу. При этом выбор — остановиться ли на уровне стандарта психоаналитической психотерапии или идти по пути международных стандартов психоанализа — есть у каждого специалиста. Как правило, демонстрируя наше уважение в мировому психоаналитическому сообществу, пока мы скромно именуем себя психоаналитически ориентированными терапевтами и психологами...

В 1993 году нами была получена первая государственная лицензия на ведение образовательной деятельности в области психоанализа. Действие в рамках российских законов всегда было и остается нашим принципом. И в том же году на базе нашего Института был открыт Санкт-Петербургский филиал Государственной Классической Академии, где впервые в рамках государственного высшего образования России были созданы кафедры: «Теории и истории психоанализа», «Психоаналитической терапии» и «Психоаналитической диагностики». За эти годы филиалом было подготовлено более 100 психоаналитически ориентированных психологов, которые активно работают во многих ведущих психологических и медицинских учреждениях и продолжают обучение в Институте

психоанализа. Отзывы об этих выпускниках для нас очень лестны. В том же 1993 году было учреждено издательство Восточно-Европейского Института Психоанализа, где начали публиковаться книги из серии «Библиотека психоаналитической литературы». В рамках этой серии нами были впервые переведены и изданы некоторые из ранее не публиковавшихся в России работ Зигмунда и Анны Фрейд, работы Карен Хорни, Диноры Пайнз, Джойс МакДугалл, Чарльза Райкрофта, Ральфа Гринсона и других авторов.

К этой Конференции наше издательство выпускает три книги: – третий том монографии «Современный психоанализ» участника нашей Конференции профессора Хорста Кэхеле и Гельмута Томэ, посвященный одной из самых актуальных проблем современного психоанализа — исследованию психоаналитического процесса, – книгу известного немецкого специалиста профессора Аннелизе Хейгл-Эверс с соавторами, которая является, по сути, базовым учебником по психоаналитической психотерапии, – впервые на русском языке издается книга Владимира Гранова «Филиации: Будущее Эдипова комплекса».

В 1994 году произошло событие, значение которого трудно переоценить: ведущими психоаналитическими обществами Москвы и Санкт-Петербурга совместно с нашим Институтом впервые в России был принят первый (временный) Национальный стандарт психоаналитического тренинга. Это был важный шаг к профессионализации нашего психоаналитического сообщества. Я сразу хотел бы отметить, что эта профессионализация еще, безусловно, не завершена. И понадобится еще несколько лет, а может быть — и десятилетий — для ее завершения. Все должно вызревать. Кавалерийские атаки — это из другой области. Подтверждением этого является хотя бы тот факт, что лишь через 1,5 года после принятия Национального стандарта психоаналитического тренинга дидактический анализ и супервизии были введены в структуру психоаналитического образования Восточно-Европейского Института Психоанализа. Но на Конференции 1996 года мы об этом даже не говорили: еще нечего было обсуждать. Качественно иная ситуация сейчас: работе Тренингового центра Института будет посвящен отдельный доклад директора Центра, доктора Владимира Шамова.

С 1994 года начинают реализовываться первые культурные проекты: создается серия телевизионных и радиопередач, посвященных психоанализу, публикуются десятки популярных статей в периодических изданиях, появляется понятие «психоаналитическое кино», и первый созданный нами фильм «Не о Сталине» становится лауреатом Международного кинофестиваля (1995); организуется первый показ английского сериала «Фрейд» по российскому телевидению. Культурно-массовая работа остается одним из важных направлений нашей деятельности по настоящее время: мы понимаем важность формирования новой психотерапевтической культуры в России. Эта задача остается важнейшей для всех обществ НФП.

Чтобы сэкономить время, я сейчас лишь перечислю основные события последних пяти лет.

– 1996 г.: проведена 1-я Международная Конференция «100 лет психоанализа: российские корни, репрессии и возвращение России в мировое психоаналитическое сообщество» (Санкт-Петербург, 6-8 мая, 1996), в которой приняли участие около 30 зарубежных специалистов из Англии, Германии, Израиля, Польши и США. В процессе конференции формируются долговременные контакты и проекты с Американской Психоаналитической Ассоциацией (IPA).

– 1996 г.: состоялся первый выпуск специалистов, завершивших четырехлетний курс психоаналитического образования в нашем Институте. В настоящее время наши выпускники работают практически во всех регионах России. Мы гордимся тем, что среди них есть преподаватели, кандидаты и доктора наук, заведующие кафедрами государственных институтов и университетов, руководители и специалисты психотерапевтических отделений и психотерапевтических служб регионов России.

– 1996 г.: учреждены Почетные дипломы и Почетные призы («Русский Фрейд») за вклад в развитие российского психоанализа, которые были вручены ряду российских и зарубежных общественных деятелей, а также психоаналитическим учреждениям в России и за рубежом. Один из таких почетных призов находится в штаб-квартире IPA в Лондоне и Венском музее Фрейда.

Некоторым этот акт показался претенциозным: мало кому известная организация награждает ведущих специалистов и ведущие психоаналитические сообщества мира. Но для нас это было единственным доступным способом выразить нашу искреннюю благодарность за моральную поддержку наших начинаний. Тогда же мы постановили, что будем вручать такие почетные награды каждые пять лет. Подобная церемония пройдет и на этом Конгрессе. Новый почетный приз называется «В Россию», и его изображение вы видите на программе Конгресса.

– 1996 г.: разработан и издан Указ Президента России №1044 от 19.06.96 «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа», который существенно изменил отношение властных структур к ранее полулегальному психоанализу. Беспрецедентная ситуация, возникшая после издания Указа Президента, создавала ряд опасностей, которые нам удалось преодолеть. Мы уже не раз обсуждали эту тему, и я не буду на ней останавливаться.

– 1997 г.: разработана Целевая межотраслевая научная программа «Возрождение и развитие психоанализа в России», которая была утверждена Министерством здравоохранения России, Министерством общего и профессионального образования России, Министерством науки и технологий России и Российской Академией Наук. С этого времени курсы психоанализа начинают включаться в программы подготовки врачей и психологов ведущих вузов России, а сам психоанализ рассматривается как одно из направлений в российской психотерапии, наряду с поведенческой, гуманистической и

интегративной. Конечно, пока эта подготовка в большинстве институтов и университетов носит ознакомительный характер (от 12 до 16 часов вводных лекций). Но будущие специалисты получают хоть какие-то представления и у них формируется уже непредвзятое мнение о психоанализе.

– 1997 г.: создан Учебно-Методический (Тренинговый) Центр ВЕИП, где уже на протяжении 4-х лет проводится около 10000 (десяти тысяч) сессий дидактического анализа и супервизий в год. И это, возможно, одно из наших главных достижений. Тогда же было впервые введено временное положение о статусе обучающихся аналитиков и супервизоров.

– 1997 г.: нами впервые была получена лицензия Министерства образования России на деятельность в сфере высшего профессионального образования. Сейчас даже трудно представить, каких усилий это потребовало. Но в России — стране с высочайшим уровнем государственного регулирования — без такой лицензии действовать просто невозможно.

– 1997 г.: учреждена Национальная Федерация Психоанализа (НФП), первоначально объединившая 11 психоаналитически ориентированных организаций и обществ Москвы, Санкт-Петербурга, Хабаровска, Новгорода и некоторых других городов. В последующем (за 1998-2001 года) под эгидой НФП учреждены и находятся в стадии формирования новые психоаналитические общества в ряде крупных промышленных и культурных центров России. В частности, в городах: Владикавказе, Волгограде, Воронеже, Калининграде, Кемерово, Краснодаре, Великом Новгороде, Новороссийске, Новосибирске, Норильске, Перми, Рыбинске, Свердловске, Смоленске, Чебоксарах, Ярославле и некоторых других. В трех городах, как я уже отмечал, на базе обществ созданы новые институты психоанализа.

– 1998 г.: сформулирована Национальная концепция возрождения и развития психоанализа. Основная стратегия концепции: ориентация на национальные российские приоритеты, ориентация на проведение психоаналитического образования и профессионального тренинга в России, ориентация на создание авторитетного психоаналитического движения в России, создание реальной системы профессиональной подготовки и профессиональной информации, создание системы общественной и государственной аккредитации психоанализа в России, последовательная интеграция психоанализа в российскую культурную, научную и психотерапевтическую практику.

– в том же 1998 году в России проведена Международная конференция «Психоанализ — Литература — Искусство». В этой конференции приняли участие более 100 специалистов по психоанализу из 17 стран: Австралии, Белоруссии, Венгрии, Германии, Израиля, Канады, Мексики, России, Соединенных Штатов Америки, Швейцарии, Швеции, Финляндии, Франции и Южно-Африканской Республики. Это дало важный стимул развитию культурологического психоанализа в России.

– 1998 г.: Национальная Федерация Психоанализа начинает издавать собственный журнал, где публикуются исторические, методические и

информационные материалы, работы ведущих современных западных авторов и первые обобщения клинического опыта российских специалистов. За прошедшие годы в журнале было представлено более 150 публикаций, включая ранее неизвестные в России классические работы Фрейда, Феничела, Абрахама, работы наших западных коллег и выдающихся современных специалистов, таких как Владимир Гранов, Гельмут Томэ и Хорст Кэхеле, Хэролд Стерн, Дэвид Сакс, Хомер Куртис, Джон Кафка, Гари Голдсмит, Александр Непомясчи и др. Опубликовано также более 50 работ российских авторов. Журнал получают все члены НФП, и таким образом формируется общее методическое и информационное поле, укрепляется наше единство. С 2000 года нами издается приложение к журналу «Трансфер-экспресс», которое с этого года становится межвузовским (межуниверситетским) студенческим журналом.

– 1998 г.: открыт Web-сайт психоанализа в сети Интернет, который затем дополнился электронной версией нашего журнала, а затем еще одним Web-сайтом — нашего Музея Фрейда. Мы все время активизируем и будем дальше активизировать информационную политику. И это задача не только штаб-квартиры НФП, но также и всех региональных обществ.

– В рамках этой задачи в 1998 г. учреждена первая в России Открытая Психоаналитическая Библиотека. В настоящее время фонды библиотеки включают более 4-х тысяч наименований книг и журналов и более 50 тысяч единиц хранения на магнитных носителях, включая все основные работы по психоанализу за 1924-1994 годы. Ежедневно библиотеку посещают около 30-и человек. Я хотел бы поблагодарить наших английских, американских, французских, немецких и австрийских друзей за бесценные подарки для этой библиотеки. Около половины книг иностранных фондов библиотеки имеют специальную печать на титуле: «Получена в дар от...».

– Перенимая западный опыт, в 1999 году мы провели в городе Репино первую Летнюю школу Национальной Федерации Психоанализа по теме: «Клинический и прикладной психоанализ — российская специфика». В этой Летней школе приняли участие 62 представителя региональных психоаналитических обществ и организаций НФП. Теперь эти школы стали ежегодными. 2-я летняя школа НФП по теме «Динамические и структурные модели супервизорской работы» состоялась в Ярославле в 2000 г. Участники 2-й Летней школы констатировали существенный рост методического уровня специалистов. Для этого есть много объяснений. Но я приведу лишь две красноречивых цифры: в 1999 году среднее количество часов работы с пациентами у участников Летней школы составляло 1700 часов, через год оно было уже 3600 часов, в 1999 году среднее количество часов персонального анализа у участников первой летней школы было всего 91 час, через год — уже 202 часа.

– 1999 г.: в целях организации систематической супервизорской работы (как основной формы практического тренинга) в региональных организациях НФП введен временный статус супервизора «in locus». И мы очень

рассчитываем, что эта временная мера позволит существенно усилить работу супервизорских групп в регионах России.

– В том же 1999 г. НФП была аффилирована Российской Психотерапевтической Ассоциацией, возглавляемой Главным психотерапевтом России профессором Б.Д. Карвасарским, и четко идентифицировала себя как часть российского психотерапевтического сообщества.

– Значительным событием стало открытие в 1999 году Музея Сновидений Зигмунда Фрейда (автор идеи и директор — Виктор Мазин). Музей стал одним из популярных культурных центров Санкт-Петербурга. За первые полтора года его посетили более 3000 человек, в нем проведено более 50 семинаров, лекций, диспутов с участием выдающихся представителей российской и зарубежной академической науки и искусства. Последний семинар состоялся неделю назад и был посвящен 100-летию Жана Лакана.

– В 1999 году был разработан первый проект Этического Кодекса Психоаналитика, который был утвержден Правлением НФП в качестве временного. Этот проект затем был принят за основу несколькими психотерапевтическими сообществами России. Сейчас ведется работа над Положением о Комиссии НФП по этике. В сентябре оно будет вынесено на обсуждение всех региональных обществ.

– Параллельно с 1999 года мы принимаем активное участие (совместно с Российской Психотерапевтической Ассоциацией) в работе над Законом России «О Психотерапии». В основу этого закона положена Германская модель психотерапии. И я уверен, что принятие этого закона станет важным этапом в развитии российской психотерапии.

– в 1999 году в НФП начинает формироваться направление «Детский Психоанализ». Отвечая социальному запросу, этот процесс развивается чрезвычайно активно (при поддержке германских и английских детских аналитиков). Направление групп-анализа сформировалось гораздо раньше и является достаточно авторитетным.

– В 2000 году учреждается Тренинговый Комитет НФП и принимается решение о придании Восточно-Европейскому Институту Психоанализа статуса Методического центра НФП. Это налагает большую ответственность, и сейчас мы проводим работу по укреплению основных структур и кадрового состава Института, где уже сейчас работают 17 кандидатов и 7 докторов наук (я бы хотел напомнить, что ориентация на получение ученых званий в области медицины и психологии должна составлять одно из направлений в работе региональных организаций, особенно — там, где создаются или созданы институты психоанализа).

Существенное значение в формировании стратегических направлений деятельности НФП сыграл Меморандум 2000 года профессоров Г. Томэ и Х. Кэхеле «О реформе в психоаналитическом образовании». Этот меморандум был опубликован в нашем журнале и хорошо известен всем присутствующим. Сейчас, с учетом этого Меморандума перерабатывается Положение «О профессиональном психоаналитическом тренинге» в НФП и

Положение «О национальных стандартах психоаналитического тренинга НФП». Мы обещали разослать его в марте этого года для обсуждения в региональных организациях, но сможем сделать это не раньше осени. И я прошу руководителей и членов региональных организаций НФП понять нас: это очень непростая работа. Я лишь обозначу основное направление реформ: снижение диктата институтов над специалистами и развитие общественного самоуправления. Но этот тезис не имеет ничего общего с попытками некоторых руководителей региональных обществ волонтаристски подходить к национальным стандартам профессиональной подготовки и тренинга. Эти стандарты могут лишь повышаться, а требования к специалистам — только усиливаться.

– В 2000 году НФП совместно с РАН и Государственным Лингвистическим Университетом приняла участие в организации и проведении Российско-Австрийской Конференции «Зигмунд Фрейд в контексте австрийской и российской культур». На этой конференции был установлен ряд новых контактов и обсуждались новые международные проекты. В том числе: публикация на русском языке полного стандартного издания сочинений З. Фрейда (в переводе с немецкого, с комментариями о различиях с английским изданием, примечаниями и постраничными ссылками на английское и немецкое издания), проведение в 2003 году Фрейдовского фестиваля, создание международного центра психоанализа в Санкт-Петербурге, и ряд других. 1-й том полного стандартного издания сочинений Фрейда выйдет уже в этом году.

– В 2000 году (по инициативе региональных обществ) впервые были открыты годовые специализации и курсы переподготовки для лиц, уже завершивших психоаналитического образование, находящихся на различных этапах завершения профессионального тренинга и имеющих практику. Эти циклы открыты по четырем направлениям: Клинический психоанализ, Детский психоанализ, Групповой психоанализ, Транзактный психоанализ. Как показывает наш опыт, все эти направления могут мирно сосуществовать в рамках одной структуры и взаимно обогащать друг друга.

– И в этом же, 2000 году выполнившим нормативы психоаналитического образования и профессионального тренинга (дидактический анализ, супервизорская подготовка и практика) выданы первые сертификаты специалистов НФП, а также осуществлена общественная аккредитация и сертификация первой группы персональных (обучающих) аналитиков и супервизоров НФП. Это основные успехи. Я не упоминаю здесь о работе Культурного киноцентра психоанализа и психоаналитического клуба «Бергассе — 19», с которыми вы сможете познакомиться в процессе работы нашей Конференции. Мы бы хотели, чтобы этот опыт культурно-просветительской и методической деятельности постоянно расширялся в регионах России. Я здесь также не говорю о ежегодно корректируемых программах психоаналитического образования, которые уточняются с учетом новых знаний и практического опыта,

получаемых от наших зарубежных коллег. Эта помощь неоценима, и о ней я не имею права не сказать.

– С 1997 года продолжается многолетняя программа по психоаналитической психотерапии под руководством Д-ра Хэролда Стерна (США).

– В 1998 году она дополняется аналогичной программой под руководством Д-ра Хомера Куртиса и Д-ра Гари Голдсмита (с участием более 20-и ведущих специалистов Американской Психоаналитической Ассоциации).

– В 1999 году эти две программы дополняются аналогичной программой Мид-Манхеттенского Института Психоанализа (под руководством Д-ра Чарльза Бершадски, Национальная Американская Ассоциация по Аккредитации в Психоанализе).

– В 2000 году начинается еще одна, английская программа (под руководством Д-ров Катрин Краузер и Джен Виннер, Международная Ассоциация Аналитической Психологии).

– Накануне этой конференции в России прошел уже 10-й семинар французской программы, которую с 1997 года ведет Д-р Александр Непомящи, в последние годы — совместно с Д-ром Натали Зальцман. Эти программы реализуются как в Петербурге, так и в региональных ассоциациях НФП, в частности в Москве, Новосибирске, Хабаровске, Новгороде. Эти программы, в совокупности составляющие более 200 часов дополнительных занятий в год, дают нам реальный практический опыт, и именно тот опыт, которого у нас пока мало. И я хотел бы сразу выразить нашу общую благодарность присутствующим здесь руководителям этих программ.

Должен сказать, что наша открытость для взаимодействия с представителями различных направлений психоанализа длительное время вызывала у меня тревогу. Эта тревога была связана с опасениями методической путаницы. Однако ряд ведущих западных специалистов и особенно — безвременно ушедший от нас Владимир Гранов — поддержали нас в этом подходе. Российская школа психоанализа только формируется. Поэтому, открытый характер нашего Института и нашей Федерации соответствует этому этапу. И я думаю, что этот открытый характер будет оставаться таковым и в последующем. Более того, как нам представляется, это соответствует мировой тенденции. Подтверждением этому является запланированная на июнь 2001 года конференция в Праге, где встречаются представители IPA и IAAP. На этой встрече будет и наша представительная делегация.

Я бы хотел, чтобы это было верно понято всеми присутствующими: я уже не раз говорил и писал об этом — никакой российской школы еще нет. Нам нужно иметь побольше скромности и пытаться ассимилировать все лучшее, теоретически и практически важное, что было создано нашими предшественниками и учителями. Я уже говорил, что в своем онтогенезе российский психоанализ повторяет филогенез теории и практики. Сейчас,

например, можно констатировать, что структурные подходы, которые преобладали в предшествующие годы, в настоящее время все больше заменяются динамическими подходами на основе теории развития.

* * *

Фактически, то, что мы делаем в терапии, можно было бы охарактеризовать как «отделение пациента от его прошлого». Глядя в будущее психоанализа, мы также должны не забывать о его прошлом. Наши стереотипы (во многом связанные с профессиональной работой «за закрытой дверью») нередко сказываются на наших межличностных контактах и взаимодействии между обществами. Я думаю, что этот (в некотором смысле) «негативный перенос» нужно начинать прорабатывать. Нам нужно развивать контакты не только с различными направлениями в мировом психоаналитическом сообществе, но и с различными направлениями академической науки, прежде всего психологии и медицины. Это возможно только на основе последовательного развития научных исследований, включая исследования эффективности терапии и самого терапевтического процесса. Мы знаем, что наше знание неочевидно. И нередко — непонятно для представителей других направлений психологии и медицины. Их негативизму пока, фактически, ничего не противопоставлено. Нами не противопоставлено. Длительно существовавшая нарциссическая позиция психоаналитиков явно себя не оправдывает. Нам нужно преодолевать нашу изоляцию от академической науки.

Особое беспокойство вызывает появление самодостаточной позиции у некоторых только что начавших практиковать специалистов. Причины для такой самодостаточности есть. При фактически полном отсутствии специалистов в стране, любой, кто хоть чуть-чуть научился разговаривать с пациентом или даже просто терпеливо слушать, уже может быть успешен. Прежде всего — материально успешен. И на фоне этой материальной успешности появляется ложная уверенность в своем профессионализме. Эта профессиональная иллюзия проявляется в нежелании учиться, супервизироваться и даже завершать собственный анализ. В отношении таких явлений мы должны занять самую непримиримую позицию. Мы не можем не обращать внимание на попытки некоторых специалистов, направленные на коммерциализацию психоанализа. Как Президент НФП, я категорически заявляю, что мы никогда не допустим этого — ни в какой форме. Во всяком случае — этого не будет в Национальной Федерации Психоанализа. В проекте Положения о подготовке и переподготовке специалистов предусматриваются достаточно жесткие требования по систематическому супервизированию и систематической переподготовке специалистов, аккредитованных НФП, а также ряд других положений, включая положение о нормировании практики. Мы уже сталкивались с синдромами профессионального сгорания, и эта тема также является актуальной.

Апеллируя к опыту супервизорской работы и работе в составе Тренингового комитета НФП, я должен признать, что нам следовало бы в первую очередь обратить особое внимание на теоретические и практические аспекты таких вопросов, как: работа с сопротивлением и защитами пациента, проработка невроза переноса, вообще — среднюю часть терапии в целом, и завершение терапии. Если быть откровенным (а мы не пытаемся что-либо скрывать от наших зарубежных коллег): пока основная масса специалистов достаточно успешно освоила методику и методологию начала терапии, научилась удерживать пациента в терапии, работать с переносом, давать пациенту поддержку, и делать это именно с точки зрения методологии психоанализа. Это большое достижение для 10 лет. Но, я еще раз повторю, это только начало. У нас есть несколько (около двух десятков) специалистов, которые блестяще применяют весь арсенал психоаналитических подходов и техник. Но — в основной массе случаев — ситуация пока такова, как было изложено выше.

Поэтому мы не имеем права успокаиваться. Тем не менее, я могу констатировать, что пять лет назад мы не могли и мечтать о клинических докладах, которые могли бы быть представлены на международной конференции. И я уверен, что еще через пять лет уровень этих докладов и обобщений будет еще выше. Другим (хотя и единично представленным негативным явлением) является попытка отдельных лиц пересмотреть методологию психоанализа, появление идей некоего «русского психоанализа», провозглашение принципов «манипулятивного психоанализа» и «психоаналитических пирамид», а также — «психоаналитический лексизм». Мы противодействовали и будем противодействовать этому всеми силами нашего психоаналитического сообщества, в том числе — используя весь свой моральный и властный ресурс.

* * *

Период иллюзий и надежд закончился. Начинается период серьезной и напряженной работы.

В заключение я хотел бы отметить, что мы последовательно ориентированы на кооперативные отношения со всеми психоаналитическими организациями России, независимо от их принадлежности (или непринадлежности) к НФП.

В соответствии с предложениями руководителей ряда региональных организаций НФП, осенью 2001 года мы вынесем на обсуждение новую редакцию Устава НФП, включая предложение о переходе от коллективного к индивидуальному многоступенчатому членству. Для этого есть много причин, которые будут подробно раскрыты в методическом письме Правления НФП.

Главные принципы НФП остаются прежними: объединение усилий психоаналитических обществ и других учреждений психоаналитической ориентации в целях:

- выработки единых стратегических подходов к проблемам психоаналитического образования и клинического тренинга, сертификации, общественной и государственной аккредитации психоаналитически ориентированных специалистов;
- создания эффективной системы подготовки и переподготовки специалистов;
- создания эффективной системы профессиональной информации;
- активного внедрения научно-исследовательских подходов в психоаналитическую практику;
- противодействия дискредитации психоанализа, попыткам деятельности вне правового поля и дикому психоанализу;
- активного взаимодействия с российским психотерапевтическим сообществом и международными психоаналитическими центрами.

Мы еще раз провозглашаем нашу открытость и идею Круглого стола представителей всех психоаналитических обществ России без каких-либо исходных условий или привилегий для тех или иных обществ. Я не хотел бы, чтобы та уверенность, с которой мы декларируем свою позицию, сформировала у присутствующих (особенно — у наших зарубежных коллег) ощущение некой самодостаточности новой генерации российских психоаналитически ориентированных специалистов. Поэтому я еще раз подтверждаю, что мы крайне нуждаемся в методической помощи мирового психоаналитического сообщества и вообще — во всем, что касается клинической практики. Тем не менее, психоанализ в России — пусть это покажется нескромным — уже есть. Это объективная реальность. Да, у нас пока не хватает теоретических знаний и практического опыта. Но есть только один путь для приобретения этого опыта — преподавательская, исследовательская, супервизорская и клиническая практика.

Я хотел бы поблагодарить всех руководителей и членов НФП за проделанную работу. Мой доклад будет передан вам для обсуждения и критических замечаний. Обращаясь к присутствующим здесь деятелям современного мирового психоанализа, мы хотели бы подчеркнуть, что были бы искренне благодарны за организацию новых и кратковременных, и — особенно — долговременных программ методической помощи.

Мы еще раз благодарим за ту методическую помощь, которая нам оказывалась и оказывается, включая участие в этом Конгрессе. Мы готовы принять на себя определенные обязательства и ответственность на основе согласованных решений. Мы готовы к развитию сотрудничества и уверены, что оно будет перспективным и эффективным.

Я уже не раз говорил, что Россия никогда не была богатой страной, но никогда не нищала духовно.

Все еще впереди!

Благодарю вас за внимание.

«Толкование сновидений» как психобиография Фрейда

В.М. Лейбин

Прошло сто лет со дня выхода в свет работы З. Фрейда “Толкование сновидений”. Однако до сих пор эта работа является одним из значительных источником понимания З.Фрейда как человека и основателя психоанализа. Каждый раз, когда обращаешься к этому источнику и вновь перечитываешь работу, обнаруживаешь для себя то новое, что ранее не попадало в поле зрения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда в преддверии столетнего юбилея я вновь погрузился в неоднократно прочитанный мною ранее текст, неожиданно для себя мое бессознательное выплеснуло на поверхность сознания собственное прозрение. В концептуальном виде это прозрение оформилось в виде двух предположений. Первое касается одной из семейных тайн, вызывавших внутреннее вопрошание З.Фрейда, на которое, судя по всему, он так и не получил окончательного ответа; второе связано с психической травмой, пережитой им в раннем детстве и роковым образом сказавшейся на его последующей жизни.

Оба предположения основываются на психоаналитических идеях, сформулированных З.Фрейдом и использованных мною в контексте текстологического анализа “Толкования сновидений”.

В плане первого предположения заслуживает внимания одно из сновидений З.Фрейда, не попавшее, насколько мне известно, в поле зрения исследователей. Речь идет об абсурдном, по выражению основателя психоанализа, сновидении об умершем отце. Воспроизведу его полностью:

“Я получаю извещение от общинного совета моего родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году. Я смеюсь над этим, так как, во-первых, в 1851 году меня не было еще на свете, во-вторых же, мой отец, к которому это могло относиться, уже умер. Однако я иду в соседнюю комнату, где он лежит в постели, и рассказываю ему это. К моему изумлению, он припоминает, что в 1851 году он был сильно пьян и его куда-то отвезли. Это было, когда он работал для Т. “Так ты, значит, и пил?” - спрашиваю я. - И вскоре после этого женился?” Я высчитываю, что я родился в 1856 году; это представляется мне непосредственно следующим друг за другом”[5; 338].

Разбору этого сновидения З.Фрейд посвящает несколько страниц, разделенных между собой изложением и обсуждением других приснившихся ему абсурдных сновидений.

В тексте самого сновидения обращают на себя внимание несколько деталей: упоминание о родном городе, в котором З.Фрейд родился. Женитьба его отца в интервале между 1851 и 1856 гг.; сарказм и ирония по отношению к отцу (“Так ты, значит, пил?”), соседствующая рядом с осуждением и неодобрением его поведения (“И вскоре после этого женился?”).

Не слишком ли много совпадений с местом и временем действия, которые могли иметь место в реальности и которые нашли свое отражение в

сновидении З.Фрейда более 40 лет спустя? Не свидетельствует ли данное сновидение об одной из семейных тайн, вызвавшей у З.Фрейда в детстве неудовлетворенное вопрошание и глубокое переживание, а в период возникновения психоанализа - тревожащие воспоминания и нежелательные умозаключения?

Интересно отметить, что З.Фрейд предлагает несколько интерпретаций своего сновидения. Причем создается впечатление, что первоначальные интерпретации вызывают у него какое-то внутреннее чувство неудовлетворения, в результате чего через несколько страниц он предлагает еще несколько интерпретаций, связанных с пониманием возникших в сновидении дат. Сперва З.Фрейд пишет о том, что интервал в 4-5 лет (в его сновидении соответствует интервалу между 1851 и 1856 гг.) - это промежуток времени, в течение которого он пользовался поддержкой у своего учителя Т.Мейнерта, был женихом своей невесты, заставлял одного из своих пациентов ожидать полного исцеления. Затем, продолжая анализ сновидения, через несколько страниц З.Фрейд указывает на то, что для него пятилетний срок обучения на медицинском факультете оказался недостаточным.

Наконец З.Фрейд дает еще одно толкование, непосредственно относящееся к дате 1851 г. По его мнению, последние два числа, входящие в эту дату, можно рассматривать как возраст (51 год), наиболее опасный для мужчины: именно в этом возрасте скоропостижно скончалось несколько его коллег.

Как видим, З.Фрейд прилагает немало усилий к тому, чтобы дать исчерпывающее толкование “абсурдному сновидению”, в котором фигурирует неизвестно откуда появившаяся дата (1851 г.). Исходя из выдвинутого мной предположения, появление этой даты в сновидении З.Фрейда имеет под собой реальные основания и связано с семейной тайной, а именно - вторым браком его отца.

Возникает вопрос, почему же З.Фрейд, искушенный в искусстве толкования сновидений, предложивший психоаналитический подход к исследованию бессознательного и использовавший его на практике при работе с многочисленными пациентами, не смог рассмотреть еще одну, наряду с другими, интерпретацию даты 1851 г., которая, казалось бы, могла кое-что прояснить? Неужели он, знаток человеческой психики, подборник истины и смелый человек, не побоявшийся на страницах “Толкования сновидений” предстать перед читателями не в лучшем свете, говоря, в частности, о проявлении в своих сновидениях “неприятного хвастовства”, “смешной мании величия”, “эгоистических желаний”, тем не менее не решился на обнародование семейной тайны? Неужели в силу по-человечески понятного нежелания омрачить память о любящем и заботливом человеке основатель психоанализа как беспристрастный ученый поступил своей честностью?

Полагаю, применительно к данному случаю нельзя упрекнуть З.Фрейда ни в недостаточной компетенции, ни в отсутствии смелости, ни в

нечестности по отношению к самому себе. Речь идет скорее о бессознательной рационализации, проявившейся, в частности, в попытках основателя психоанализа дать не одну, а несколько интерпретаций, относящихся к увиденным им во сне датам.

Отсюда следует несколько выводов.

Во-первых, понимание собственных сновидений - задача чрезвычайно трудная. Практика показывает, что во многих случаях значительно легче раскрыть подлинный смысл сновидения пациента, чем добраться до глубинного содержания своего собственного сновидения.

Во-вторых, если, несмотря на психоаналитические знания и профессиональное мастерство, у психоаналитика возникают трудности, связанные с пониманием его собственного сновидения, то это свидетельствует прежде всего о наличии сильного сопротивления, за которым могут скрываться вытесненные и подавленные переживания, препятствующие его прозрению и способствующие активизации работы защитных механизмов. Этим, по-видимому, объясняется то обстоятельство, что, несмотря на стремление З.Фрейда докопаться до скрытого смысла рассмотренного им сновидения, его анализ не достиг поставленной им перед самим собой цели.

В-третьих, перенося акцент с вытесненных и подавленных переживаний пациента на его сопротивление, которое становится главным объектом психоаналитического исследования и лечения, психоаналитик не должен упускать это из вида и тогда, когда осуществляет анализ собственных сновидений. Если бы З.Фрейд обратил внимание на свое сопротивление, связанное с интерпретацией даты 1851 г. в рассмотренном выше сновидении, то, судя по его любви к истине, он докопался бы до истоков сопротивления и, возможно, вспомнил бы нечто такое, что внесло бы ясность в вопрос об одной из семейных тайн.

В-четвертых, то, что не удалось сделать З.Фрейду, может служить наглядным подтверждением наличия у него в раннем детстве очень сильных вопрошаний и переживаний, отражение которых в сновидении способствовало лишь отрывочным воспоминаниям, но не преодолению сопротивления по выявлению реального положения вещей, волновавшего ребенка в период его проживания во Фрайберге и сказавшегося на анализе взрослого человека - основателя психоанализа.

В конечном счете, все эти выводы могут быть положены в основу предположения, согласно которому в раннем детстве З.Фрейд мог столкнуться с непонятной для него семейной тайной (вторым браком отца). Она вызвала глубокие переживания, которые наложили отпечаток на его последующие представления о бессознательных процессах, протекающих в глубинах психики.

О какой семейной тайне идет речь?

Долгое время считалось, что Якоб Фрейд был дважды женат: сперва на Салли Каннер, а затем - на Амалии Натансон, давшей жизнь основателю психоанализа. Эта точка зрения опиралась прежде всего на высказывания

самого З.Фрейда, который в работе “Психопатология обыденной жизни” писал: “Наш отец женился впоследствии вторично и был, таким образом, намного старше своих детей от второго брака”[4; 285]. Поэтому нет ничего удивительного в том, что Э.Джонс - официальный биограф З.Фрейда - в своем трехтомном труде придерживался именно этого взгляда.

В конце 60-х гг. Р.Гикльхорн опубликовала в одном из медицинских журналов статью о результатах исследования фрайбургского периода семьи З.Фрейда, в которой сообщила о том, что на самом деле Я. Фрейд был женат трижды. Опираясь на это исследование, авторы биографических трудов о Фрейде, включая Р.Кларка, Р.Дадуна и других, упоминают о таинственной Ребекке, как второй жене Я. Фрейда.

О ней имеется весьма ограниченная информация. Известно лишь, что примерно в 1852 г. она появилась во Фрайбурге вместе с его двумя сыновьями от первого брака. В то время ей было 32 года. Откуда она родом, где и как познакомилась с Я. Фрейдом, в каком году стала его женой, какие отношения были между ней и уже взрослыми сыновьями Якоба, как и при каких обстоятельствах она исчезла из его жизни, дав возможность ему жениться в третий раз - на Амалии Натансон, - все это остается неизвестным. Ни в одной из работ З.Фрейда нет упоминаний о второй жене отца. Правда, в его эпистолярном наследии упоминается имя Ребекки, как это имело место в его письме к берлинскому врачу В.Флиссу, датированному 21 сентября 1897 г. Да и то, в этом письме речь идет не о жене его отца, а о еврейской шутке, в которой используется имя Ребекки. Приводимая З.Фрейдом выдержка звучит следующим образом: “Ребекка, сними свое платье, ты больше не невеста”[6; 266].

Казалось бы, что особенного в том, что в контексте шутки З.Фрейд упомянул имя Ребекки? Известно, что он любил еврейские анекдоты, шутки, каламбуры и неоднократно использовал их в своих работах. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в письме к В.Флиссу фигурирует распространенное еврейское имя. Вместе с тем обращает на себя внимание то обстоятельство, что в этом письме З.Фрейд изложил свою точку зрения на сексуальные фантазии детей по отношению к родителям, уходящую своими корнями в детство этиологию неврозов, восприятие ребенком отца как “совратителя”. При этом он отметил, что, по-видимому, его собственный отец не составляет исключения в этом отношении.

Является ли случайным упоминание З.Фрейдом в одном письме отца и имени Ребекки? Почему из коллекции еврейских шуток он выбрал именно ту, в которой содержится имя второй жены его отца?

З.Фрейд неоднократно подчеркивал, что в психике нет ничего случайного. Конкретизируя это теоретическое положение и закладывая основы психоанализа, он исходил из того, что случайные, на первый взгляд, действия могут быть сведены к активизации подавленного психического материала, который, будучи вытесненным из сознания, не лишен способности тем или иным образом проявлять себя.

В 1897 г. З.Фрейд активно занимался самоанализом. Смерть отца, последовавшая годом раньше, явилась неким рубежом, преступив который он устремился навстречу новым представлениям о бессознательном, неврозах и сексуальных истоках их возникновения. Вполне вероятно, что именно в то время ранее вытесненные из его сознания детские воспоминания и переживания активизировались. Во всяком случае они могли проявить себя таким образом, что вызвали ассоциативную связь между отцом и именем Ребекки и, не осознавая того, в очередном письме В.Флиссу З.Фрейд процитировал еврейскую шутку, которая с учетом изложенных выше соображений выглядит более чем двусмысленной.

В данном случае ее двусмысленность заключается в следующем. С одной стороны, после смерти своего отца З.Фрейд мог вновь, как и в детстве, ощутить проявление нежных чувств к нему и простить (оправдать) свойственные тому слабости (второй брак). С другой стороны, он мог выразить критическое отношение к отцу в связи с тем, что, уйдя из жизни, отец так и не поведал об одной из семейных тайн, унеся ее с собой в могилу. Двойственность переживаний З.Фрейда, вызвавшая, видимо, воспоминания о его амбивалентном отношении к отцу в детстве, инициировала такую работу бессознательного, в результате которой в письме к В.Флиссу появилось имя Ребекки. За ним могло скрываться иное, по сравнению с упомянутой им шуткой, содержание - "Ребекка, не обременяй память, ты больше не жена отцу, которого уже нет в живых".

Насколько оправдана подобная интерпретация? Можно ли на основании единственного высказывания З.Фрейда, где упоминается имя Ребекки, делать столь далеко идущие выводы, за которыми просматривается допущение о том, что, возможно, маленький Зигмунд мог знать кое-что о второй жене отца?

К сожалению, о Ребекке известно не более, чем о первой жене Я. Фрейда. Нет достоверных источников ни о ее жизни, ни о ее смерти. Историки науки не располагают данными о том, умерла ли она до того, как Я. Фрейд женился в третий раз - на Амалии Натансон, переехала ли в другой город после разрыва с Якобом или продолжала жить во Фрайберге после рождения Зигмунда. Не исключено, что исследователи жизненного пути основателя психоанализа уже не узнают об этом, даже если будет опубликовано все его идейное наследие. Поэтому, как мне представляется, допустимы и оправданы любые предположения о жизни З.Фрейда, если они, разумеется, корректны и способствуют пониманию истоков возникновения психоанализа. В этом смысле изложенное выше предположение о возможных детских переживаниях З.Фрейда, связанных с одной из семейных тайн, касающихся второй жены его отца, не лишено, надеюсь, эвристической ценности.

Выдвинутое мною предположение допускает постановку целого ряда вопросов, связанных с первыми годами жизни З.Фрейда во Фрайберге. Коль скоро его сводные братья не могли не знать о втором браке их отца, поскольку к моменту прибытия во Фрайберг вместе с Ребеккой они были

достаточно взрослыми, то не могли ли они вести между собой разговоры, из которых З.Фрейд случайно почерпнул информацию, заставившую напрягать его детский пытливым ум и много лет спустя всплывшую в сновидении в форме даты 1851 г.?

Если о смерти Ребекки ничего не известно, то не могло ли оказаться так, что во время пребывания З.Фрейда в Фрайберге она тоже жила в этом небольшом городке и, возможно, мальчик встречался с ней, не зная того, что несколько лет тому назад она была женой его отца?

Если Ребекка действительно проживала в то время во Фрайберге, то как удалось Я. Фрейду скрыть тайну своего второго брака от молодой жены, матери их первенца, или же она, как и его дети от первого брака, знала о существовании второй жены ее мужа, но приложила все усилия к тому, чтобы во избежание подрыва авторитета мужа ее собственные дети ничего не знали о семейной тайне?

Если в первые годы своей жизни З.Фрейд по-детски пытался понять запутанные семейные отношения между двумя парами “отец - няня” и “сводный брат Филипп - мать”, то какие вопрошания и переживания могли быть у него в случае утечки информации о наличии еще одной женщины, непонятно кем являющейся отцу и ему самому?

Разумеется, сегодня эти вопросы остаются без ответа и нет никакого смысла строить различного рода домыслы на сей счет. Единственное, что может иметь смысл, так это не столь уж неправдоподобное допущение о возможных детских переживаниях З.Фрейда, связанных как с его положением в семье в роли дяди, имеющего племянника всего лишь на год старше его, так и с семейными тайнами, среди которых второй брак его отца являлся лишь одной из них, допущение о тех детских переживаниях основателя психоанализа, которые в процессе его последующего самоанализа и толкования данного сновидения вызвали различного рода ассоциации, скорее уведшие его от истины, нежели подтолкнувшие к ней.

В самом деле, в сновидении З.Фрейда его отец вспоминает, что был однажды пьян и его куда-то отвезли. Судя по реакции основателя психоанализа, это полный абсурд. Видимо, он никогда не видел отца пьяным, да и не допускал такое. Поэтому первое, что приходит в голову З.Фрейду, - заключение, согласно которому в этой сцене нет ничего, что в действительности относилось бы к отцу. А отсюда следующий шаг - утверждение, что за лицом отца скрывается знаменитый Т.Мейнерт, дружелюбное отношение которого к начинающему врачу впоследствии сменилось враждебностью.

Но может быть иная интерпретация этой сцены. За лицом отца скрывается не Т.Мейнерт, а отец, о поступках которого З.Фрейд ничего не знал. Речь идет не о пьянстве, так как трудно представить пьяным благочестивого еврея, каким был его отец. Скорее речь может идти об отце, совершившем какой-то поступок, вызвавший осуждение в глазах его старших детей, родных и близких: второй брак, последовавший сразу же после смерти первой жены? женитьба на женщине, социальный статус которой вызывал

сомнение? или, быть может, брак с женщиной, не способной к деторождению? Все это и многое другое могло вызвать неприятие и осуждение “постыдного”, “недостойного” поступка Я. Фрейда. Во всяком случае, можно предположить, что какая-то тайна, связанная с отцом З.Фрейда, витала в их доме и составляла семейный секрет, тщательно скрываемый от посторонних глаз.

Если речь действительно идет о совершенном Я. Фрейдом недостойном поступке, то тогда становится понятным один из элементов сновидения, увиденного основателем психоанализа несколько десятилетий спустя. “Я получаю извещение от общинного совета моего родного города с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 году”. Таково, как это видно из приведенного выше сновидения, его начало.

Интерпретация начала сновидения сводится З.Фрейдом к подмене его отца другим человеком, а именно коллегой основателя психоанализа, который принял на себя обязанности отца (Я.Фрейда), неспособного больше их исполнять (плата за содержание в госпитале). Можно на это посмотреть иначе. Я.Фрейду пришлось расплачиваться за совершенный неблагоприятный поступок. Расплата в форме угрызений совести довлекла над ним долгое время, если не всю жизнь.

Допустим, что это так. Тогда, не зная семейной тайны, но смутно догадываясь (не обязательно в раннем детстве, скорее в период самоанализа) о каком-то неблагоприятном поступке отца, совершенном до рождения З.Фрейда, основатель психоанализа принял на себя часть вины, за которую, как верный сын, он должен расплачиваться. Во-первых, он мог испытать чувство недовольства от того, что отец ушел из жизни и переложил плату за совершенный им поступок на него. Во-вторых, как любящий сын, он действительно мог взвалить на себя груз ответственности, считая, что необходимо оплачивать долги отца. Как в том, так и в другом случае пробуждается непонятное для З.Фрейда чувство вины, поскольку все эти невидимые процессы совершаются в глубине его психики и не всплывают на поверхность сознания.

Осуществленный З.Фрейдом анализ сновидения свидетельствует о том, что внутренняя цензура или сопротивление помешали ему докопаться до истины. Тем не менее вызванные данным сновидением воспоминания и переживания не исчезли бесследно. Не исключено, что через некоторое время именно они сказались на формировании его психоаналитических представлений о вине, неврозах и взаимоотношениях между ними.

Обращусь к работе З.Фрейда “Некоторые типы характера из психоаналитической практики”[3], где развиваются его идеи о силах совести и вине. Осмысление бессознательных процессов, непосредственно связанных с совестью и виной, осуществляется им не столько на историях болезни, сколько на художественных образах, созданных, как он говорил, “великими писателями-сердцеедами”. В частности, он обращается к анализу некоторых сюжетов, взятых из “Леди Макбет” У.Шекспира и “Росмерхольд” Г.Ибсена. Последнее художественное произведение, написанное Г.Ибсеном в 1886 г.,

особенно примечательно в плане выдвинутых мною предположений, поскольку имя главной героини - Ребекка.

Можно предположить, что это произведение Г.Ибсена действительно заинтересовало З.Фрейда, так как оно образно иллюстрирует, как и каким образом у человека, достигшего поставленных им целей и ради этого подтолкнувшего другого человека к самоубийству, в момент триумфа пробуждается совесть, возникает чувство вины, и он отказывается от того, что, казалось бы, ведет его к счастью. Но почему именно это произведение? Может быть, потому, что, помимо всего прочего, в нем затронуты сюжеты и действующие лица, вновь всколыхнувшие переживания З.Фрейда, имевшие место в первые годы жизни и в период самоанализа?

Полагаю, что это вполне допустимо, поскольку в этом художественном произведении содержатся детали, способные вызвать необходимые для анализа ассоциации. Кроме того, обсуждаемая З.Фрейдом проблематика весьма близка к тем переживаниям, которые могли возникнуть у него в связи с толкованием рассмотренного выше сновидения.

Так, имя героини - Ребекка. В тексте произведения Г.Ибсена одна из интриг связана с бездетностью жены пастора, которая, не без помощи Ребекки, посеявшей в ней сомнения в оправданности своего брака, бросается с мельничной плотины. Пастор просит Ребекку быть его второй женой. Но “авантюристка”, как ее называет З.Фрейд, безжалостно проложившая себе дорогу к осуществлению своих желаний, отказывается от предложения пастора.

Как видим, в художественном произведении Г.Ибсена содержится много деталей, способных привлечь внимание исследователя: имя героини, речь о втором браке, бездетность. Правда, некоторые из этих деталей имеют противоположный смысл: отказ Ребекки от второго брака, бездетность другой героини. Но, как известно из психоаналитической теории и практики, данные расхождения не имеют никакого значения, поскольку и в сновидении, и в фантазии одно может подменять другое.

Не буду останавливаться на предложенном З.Фрейдом разборе произведения. Тот, кто заинтересуется этими сюжетами, может обратиться к первоисточнику, поскольку эта работа переведена на русский язык и опубликована [3; 238-251].

Для обсуждаемого здесь вопроса важнее следующее. Пастор захотел узнать тайну Ребекки, она сообщила ему только часть, утаив самое главное, а З.Фрейд, осуществлявший анализ мотивов поведения героев, попытался до конца раскрыть (объяснить) то, что скрыла Ребекка. При этом основатель психоанализа рассмотрел чувство вины у Ребекки, сослался на клиническую практику, обнаруживающую у взрослых людей различного рода проступки, поставил вопрос о происхождении “темного ощущения вины”, которое, с точки зрения классического психоанализа, имеет своим источником комплекс Эдипа.

Нетрудно заметить разительные совпадения с тем, о чем говорилось при обсуждении выдвинутого мной предположения. Можно полагать, что по

прошествии почти двух десятилетий З.Фрейд отреагировал соответствующим образом на свои предшествующие переживания, и его бессознательное обходным путем наконец-то подвело его к раскрытию семейной тайны. То, что ему не удалось осуществить по отношению к тайне, незримо витавшей в его собственном доме, было реализовано путем психоаналитического раскрытия тайны, содержащейся в художественном произведении. При этом З.Фрейд выдвинул важные и, как мне представляется, во многом еще не оцененные должным образом психоаналитические идеи, согласно которым при раскрытии психологии преступника важно иметь в виду, что чувство вины может существовать до проступка и что проступок может обуславливаться этим чувством.

А теперь перейду к рассмотрению выдвинутого мною второго предположения о травмирующих переживаниях детства, оказавших значительное влияние на З.Фрейда как человека и основателя психоанализа. Речь идет о детских переживаниях, обусловленных смертью его восьмимесячного брата Юлиуса. В то время З.Фрейду был год и семь месяцев. И именно тогда он испытал такие переживания, которые способствовали возникновению у него “детской раны”, роковым образом сказавшейся на его дальнейшей жизни.

Трудно сказать, насколько глубокими могут быть переживания у ребенка в подобном возрасте. Однако в отношении З.Фрейда не стоит вопрос о том, могли ли быть у него в раннем возрасте переживания, связанные с рождением и смертью брата. Так, в письме к В.Флиссу, написанном 3 октября 1897 г., он делился своими воспоминаниями, связанными с “враждебными желаниями и настоящей детской ревностью” по отношению к его маленькому брату. Одновременно он сообщал о том, что смерть брата породила у него самоупреки, осталась “семенем для угрызений совести”.

Письмо В.Флиссу было написано З.Фрейдом в период, когда он интенсивно занимался самоанализом. Судя по всему, его ранние детские переживания действительно глубоко запали в душу будущего основателя психоанализа. Только сорок лет спустя он сам для себя смог уяснить, насколько значимыми для человека могут быть детские восприятия и переживания, загнанные в глубины психики и остающиеся бессознательными. Понадобился плодотворный и в то же время болезненный опыт самоанализа, прежде чем детские переживания, связанные с отношением З.Фрейда к младшему брату, всплыли на поверхность его сознания.

Опыт самоанализа помог З.Фрейду выявить его детские переживания и послужил отправной точкой для формирования некоторых идей, легших в основу классического психоанализа. В частности, можно говорить о том, что вскрытие собственных враждебных желаний и детской ревности по отношению к брату сыграло не последнюю роль в психоаналитических представлениях З.Фрейда о детях.

Так, два года спустя после написанного им письма В.Флиссу, где упоминались его детские переживания, основатель психоанализа высказал

ряд соображений, связанных с его пониманием детской психики. В “Толковании сновидений” он писал о том, что ребенок “абсолютно эгоистичен”, стремится к удовлетворению своих потребностей, выступая против соперников, “главным образом против своих братьев и сестер”. Одновременно он утверждал, что ребенок бессознательно носит в себе “злые желания” и “сознательно учитывает, какой ущерб могут принести ему новорожденные брат и сестра”. Желание ребенка, чтобы умерли его братья и сестры, З.Фрейд объяснял эгоизмом, в силу которого ребенок “смотрит на своих братьев и сестер как на соперников”[5; 218,219,222].

“Детская рана”, роковые для З.Фрейда обстоятельства семейной жизни - не слишком ли сильные эпитеты? Напротив, они представляются мне наиболее точными, позволяющими взглянуть по-новому на жизненный путь основателя психоанализа, отмеченный не только славой и всемирным признанием, но и личными болями, страданиями. Правильнее было бы даже использовать выражение “детская рана” без кавычек.

Тем самым я ввожу еще одно допущение, согласно которому в возрасте до трех лет З.Фрейд мог испытать такие переживания, которые не только способствовали возникновению психоанализа, но и роковым образом сказались на нем самом.

Имеются ли реальные основания для подобного допущения? На чем оно основано? О чем, собственно говоря, идет речь и что понимается под роковыми для З.Фрейда обстоятельствами ранних лет жизни?

Напомню, что восьмимесячный брат Юлиус умер в то время, когда З.Фрейду был один год и семь месяцев. Несколько месяцев спустя после этого печального события с З.Фрейдом произошел несчастный случай, который без каких-либо комментариев приводится Э.Джонсом в его биографической работе об основателе психоанализа[2; 22]. Речь идет о том, что в возрасте двух лет З.Фрейд упал с табуретки. При падении он ударился нижней челюстью о край стола, причем удар был настолько сильным, что у мальчика образовалась кровоточащая рана, на которую пришлось накладывать швы. Рана зажила, но шрам остался на всю жизнь.

Во время самоанализа З.Фрейду удалось вспомнить некоторые события, относящиеся к раннему периоду детства. Но этот эпизод не всплыл на поверхность его сознания, что само по себе весьма примечательно. Можно, по-видимому, говорить о том, что физические болевые ощущения того детского периода в какой-то степени компенсировали душевные переживания, связанные со смертью брата, но не устранили их. Сознательная репродукция их в процессе самоанализа натолкнулась на такое сопротивление, которое допустило лишь частичное воспоминание о событиях ранних лет жизни. Основатель психоанализа вспомнил о переживаниях, связанных со смертью брата, но не соотнес их с несчастным случаем, который стерся из его памяти.

Между тем несколько лет спустя в работе “Психопатология обыденной жизни”[4] З.Фрейд обратил внимание на то, что многие на первый взгляд случайные повреждения оказываются в сущности ничем иным, как

самоповреждениями. При рассмотрении подобных случаев он исходил из того, что в силу тех или иных причин человек становится подверженным самобичеванию. Упреки по отношению к самому себе способствуют созданию различных ситуаций, в которых возможно повреждение, пользуются любой возможностью, чтобы организовать повреждение. Бессознательное намерение ловко и искусно подводит человека к несчастному случаю.

Фактически, в “Психопатологии обыденной жизни” З.Фрейд дал наглядную иллюстрацию психоаналитического понимания того, как, почему и в силу каких причин могут происходить несчастные случаи или реализуется возможность, по его собственному выражению, “полунамеренного самоповреждения”. Не вижу оснований, чтобы не рассматривать именно с этих позиций тот несчастный случай, который произошел с З.Фрейдом в раннем детстве. Ведь никто иной, как он сам, вместо проявления ожидаемого участия по отношению к своим домашним, включая детей, прищемившим палец или набившим себе шишку, неизменно спрашивал: зачем они сделали это?

Не могу не отметить и то обстоятельство, что в “Психопатологии обыденной жизни” за примерами из клинической практики и психоаналитической интерпретацией несчастных случаев следует признание З.Фрейда в том, что и с ним случались приключения подобного рода. Дословно это признание звучит так: “У меня самого я вряд ли мог бы отметить случаи самоповреждения в нормальном состоянии, но при исключительных обстоятельствах они бывают и у меня”[4; 272].

Полагаю, что таким исключительным обстоятельством, предшествующим несчастному случаю с двухлетним З.Фрейдом была смерть его брата. Испытывая враждебные чувства по отношению к родившемуся после него брату, частично отнявшему любовь матери, он желал устранения его из семьи. Но как только Юлиуса не стало, маленький мальчик соотнес исчезновение (смерть) брата со своими эгоистическими желаниями. Появившееся у него чувство вины вызвало упреки в свой собственный адрес, которые в свою очередь породили потребность в наказании или, точнее, в самонаказании. Падение с табуретки, сильный удар о край стола и кровоточащая рана - это такой несчастный случай, за которым скрывалась тенденция к самоповреждению, как искуплению вины ребенка, испытывавшего враждебные чувства по отношению к брату и тем самым как бы навлекшего на него реальную смерть.

Самонаказание помогло маленькому З.Фрейду справиться со страданиями, вызванными чувством вины. Физическая боль притупила боль душевную. Физическая рана способствовала проявлению повышенного внимания со стороны матери, скорбевшей по умершему восьмимесячному сыну. З.Фрейд как бы искупил свою вину перед братом и вновь обрел любовь матери. Последнее было, видимо, не менее важным для него, чем первое, поскольку в душе поселился страх, а вдруг родители узнают о его

“дурных намерениях” по отношению к новорожденному, обвинят в смерти брата и накажут, отвернуться от него.

Во избежание наказания со стороны родителей З.Фрейд прибегнул к самонаказанию, не понимая и не осознавая того. Несчастный случай стал своего рода реабилитацией и перед умершим братом, и перед родителями. Физическая рана и причиненная ею боль затмили душевные переживания маленького Зигмунда, но не устранили их до конца. В глубине души, во мраке бессознательного остался неизгладимый след, контуры которого неясными очертаниями давали о себе знать. Кровоточащая от удара о край стола рана зарубцевалась, но на всю жизнь остался не только физический (телесный), но и психический шрам - тот шрам, который, возможно, стал роковым для основателя психоанализа, тот шрам, за который ему пришлось уплатить дорогую цену в форме многолетних физических страданий.

В свете сказанного выше становится более понятным начало сновидения, в котором З.Фрейд получает извещение с требованием внести плату за содержание в госпитале в 1851 г. Важным становится не то, за что необходимо оплатить, а то, что извещение с требованием платы адресовано именно З.Фрейду.

В процессе самоанализа на поверхность сознания З.Фрейда всплыли ранние детские воспоминания об умершем брате, вновь породившие переживания, связанные с чувством вины. Судя по письмам к В.Флиссу того периода, создается впечатление, что предшествующее искупление вины оказалось для него недостаточным. З.Фрейд впадает, по его собственным словам, в “маленькую истерию”. Он не может понять состояние своего разума и сетует на различного рода недомогания. Ему приходится расплачиваться за что-то такое, чего он не осознает. В состоянии сна, когда цензура ослаблена, он получает извещение о необходимости оплатить по счету. В процессе интерпретации своего сновидения он пытается добраться до глубинных источников, скрывающихся за явным содержанием сна. Но ему не удается, как уже отмечалось, преодолеть внутреннее сопротивление, в результате чего он, видимо, так и не понял, что его собственное бессознательное предъявляет счет к нему, как совестливому человеку, не до конца освободившемуся от чувства вины.

По счету надо платить. И З.Фрейд платит головными болями, расстройствами желудка, обмороками и, наконец, раковым заболеванием, которое принесло ему многолетние страдания и оказалось роковым для его жизни.

Не обладая достаточными знаниями о подлинных причинах раковых заболеваний, не могу утверждать, что имеется прямая или опосредованная связь между сильным ударом в нижнюю челюсть в двухлетнем возрасте и раком челюсти (правой стороны неба), обнаруженном у З.Фрейда в возрасте 65 лет. Распространенной является точка зрения, согласно которой раковое заболевание у З.Фрейда - результат чрезмерного курения им сигар. Однако, учитывая приведенные мною выше соображения, не могу не поставить ряд вопросов.

Может ли физическая травма в детстве иметь такие последствия, которые через несколько десятилетий способны обернуться раковым заболеванием? Могут ли душевные переживания, испытанные в детстве и воскрешенные в памяти взрослого человека, привести в конечном счете к раковому заболеванию? Может ли напластование взаимосвязанных между собой физических и психических травм явиться источником рака? Может ли чрезмерное курение быть единственной причиной ракового заболевания или одной из причин, наряду с другими, причем не основной, а дополнительной, но вполне достаточной для образования раковой опухоли?

Предоставляю возможность ответить на эти вопросы специалистам, если, разумеется, они захотят высказать свои соображения по этому поводу.

В контексте обсуждаемой мною проблематики хотел бы обратить внимание лишь на следующее.

Роковое стечение обстоятельств в первые годы жизни З.Фрейда впоследствии удивительным образом отразилось на его профессиональных интересах и здоровье. В 1874 г. в письме (от 6 марта) другу детства Эмилю Флусу он пожаловался в иронической форме на свою челюсть и зубную боль. В 1882 г. он опубликовал исследование “О структуре нервных волокон и клеток у рака”. Вторая часть (krebs) написанного на немецком языке (flusskrebs) слова “рак” одновременно обозначает и животное, и болезнь.

В 1895 г. З.Фрейд посетил ставшее психоаналитической классикой “сновидение об инъекции Ирме”, он увидел в горле своей пациентке “справа большое белое пятно”. При анализе этого сновидения фигурировали фразы “тяжелое органическое заболевание”, “наличие метастаза”. В “Толковании сновидений” З.Фрейд сообщил об одной пациентке, подвергшейся “довольно неудачной операции челюсти”. В феврале 1923 г. он обнаружил у себя “налет на челюсти и правой стороне неба”, который ему удалили 20 апреля того же года. Удаленная опухоль оказалась раковой. За первой операцией последовало множество других, принесших З.Фрейду непомерные муки и страдания. Так, в период с 1923 по 1927 гг. ему пришлось нанести 278 визитов врачу. Лишь смерть, наступившая 16 лет спустя после обнаружения у него рака, избавила его от непереносимых страданий.

Как можно расценить тот факт, что задолго до возникновения ракового заболевания З.Фрейд неоднократно говорил о раке? Почему, наконец, однажды, как утверждают некоторые исследователи[1; 217], он сказал, что у него непременно будет рак, который будет властвовать над его телом и духом?

Занимаясь историей, теорией и практикой психоанализа, я не склонен рассматривать все эти совпадения как случайные. В то же время не собираюсь “притягивать за уши” факты ради подтверждения или спасения выдвинутых мною предположений. Единственное, чего мне хотелось бы, так это привлечь внимание читателей к тому важному психоаналитическому положению З.Фрейда, согласно которому ранние детские впечатления и переживания, относящиеся ко второму, а иногда и к первому году жизни, могут оставлять прочный след в душе человека.

Вполне допускаю, что возникшее у З.Фрейда в раннем детстве бессознательное чувство вины, частично искупленное несчастным случаем (самоповреждением), сохранилось у него на всю жизнь. В исследовательском плане это подвигло его к самоанализу, изучению влияния бессознательного чувства вины на возникновение психических заболеваний, рассмотрению роли этого чувства в истории развития культуры и человечества. В личной жизни это приводило подчас к такому поведению, которое не поддавалось разумному объяснению с точки зрения тех, кто его окружал.

В частности, несмотря на настойчивые рекомендации врачей и просьбы близких бросить курить или хотя бы ограничиться одной сигарой в день (особенно после того, как у него был обнаружен рак), З.Фрейд не мог лишиться себя удовольствия от установленного им образа жизни. Не странно ли это для человека, выдвинувшего идеи о “принципе удовольствия”, которым изначально в своей жизни руководствуются люди, и “принципе реальности”, с которым им приходится считаться в семье, обществе.

Или, как можно объяснить ту слепоту З.Фрейда по отношению к нацизму, когда он никак не хотел видеть реальную угрозу собственной жизни? С приходом Гитлера к власти в Германии были подвергнуты сожжению книги З.Фрейда, конфискована психоаналитическая литература, закрыты психоаналитические журналы. Почти все известные психоаналитики эмигрировали в другие страны, главным образом в США. Многие друзья и знакомые предупреждали З.Фрейда о необходимости как можно быстрее покинуть Вену. И тем не менее основатель психоанализа оставался в Вене до тех пор, пока его собственные дети не оказались в руках гестапо.

Создается впечатление, что как в том, так и в другом случае З.Фрейд действовал вопреки своему рассудку. Наделенный острым умом, он не мог не понимать, что интенсивное курение не способствует сохранению здоровья. Привыкший смотреть правде в глаза, он не мог не видеть тех губительных для него и его дела последствий, которые нес с собой нацизм, объявивший психоанализ “еврейской наукой”.

Что-то задействованное внутри его самого мешало прислушаться к голосу разума и руководствоваться в своих действиях принципом реальности. З.Фрейд стойко переносил череду болезненных операций, связанных с раком, но отравлял себя никотином. Он одобрял решение своих коллег, эмигрирующих из Германии и Австрии во имя сохранения собственной жизни и развития психоанализа, но подвергал себя смертельной опасности, оставаясь в Вене даже после ее оккупации нацистами.

Не бессознательное ли чувство вины, возникшее у З.Фрейда в раннем детстве и усилившееся впоследствии под воздействием различных обстоятельств, оказалось тем пусковым механизмом, который предопределил его двойственное отношение к своей собственной жизни? Не породило ли оно у основателя психоанализа бессознательное стремление к искуплению “тяжких грехов”, некогда им совершенных?

В раннем детстве З.Фрейда искупление “тяжких грехов” (враждебное отношение к брату и желание его смерти) привело к несчастному случаю. В

зрелом и преклонном возрасте самоповреждение в виде несчастного случая выглядело бы не лучшим образом прежде всего в глазах самого основателя психоанализа, искусно раскрывающего подобного рода происшествия у своих пациентов. Поэтому, не осознавая глубинных мотивов своего поведения, З.Фрейд прибегал к таким формам искупления своих “тяжких грехов”, которые характеризовались одновременно отчаянной борьбой за жизнь и ее саморазрушением.

В личной жизни бессознательное стремление З.Фрейда к искуплению “тяжких грехов” возвело его на плаху шестнадцатилетних мучений и страданий от различного рода болезненных операций, необходимости пользоваться сперва “монстром” (огромным протезом, отделяющим рот от носовой полости), а затем более совершенным, но тем не менее доставляющим массу неудобств протезом. В исследовательском плане оно привело к развитию психоаналитических теорий об “инстинкте жизни” и “инстинкте смерти”, вызвавших неоднозначное к ним отношение со стороны не только противников, но и приверженцев психоанализа.

Таковы два предположения, возникших у меня при очередном прочтении работы З.Фрейда “Толкование сновидений”. Полагаю, что на протяжении долгих десятилетий XXI в. исследователи смогут черпать из нее ценную информацию, дающую представление о З.Фрейде как человеке и основателе психоанализа.

Литература

Гротьян М., Шайдт Ю. Фрейд в зеркале биографов //Энциклопедия глубинной психологии. Т.1. Зигмунд Фрейд. Жизнь. Работа. Наследие. М., 1998.

Джонс Э. Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М., 1997.

Фрейд З. Некоторые типы характера из психоаналитической практики //З.Фрейд. Художник и фантазирование. М., 1995.

Фрейд З. Психопатология обыденной жизни //З.Фрейд. Психология бессознательного. М., 1989.

Фрейд З. Толкование сновидений //З.Фрейд. Сон и сновидения. М., 1997.

The complete letters of Sigmund Freud to Wilhelm Fliess, 1887-1904 //Masson J.M.(ed.). Cambridge; L., 1985.

Доклад, прочитанный 4 ноября 1999 г. в Институте психоанализа (Москва) на научной конференции, посвященной 100-летию выхода в свет работы З.Фрейда “Толкование сновидений”. На русском языке опубликован в журнале “Вопросы психологии”, №5, 2000, с.99-111, на английском - в журнале “The Psychoanalytic Review”, vol.90, №6, 2003, pp.811-828.

Философская культурология классического психоанализа: основные принципы психоанализа культурной среды.

В.А.Медведев, С.М.Черкасов

[Примечание редактора “Russian Imago”: Публикуемый ниже текст представляет собой первоначальную редакцию главы учебного пособия «Философия культуры: становление и развитие», опубликованного в издательстве Санкт-Петербургского университета в 1995 году. Глава «Философская культурология психоанализа» вошла в текст учебника (с.217-227), но в связи с ограничениями, связанными с общим объемом издания, вышла в свет в урезанном примерно на две трети виде. С тех пор прошло много лет и авторы статьи имели многочисленные возможности в своих публикациях и устных выступлениях выразить те мысли, которые не вместились в университетский учебник.

Сегодня мы приняли решение о публикации полного варианта данной статьи прежде всего для того, чтобы почтить память Сергея Матвеевича Черкасова (1935–1997) – философа, культуролога и страстного популяризатора психоанализа. Именно он стоял у истоков прикладного, культурологического направления современного отечественного психоанализа, именно ему принадлежит заслуга создания целых жанров психоанализа культурной среды (таких, скажем, как психоанализ театрального и киноискусства), именно он был активнейшим организатором структур, в рамках которых российский психоанализ возродился и развивается в постперестроечную эпоху - Санкт-Петербургского психоаналитического общества, Санкт-Петербургского центра психоаналитической культуры, Восточно-Европейского института психоанализа, Фонда возрождения русского психоанализа, кафедры теории и истории психоанализа факультета социальной медицины Государственной Еврейской академии им. Маймонида.

Облик профессора Черкасова остался в памяти сотен его учеников как образец личностного погружения в ткань психоаналитического дискурса, как лицо отечественного психоанализа – умное, немного озорное и всегда доброжелательное. Его надо было видеть и слушать, чтобы почувствовать ту планку уровня преподавания и популяризации психоанализа, к которой мы все должны стремиться. Повторить же его никому не удастся, импровизационный стиль его лекций, неожиданность ассоциаций и парадоксальность суждений, скрепленные воедино обаянием его личности, оставили у всех нас, его учеников и друзей, память о некоем чуде, свидетелями которого мы имели счастье быть.

Сергей Матвеевич оставил после себя мало опубликованных работ, его стихией была устная импровизация, его рабочим местом была кафедра, а не письменный стол. И тем более важна в этой связи данная публикация, позволяющая зафиксировать в тексте его мысли и суждения.

Писалась эта статья ее авторами с одной тайной мыслью – попытаться рядом провокационных намеков заронить в сознание читателя идею о классическом психоанализе как основе для единения различных школ глубинной психологии, как фундаменте для глобального синтеза теорий бессознательного, которые, специализируясь в различных техниках психотерапии, потенциально едины в области исследования и преобразования культурной среды, в сфере работы с коллективным, филогенетическим бессознательным. Как показало время, прошедшее со дня первой публикации статьи, идея экуменизма в глубинной психологии еще не стала актуальной. Что ж, попробуем еще раз напомнить и о ней, и о светлом облике нашего учителя и друга – Сергея Матвеевича Черкасова.]

Размышляя на склоне своих дней о природе созданной им психоаналитической концепции в так называемых «новых» лекциях по введению в психоанализ (1932) Зигмунд Фрейд со всей определенностью заявил, что психоанализ не претендует на собственное мировоззрение, полностью заимствуя последнее у науки. И этому его заявлению можно было бы поверить, если не принимать во внимание то обстоятельство, что для него только сам психоанализ таковой наукой и являлся, подставляя плечо своей самодостаточной субстанциональности миру защитных проекций, иллюзий и вторичных рационализаций, в число которых Фрейд включал и всю современную ему науку.

И сегодня, оглядываясь на прошедшее столетие с того июля 1895 года, когда доктор Фрейд стал записывать свои сновидения и, отталкиваясь от их толкования, начал героический путь самопознания, погружения в собственное бессознательное, мы просто уже не можем отрицать очевидное: психоанализ проявил себя не просто как мировоззрение, не просто как некая объяснительная психологическая модель в ряду многих других; он выступил и продолжает выступать в качестве глобальной антропологической парадигмы, вне рамок которой культурные итоги XX века адекватно понять и оценить просто невозможно. Тем более что психоаналитическая концепция полностью соответствует тем отличительным признакам, которые сам Фрейд приписал любому мировоззрению, т.е. является интеллектуальной конструкцией, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоего предположения, и в которой ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает свое определенное место¹.

Некоторое недоумение порождает только то обстоятельство, что сам современный психоанализ, а этим термином по традиции обозначается некая условная совокупность терапевтических школ, объединенных более или менее полным признанием и применением клинических наработок Зигмунда Фрейда, также несколько дистанцируется от собственного мировоззренческого основания. Это позволяет провести различие между клиническим психоанализом, который, несомненно являясь неотъемлемой частью современной культуры, теоретически не нагружен

культурологической концепцией и абсолютно лишен избыточной для него философской рефлексии, и классическим психоанализом, немыслимым вне составляющей его суть философской культурологии.

Во избежание терминологических недоразумений следует прояснить смысл данного, уже ставшего расхожим, но от того не обретшего определенности, словосочетания. Под классическим психоанализом в данной статье понимается то состояние психоаналитической концепции, которое сложилось у Зигмунда Фрейда к середине 20-х годов и сконцентрировало в некоем системном единстве его философские, культурологические, клинические и научно-психологические наработки. Сам же классический психоанализ, в свою очередь, может быть подразделен на три концептуально единых, но функционально различающихся уровня – философский (метапсихологический), теоретико-психологический и прикладной. Философский психоанализ, в рамках проблематики которого и структурирован материал данной статьи, формулирует принципы и постулаты психоаналитического мировоззрения, опираясь на историю человеческой мысли и на интуитивные прозрения своих пророков².

Теоретический уровень играет буферную роль посредника между заоблачными высями философско-культурологической абстракции и твердой почвой психоаналитической практики. Он концентрирует и выражает в системном виде элементы «знания» о бессознательном, выстраивая их в виде спекулятивных аналоговых конструкций и операциональных моделей. Прикладной же уровень, на котором ведущая роль по традиции пока принадлежит клинической практике, привязывает к теоретическим конструкциям и моделям «живую плоть» индивидуальной и массовой активности бессознательного (т.е. осуществляет процесс интерпретации) и направляет вверх, в сферу теоретических обобщений, новые факты, не вписывающиеся в предлагаемые концептуальные схемы.

Верхний, философский уровень классического психоанализа является неприкосновенным и ревизии не подлежит, поскольку, выступая в качестве мировоззренческого ядра психоаналитической жизненной, исследовательской и профессиональной ориентации, он никоим образом не зависим от судьбы, теоретических изысканий или же практических успехов своих адептов. О его содержании легче узнать из диалогов Платона или гениальных откровений Ницше³, чем из статей и клинических разборов в психоаналитических журналах. Теоретический же уровень классического психоанализа, уровень его, так сказать, психологических амбиций, напротив, текуч и изменчив, поскольку зависим от прагматических результатов его практического приложения⁴.

Но изменчивость эта скачкообразна; претендуя на научность, и даже более того – на интегративную метанаучность (по крайней мере в сфере гуманитарного знания), теоретический психоанализ вынужден был воспринять имманентно присущую науке логику парадигмальных скачков, по традиции привязывая их цикличность к идеям очередного харизматического лидера (типа Хайнца Хартманна, Бертрана Левина или

Отто Кернберга). Прикладной же уровень, непосредственно соприкасающийся с поверхностью бездонного океана бессознательного, постоянно видоизменяется, подчиняясь малейшей ряби на этой поверхности, – такова плата за эффективность работы со стихией; сменив метафору, следует признаться, что править конем бессознательного можно лишь делая вид, что тебе было нужно именно туда, куда он тебя притащил.

Подробный анализ фрейдовских статей и писем, относящихся к данному периоду его творчества, и особенно его последней большой книги «Моисей и монотеизм», справедливо считающейся шедевром психоанализа патогенеза культурного сообщества, позволяет выдвинуть несколько даже парадоксальное суждение: резко отмежевываясь от любых попыток так или иначе извратить основы своей клинической методики и безжалостно порывая со всеми «диссидентами психоанализа» - А.Адлером, В.Штекелем, К.Юнгом, О.Ранком – как только они начинали претендовать на ревизию основ психоаналитической терапевтической техники, Зигмунд Фрейд органично ассимилировал теоретические идеи последних при построении того здания классического психоанализа, которое принципиально не может быть окончательно завершено, но из которого, по его словам, нельзя произвольно выбрасывать отдельные элементы. И постоянно выступая, скажем, против аморфности концептуальных оснований “аналитической психологии” Юнга, высказывая сомнения по поводу терапевтических приемов последнего, основоположник классического психоанализа не только включил в состав своего учения идею об архетипах коллективного бессознательного, обозначив их как «наследуемые схемы развития»⁵ и «филогенетические прафантазии»⁶, не только генетически обосновал эту, лишь интуитивно ясную для Юнга, идею, смоделировав механизмы образования и наследования архаичных первообразов, но и радикализировал ее, заявив, что «содержание бессознательного ведь вообще коллективно, оно общее достояние людей»⁷, ибо даже индивидуальные процессы вытеснения суть лишь обратные реактивные отображения (негативы) универсальных культурных запретов и лежащих в их основании типических, а потому – коллективных, травм.

В ходе последующего изложения мы постараемся неоднократно подчеркивать эту специфическую особенность классического психоанализа, его синтетический характер, который и позволяет ему претендовать на интегративную роль в современной глубинной психологии, расколотой на враждующие и конкурентно конфронтационные школы и направления, на роль единого концептуального поля интерпретации при сохранении различий и специфики терапевтических методик. Ведь очевидно, что лишь комплексное исследование, обязательно ориентированное на надличностные историко-культурные и культурологические доминанты, может ответить на вопрос о природе человека, его психики, смоделировав ее генетически, динамически, системно и субординационно.

Выросло это мощное, уходящее корнями в общечеловеческое культурное наследие древо классического психоанализа из странного и на

первый взгляд даже чужеродного раннему психоанализу, одержимому пафосом рационального прояснения и выговаривания тайн бессознательного, семечка – последней, философской главы книги «Толкование сновидений» (1900). В ней З.Фрейд, творчески преломив и дополнив идеи своего философского «крестного отца» Франца Brentano, впервые описал интенциональную модель человеческой психики как двойной, в виде данных органов чувств и в виде образов сновидений, иллюзорной проекции некоей результирующей суммы (динамического компромисса) психических процессов на пограничные экраны психической реальности – экран восприятия и экран сновидения. Поставив в центр своего концептуального системотворчества идею о вторичности, виртуальности всех индивидуальных психических актов, Фрейд не проводил различия между сновидческой активностью индивида, отыгрывающего на экране сновидений первичные симбиотические желания, и перцептуальной активностью, посредством которой индивид творит реактивные иллюзии восприятий на экране «внешний мир – сознание». «Все, что может быть объектом нашего восприятия – писал он – является мнимым, все равно как изображение в телескопе, получающееся от скрещения лучей»⁸. Столь радикальный критицизм (или же – «феноменологическое эпохе», как выразился бы другой великий ученик Brentano – Эдмунд Гуссерль) в отношении оснований человеческого опыта сразу же позволил Фрейду вырваться из мистически замкнутого круга «объектного психологизма». Объявив любое расчленение акта интенциональности (объективации) на реальный объект и его психическое отображение пагубным последствием применения в психологии топических метафор, он обратился непосредственно к глубинным мотивациям Я-активности. Причем по степени радикальности своей критической методологии, пропитанной очищающим наш опыт от иллюзий картезианским сомнением (эпохе), Фрейд как обычно превзошел даже самого Рене Декарта, введя в динамическую модель психики сознание (когнитивность) лишь в виде одной из форм вторичной защитной психической активности (по типу рационализации отреагирования постгипнотического внушения)⁹; мышление же и речевую коммуникацию он рассматривал лишь в качестве суррогатных преддействий, в качестве компенсаторного оперирования так называемыми «словесными остатками воспоминаний».

В качестве же базовой объяснительной модели понимания души человека Зигмунд Фрейд избрал образ многоуровневой, персонифицированной, фантазийной, вневременной, аффективно стесненной в бессознательном памяти, тотальная совокупность содержаний которой постоянно и непрерывно прорывается к припоминанию и отреагированию. Для этой памяти, сконцентрировавшей в себе наследие биологической эволюции, историю развития человеческого рода и индивидуальный вытесненный опыт, весь мир реальности (опыта) есть лишь символический повод для анамнезиса. И существует единственный способ систематизировать этот беспредельный «бурлящий котел» вытесненных

желаний и архаических влечений, свести их к некоему обозримому основанию, - это анализ их внешних культурных детерминант, т.е. системы символов и ритуалов, которые провоцируют и сопровождают каждый акт прорыва бессознательного содержания психики с целью его фобийного подавления, трансформации, либо же – сублимации, опосредованной символической разрядки. При этом вся человеческая культура истолковывается как отчужденный слепок коллективного по своей сути и родового по своему происхождению бессознательного. Круг замкнулся. Древний Змей-Уроборос дотянулся-таки пастью до собственного хвоста. Родился проект, замысел классического психоанализа.

Несмотря на то, что опыт собственного самоанализа, частично зафиксированный в тексте «Толкования сновидений», настолько убедил Фрейда в особой значимости психоанализа культурной среды, что он сразу же начал употреблять по отношению к нему звучный термин «метапсихология» («Психопатология обыденной жизни», 1901), поначалу данный проект играл роль одного из подсобных инструментов получения знания о бессознательном, причем главным, хотя и негативным источником такового оставалась терапевтическая практика. На данном этапе становления классического психоанализа складывающиеся методики интерпретации культурной символики и ритуалистики позволили, к примеру, из явления комического и механизма остроумия вывести структуру акта вытеснения и закономерности организации катарсического проявления вытесненных аффектов и желаний («Остроумие и его отношение к бессознательному», 1905); или же – на материале единичной инфантильной фантазии великого художника понять глубинные мотивы и энергетические истоки акта сублимации («Леонардо да Винчи. Одно детское воспоминание», 1910).

Явный перелом в пользу психоанализа культурной среды произошел, по нашему мнению, накануне первой мировой войны, когда в своей этапной книге «Тотем и табу» (1913), написанной в скрытом, но от того не менее плодотворном интеллектуальном соперничестве с Юнгом, Фрейд сформулировал и обосновал знаменитую программу психоаналитической редукции символов и ритуалов культуры к единому основанию, систематизировав их по аналоговой линии «невротик – ребенок – дикарь». Классический психоанализ вынырнул из глубин культурогенеза как перевернувшийся айсберг, как достойный представитель глубинной психологии и продолжатель традиции древних магических практик, мистерий и жреческих культов, христианской мистики и идеалов эпохи Просвещения. И теперь уже культура в ее развитии и функционировании выступила в качестве первичного основания и для клинических интерпретаций, и для теоретических обобщений, поскольку была представлена в качестве оттиска саморазвития человечества, в котором отливается каждая отдельная человеческая личность.

Перед психоанализом внезапно как бы распахнулся необозримый горизонт новой области исследования – психической реальности, фиксируемой в символике по-новому понимаемого культурного наследия

человечества. Зигмунд Фрейд следующим образом описал свой детский восторг перед открывающимися на этом пути перспективами: «Автор находит себя в положении мальчика, который нашел в лесу гнездо хороших грибов и прекрасных ягод и созывает своих спутников раньше, чем сам сорвал все, потому что видит, что сам не в состоянии справиться с обилием найденного»¹⁰. И если ранее он утаивал от недоброжелателей свои культурологические изыскания, признаваясь в письме к К.Г.Юнгу, что «кое-что из того, что выходит за рамки терапии и ее механизмов, я предпочел бы сохранить для себя или представить таким образом, чтобы меня поняли только люди сведущие»¹¹, то теперь в письмах к тому же адресату Фрейд, подобно первопроходцу на целинных землях, столбит за классическим психоанализом все новые и новые участки культурного поля: «я рад, что вы разделяете мое убеждение по поводу мифологии: мы должны полностью взять ее в свои руки... Биографическая литература тоже должна принадлежать нам... Талисманы должны быть целиком в нашем ведении...»¹². Что, кстати говоря, кроме горькой улыбки может вызвать сегодня ревнивая обида Юнга на фрейдовский призыв прийти в классический психоанализ, адресованный сотням антропологов, этнографов, историков, филологов, искусствоведов? И не потому ли их нет рядом с нами и поныне, что грибы на поляне, найденной Фрейдом, по своей форме исключительно фалличны, а ягоды – и вовсе сплошь одна клубничка?

В основание своей концепции культурогенеза Фрейд поставил фигуру терзаемого неосознаваемым чувством вины дикаря, в котором пробудились первые импульсы индивидуальных желаний, который проецирует вовне мучительный ужас амбивалентности своего нарождающегося индивидуального психического мира и обозначает фобийными мифологическими образами путь индивидуации, мучительного выламывания из-под контроля запретов и предписаний изначального безличного массовидного существования. Опираясь на краеугольный камень классического психоанализа – принцип тождества филогенеза и онтогенеза, психического развития человечества и отдельного человека, Фрейд построил свою исходную объяснительную модель культуры как отчужденной от человека системы символических провокаций процесса индивидуации, объединяющей в едином акте как нормативные запреты-табу, так и спасительные проекции, позволяющие ритуально снимать страх и чувство вины, порождаемые этими запретами.

Позднее, в работах «Массовая психология и анализ человеческого Я» (1921), «Будущее одной иллюзии» (1927), «Неудовлетворенность культурой» (1929), «Моисей и монотеизм» (1938), Зигмунд Фрейд окончательно сформулировал культурологию классического психоанализа, введя в контекст аналитического обсуждения психологию массы в качестве аналога внеличного архаического родового предсознания, репрессивного по отношению к индивидуальности и порождающего коллективные защитные проекции – идеалы, иллюзии и различные маниакальные «измы».

При использовании допущений подобного рода предельно расширяется спектр интерпретации глубинных мотивов личностного поведения за счет последовательного движения по линии онтогенеза: робинзонада первичного младенческого аутоэротизма --> начало объективаций и семья как первичная масса --> индивидуация как вынужденная реакция на травматический разрыв пуповины первичных (опорно-материнских) объектных связей --> выход на предельный рубеж психологической суверенности, к состоянию «современного человека», по выражению К.Г.Юнга¹³.

Сама же культура инициирует и сопровождает все стадии этого процесса, выполняя следующие основные функции:

1) Провоцирование через систему универсальных заповедей и запретов (табу) динамики пробуждения архаических деструктивных влечений (изнасиловать – убить – съесть), заряжающих нас агрессивной, дикарской энергетикой индивидуации.

2) Тотальный отказ в удовлетворении архаичных желаний, порождающий страх как средство их подавления и фобийные проекции как средство отыгрывания этого страха.

3) Запуск механизма формирования бессознательного чувства вины за само наличие запретных желаний, постепенная интериоризация системы культурных запретов и формирование их внутриспсихического представительства в виде особой психической инстанции – Супер-Эго.

4) Формирование навыков массообразования (психологически принудительной взаимоидентификации с другими людьми, основанной на единоподчиненной проекции содержания Супер-Эго), снимающего чувство вины и страх за счет подавления личностной суверенности и связанной с ее удержанием агрессивности.

5) Отлов индивидов, уклонившихся от цепких объятий массы, на крючок неагрессивной, сублимированной формы личностной самореализации, порождающей индивидуальный творческий катарсис и косвенное примирение с массой как потребителем творимых художественных форм.

Естественно, что в таком виде, будучи к тому же нагруженным гуманистическим пафосом обвинений против недостаточности компенсаций личностного вынужденного отказа от естественных архаических желаний (главная задача культуры, по Фрейду, – превращение счастья в чувство вины), классический психоанализ концептуально перерос свое клиническое основание и стал в свою очередь использовать случаи из терапевтической практики для аналогового прояснения того или иного «темного» отрезка культурогенеза (как, например, случай «маленького Ганса» для выяснения глубинных психологических корней первобытного тотемизма). И сам Зигмунд Фрейд, полностью отдавая себе отчет в произошедшей метаморфозе, заметил в 1932 году: «Я говорил вам, что психоанализ начал как терапия, но я хотел бы вам его рекомендовать не в качестве терапии, а из-за содержания в нем истины, из-за разъяснений, которые он нам дает, о том, что касается человека ближе всего, его собственной сущности, и из-за связей,

которые он вскрывает в самых различных областях его деятельности. Как терапия он один из многих...»¹⁴.

Особый интерес представляет собой философский аспект классического психоанализа. При этом следует отметить, что наличие у З.Фрейда философских предпосылок теоретизирования отрицалась не только его оппонентами («Фрейд был во многом не прав, отказавшись от философии»¹⁵, «что касается философии, то он не знал даже элементарнейших вещей, необходимых для того, чтобы заниматься ею»¹⁶ – таково было мнение К.Г.Юнга), но и им самим¹⁷. И тому были свои причины – ведь философствование в психоаналитической традиции достаточно прозрачно интерпретируется как рационализация предельного порядка, снимающая страх смерти, фиксация на котором порождена неотрагированной амбивалентностью отцовского комплекса. А поскольку З.Фрейд сам страдал от танатофобии, истоки которой он описал на материале личности Ф.М.Достоевского (1928), то он бессознательно уклонялся от философствования как реализации своего личного комплекса. Философия была его постыдной страстью и неодолимым тайным влечением, и только в конце своей жизни он, наконец, признался в этом, смешав в равной доле гордость творца и горечь непонятого пророка: «Мои открытия являются основой для вполне серьезной философии. Немногие поняли это, и немногие способны это понять»¹⁸.

Но, несмотря на все формы личного сопротивления, движимый самой логикой исследования предельных предпосылок человеческой культуры, Фрейд не только использовал свое глубокое знание историко-философской традиции (особенно ему были близки платоновские мифопоэтические метафоры, аристотелизированное Францем Brentano картезианство и кантовский метод критической дедукции от априори, нагруженный пафосом идей Артура Шопенгауэра и Фридриха Ницше), но и предложил собственную оригинальную, хотя и несколько эклектичную систему философской культурологии.

В области философствования теория культуры окрашена особой значимостью, она наиболее откровенна, если можно так выразиться, так как здесь ей трудно «воспарить» - вытеснить мысль о вторичности культурной среды, ее производности от глубинной психологической мотивации, и защититься от этой мысли стеной иллюзий и рационализаций. Ведь в мире иллюзий, фантазий и идеалов, составляющих в совокупности некую культурную оболочку бытования человека, есть только одна настоящая, первичная реальность, кладущая предел непрерывному потоку проективных мнимостей. И имя ей – смерть. И есть люди, которые, как считал Фрейд, страдая обостренным отношением к собственной смертности, конечности, отработывая синдром так называемого «всемогущества мыслей» – рудиментарный остаток первобытного анимизма, создают глобальные защитные рационализации, вводящие смерть в контекст рассуждений и в структуру мировоззрения. И имя им – философы.

Классический психоанализ подарил человечеству абсолютно оригинальный вариант осмысления смерти, избежав при этом и фобийного антипсихологизма феноменологии, и истерического душевного стриптиза экзистенциализма. Зигмунд Фрейд просто подменил проблему смерти тождественной ей по сути, но не уводящей в трансцензус, за пределы человеческого опыта, проблемой травмы рождения.

Вынужденный по соображениям сохранения единства психоаналитического движения разорвать в 1924 году отношения со своим ближайшим учеником и конфидентом Отто Ранком, Фрейд полностью и органично ввел в концептуальное ядро классического психоанализа основные положения книги Ранка «Травма рождения», как обычно предельно радикализовав их. С его точки зрения каждое этапное событие, каждая катастрофическая ломка нашего привычного жизненного уклада – рождение на свет, травма психологической сепарации от матери (орального отказа), Эдипова ситуация обретения пола, подавление подросткового всплеска индивидуации, ломка юношеских иллюзий и т.п., вплоть до биологической смерти, - есть одно-порядковое «самоубийство», вытеснение ставшего травматическим содержания нашего психического мира и формирование на его основании определенного пласта нашего личного, вытесненного бессознательного. Вытесненное при этом предстает в виде своеобразного «слоистого трупа» персонифицированных носителей подавленных психических содержаний (Пренатала, Младенца, Ребенка и т.д.), а их нереализованные желания подключаются к энергетическому потенциалу либидо.

Жизнь и смерть при этом, действительно, сливаются воедино, а Зигмунд Фрейд ментально сближается с мудростью наиболее близкого его философствованию античного мудреца – Гераклита Эфесского¹⁹.

Основная задача культурологии в рамках классического психоанализа может быть обозначена как исследование предельных детерминант системы отношений «человек – культура» на следующих трех важнейших этапах смерти-рождения человека:

- 1) Историческое рождение в филогенезе индивидуальности, т.е. автономной, не зависящей от массы личности, свершающееся на стадии распада тотемной орды. Вместе с первым человеком, осмелившимся агрессивно предъявить запросы своих индивидуальных желаний, родилась и контролирующая эти желания культура, функционально распадающаяся на свод провокационных запретов-табу и набор навязчивых ритуалов их совместного символического нарушения. Рождается семья, ставшая основным полигоном провоцирования и отыгрывания инцестуозных желаний, порождающих бессознательное чувство вины; рождается государство как система принуждения, гарантирующая участие индивида в массовых ритуалах, это чувство вины снимающих; рождается собственность как базовая форма защиты сферы индивидуальных желаний; и, наконец, рождается религия как способ ритуального снятия чувства вины вне системы

государственного принуждения, с гарантией сохранения уберегаемой собственностью индивидуальности.

По мере становления филогенеза индивидуации, по мере мучительного, но сладостного выламывания человека из родового монолита, скрепленного запретами индивидуальных желаний, по мере становления индивидуальной воли и сознания (как системы проекции на экран восприятия, так называемый «внешний мир», содержания нашей индивидуальной памяти), скелет базовых заповедей культуры постепенно обрастал мясом мифологических проекций, фантазийных образов, иллюзий и идеалов. Каждое из этих проективных образований было выбросом во внешний объектный мир того кошмара мучительной амбивалентности, которым мы расплачиваемся за право на индивидуальные желания, той совокупности детского страха, вины, пьянящего ужаса и торжества греховного удовольствия, которую К.Г.Юнг назвал «чувством нуминозного»²⁰. Несомненно, что именно контакты с Юнгом вдохновили Фрейда на подобного рода размышления, но и после разрыва с мятежным принцем психоанализа он неизменно продолжал настаивать на том, что и филогенетически, и в онтогенезе дорога индивидуации, личностного саморазвития вымощена элементами культурной среды, и прежде всего – сказками и мифами как запечатленными фантазиями. Первый герой, вырвавшийся из цепких объятий родовых табу, был не великим воином, он, по Фрейду, был великим поэтом, творцом эпоса, героического мифа. Разделяя мифы на психологические и пояснительные, Фрейд во главу угла всей системы мифологической культуры поставил психологический миф о герое-отцеубийце, герое-богоборце, жертвующем собою во имя спасения в остальных людях импульса сепарации от массы²¹.

Нуминозный ужас был и остается расплатой за претензию на автономность и индивидуальность, за право быть личностью, за частичное отключение от изначально массовой, коллективной природы нашей собственной психики. Не случайно же все «религии откровения», вернувшие божественный статус древнему Эросу и вновь возвратившие свободных личностей в массу, в общину, самым страшным, неискупимым, «смертным» грехом считают именно грех гордыни, т.е. стремление человека опираться исключительно на нарциссические ресурсы своей индивидуальной психики. Поколениями ломая себя, с кровью вытесняя это коллективное, родовое начало, превращая его в Ид, в первичное филогенетическое бессознательное, примитивный человек проецировал на экран объектного опыта свой страх, порожденный первородным грехом бегства из симбиотического рая изначальной обезличенности. В серии работ, посвященных становлению и развертыванию в человеческой культуре так называемого «мифа об отцеубийстве» – «Тотем и табу», «Массовая психология и анализ человеческого Я», «Моисей и монотеизм» – З.Фрейд подробнейшим образом описал механизмы образования, перехода в проективные формы символов и ритуалов культуры и филогенетического наследования данного стержневого нуминозного сюжета.

2) Появление на свет Ребенка как такового (в момент гибели Младенца от травматического шока сепарации – ломки иллюзорного симбиотического единства с матерью) и актуализация у него в течение инфантильного периода фиксированных предрасположенностей, «наследуемых схем» личностного саморазвития.

Ребенок, к счастью для него, не прокладывает, подобно его историческому аналогу – примитивному дикарю, дорогу индивидуации через бурелом фобий и карающей за личностность аутоагрессии, оставляя за собой тропу, помеченную культурными проекциями как капельками жертвенной крови. Ребенок уже может просто идти по этой тропинке, шаг за шагом освобождаясь от инерционной власти материнского тела (переноса ее господство в мир сновидений), от функциональной зависимости от родительской микромассы, пока не будет «убит» и загнан в инфантильную амнезию, вытеснен в бессознательное эдипальной трагедией родителеубийства.

А культура, этот мир отчужденного архаического страха, выросшая из капелек крови дикаря подобно прадревним Эриниям, рожденным из крови оскотенного Урана, должна сопровождать Ребенка на этом тяжелом пути, насыщая его психический мир защитной боязнью типических травм, производных от ужаса первобытного леса. Культура при этом поворачивается к Ребенку своей продуктивной стороной, выступает в качестве отработанной веками программы вочеловечивания, в качестве символического ряда «древних соблазнов», приманок индивидуации. Она пробуждает в поле памяти Ребенка прадревние, архаические переживания («филогенетические прафантазии») посредством их символического воспроизведения в сказках, играх, сновидениях, в символике быта и среды обитания. Чего стоит, скажем, хотя бы всем известный «Колобок» – этот архетипический наговор, несущий в себе первообраз Андрогина и важнейшую смысложизненную установку: «Да, ты рожден в атмосфере любви, но родительская любовь эгоистична и амбивалентна, она убивает твою индивидуальность; для того, чтобы не быть сожранным любовью без остатка – освобождайся от нее, беги, спасайся. И пусть впереди только страшный лес, где полно опасностей и где ты в конце концов найдешь свою смерть, но ты успеешь, и не раз, пропеть свою славную песенку. И это и есть жизнь как бегство от рождения к смерти!». В ранних лекциях по введению в психоанализ Фрейдом был даже обозначен некий обязательный набор типических инфантильных травм развития, производных от сказочной культуры детства (типа «Красной Шапочки» как модели фантазма раннего соращения, и пр.), которые будят энергетику примитивных страхов и без наличия которых не актуализируются ни контрсуггестивная агрессивность индивидуации, ни навыки защитной боязни, готовящей нас к травматическим ситуациям, связанным как с деструктивными импульсами Ид, так и с «вынужденными отказами» мира культуры²².

3) Рождение, формирование взрослого человека в подспудных бурях латентного периода и явных сражениях на полях подростковой

контрсуггестии. В истории рода человеческого этому процессу соответствовала особая символическая процедура – инициация, детали которой варьировались в различные времена и у разных народов, но суть оставалась неизменной. Речь шла о «посвящении во взрослые», о демонстрации достойным, прошедшим пытку длительным вынужденным одиночеством подросткам некоей степени свободы, связанной с рождением в новый мир, мир взрослого, суверенного и ответственного человека, находящийся вне материнского симбиотизма и отцовской суггестии. Но тут же, по принципу «куй железо, пока горячо», испытуемому демонстрировали и ужас выхода за приемлемые рамки этой свободы, символически подкрепляя запреты надличностных табу напоминанием о самом страшном личном опыте человека – травме рождения.

На данной стадии культура проявляет себя исключительно репрессивно; целью ее является защита общества от потенциально свободного индивида, отринувшего и биологические регуляторы и массовые запреты, а средством – тотальная фрустрация, перегонка свободы в чувство вины и ожидание кары, толкающие индивида либо в обезличенность массовых идентификаций, либо – к аутоагрессивной невротичности, либо – к агрессии, направленной вовне. Последний вариант усиливает культурное давление и усугубляет ситуацию. Расплатой за индивидуальность становится «всеобщая невротичность».

Культурная среда консолидируется в качестве врага любых проявлений человеческой индивидуальности, что З.Фрейд констатировал со всей присущей ему прямоотой и определенностью суждений: «Как бы мало ни были способны люди к изолированному существованию, они, тем не менее, ощущают жертвы, требуемые от них культурой ради возможности совместной жизни, как гнетущий груз. Культура должна, поэтому, защищать себя от одиночек...»²³.

Характеристикой данного этапа психического развития человека и человечества является всеобщность невротичности, а культурным обозначением – появление в поле сознания личности понятия смерти (как квинтэссенции тотальной враждебности индивиду культурного окружения), а в социальном поле – философствования как формы рациональной защиты от танатофобии.

* * * * *

Осознание описанного выше трагического противостояния личности и культуры неоднократно порождало в истории человеческой цивилизации контркультурные программы «великого отказа» и «возврата в естественное состояние».

Психоаналитическая культурология также настроена довольно-таки критично, но критика ее не столь радикальна. Она выделяет следующие основополагающие принципы подхода к единому, хотя и противоречивому, феномену культурной среды:

Принцип историчности, использующий методологию «общающихся сосудов» по аналоговой линии «дикарь – ребенок – невротик», фактически и породил психоаналитическую культурологию как теоретическую систему и прикладной психоанализ как ее практическое воплощение. Заполнить лакуны, белые пятна, касающиеся самых ранних этапов вхождения человека в режим принудительного окультуривания, удалось исключительно благодаря параллелям из области антропогенеза, поскольку единое поле инфантильной памяти, не знающее различий между реальными событиями, фантазиями и сновидениями, даже при условии снятия инфантильной амнезии не дает оснований для однозначных интерпретаций. Принцип историчности, предоставляя классическому психоанализу образ архаического героя, проецирующего на тело культуры свои защитные фобийные фантазии, в качестве своеобразного универсального ключа ко всем загадкам культурогенеза, позволяет не только понять последствия подключений к культурной среде на различных, даже самых ранних ступенях индивидуального развития, но и корректировать его течение при помощи арсенала апробированных веками средств культурного воздействия, среди которых сублимационный травматизм сказочных сюжетов, несомненно, не знает себе равных.

Принцип критицизма позволяет поставить вопрос об адекватности компенсаций и обоснованности культурных запретов и предписаний. «Психоанализ призывает ослабить строгость вытеснения влечений и отвести вместо этого больше места правдивости», - отмечал З.Фрейд в 1925 году²⁴.

Благодаря блокировке активностью нашего Эго сферы наследуемого коллективного опыта (Ид) человек действительно есть единственное живое существо, которое обречено на изначальную и ничем не сдерживаемую в нем самом агрессивность (т.е. ориентацию на ничем не ограниченное удовлетворение своих индивидуальных желаний). Но он спровоцирован на агрессию совершенно особой задачей – индивидуацией, которая и только которая делает его автономной личностью, в отличие от невротика, ребенка и дикаря. Культурное же развитие заключалось в том, чтобы и провоцировать, и фобийно ограничивать данный процесс психологического личностного освобождения. Делает это культурная среда за счет формирования запретов на отреагирование на ее пространстве любых форм освобождения от родовых табу, начиная с первичных инцестуозных и каннибалистских желаний. Таким образом, культура (как коллективное Эго) функционально воссоединяется с родовой традицией (коллективным Ид), перенимая от нее эстафетную палочку задачи по нейтрализации свободы индивида. Для подкрепления своих запретов культура опирается на силу Эроса, принудительно объединяющего людей в массу, взламывающего их индивидуальные защиты универсальной отмычкой удовлетворения тоски по утерянному некогда Раю, по счастливому времени непосредственного единства с родным человеком. «Для этого - пишет Фрейд - на службу призываются методы идентификации и затормаживания по цели любовных отношений», т.е. массообразование. «Отсюда – продолжает он там же – ограничения сексуальной жизни и

идеальная заповедь любви к ближнему, как к самому себе (оправданная лишь тем, что в максимальной мере противоречит изначальной природе человека)»²⁵.

Но, черпая широкой горстью энергетику Эроса на цели взаимоидентификации членов массы, культура зачастую незаметно проскакивает точку оптимума и не только ставит отдельного человека в невыносимое состояние, но и может погубить весь род человеческий, превращая, по словам Фрейда, человеческую сексуальность в отмирающую функцию. И именно этот репрессивный по отношению к индивиду характер современной культуры, утопивший агрессию индивидуации в массовых иллюзиях демократического и тоталитарного мифов, несет, по мнению основоположника классического психоанализа, ответственность за все тяготы и беды существования современных людей, с их массовой невротичностью, навязчивым и бессмысленным техническим «прогрессом», потенциальной агрессивностью массовых реакций и всеобщей инфантилизацией, порождаемой тотальным бессознательным страхом перед будущим, т.е. перед собою (страхом, столь ярко описанным Юнгом в его последней прижизненной книге «Один современный миф», посвященной феномену НЛО).

Приговор культуре, вынесенный доктором Фрейдом, достаточно суров: «все ее усилия не стоят затраченного труда, а итогом их будет лишь невыносимое для индивида состояние»²⁶.

Но принцип амбивалентности учит нас не позволять себе в порыве благородного негодования (или же – терапевтического участия) отклоняться от мудрой формулы Бенедикта Спинозы: «Не плакать, не смеяться, а понимать». Да, культура сугубо репрессивна, она есть враг индивида, взятого в его изолированности, единичности, сепаратности; ее гнетущий груз давит на нас постоянно, требуя приносить в жертву самые естественные наши желания (и даже помыслы). Но ведь именно это провоцирующее давление, стимулирующее актуализацию филогенетических прафантазий из родового пласта Ид и их аффективно окрашенное вытеснение в область личного бессознательного, и заряжает нас всей наличной жизненной энергетикой, нарциссически перехватывая которую мы и движемся по пути личностного саморазвития, входя в новый виток неудовлетворенности культурой... И так до бесконечности; или точнее – до конца. Иного не дано, такова жизнь человека, разорвавшего путы родовой симбиотической зависимости²⁷.

Главное в данной «человеческой ситуации» – правильно оценивать собственные силы и брать себе культурную ношу по плечу; вот этому нас и учит принцип элитарности. Ведь за что, к примеру, Зигмунд Фрейд сугубо отрицательно оценивал культурное содержание современного ему христианства? За выдвижение и нормативное отстаивание абсолютно невыполнимых для человека конца XX века моральных императивов, типа «Возлюби врага своего, благословляй руку, побивающую тебя...», что порождало и порождает всеобщее чувство вины и навязчивые формы бегства в массу для его ритуального снятия. Порочность современной ему культуры

Фрейд видел прежде всего в том, что она универсальна и подталкивает своими провоцирующими запретами на мучительные пути личностного саморазвития всех людей, независимо от их индивидуальной предрасположенности. Принцип элитарности же гласит, что культурная среда своим псевдодемократизмом противоречит самим основам человеческой психики, ориентированной на изначальное неравенство людей. Не случайно же, размышляя о судьбе личности в культуре, Фрейд так тщательно штудировал работы социал-дарвинистов, да и саму первичную модель «отцовской орды» позаимствовал непосредственно из «Происхождения видов»; ему лично была близка ницшеанская идея прорыва сильной личности на просторы индивидуального самовыражения сквозь гнет культурных блокировок, идея отбора сильнейшего, способного держать удары – она напоминала ему о судьбе самого психоанализа (которого качают волны, но он не тонет²⁸).

Каждый из нас вынужденно избирает себе моральные императивы и, соответственно, меру бессознательной агрессивности против них; невротичен лишь тот, кто оказался слаб, приняв на свои плечи непосильную ношу противостояния культурному давлению. Человек, не сформировавший в инфантильном периоде гармоничную защитных механизмов, человек со слабым, неразвитым Эго, просто не в состоянии удержать свою личность и неизбежно выталкивается в массу, а в случае фобийной блокировки процесса идентификации с другими людьми – в невроз.²⁹

Рассматриваемые с точки зрения структурирования их личного бессознательного, люди не только не равны, не тождественны друг другу; они различны, а порой и противоположны. С позиций классического психоанализа можно выделить людей Эроса, стержневой тенденцией личности которых выступает массообразование, и людей Танатоса, более ориентированных на индивидуацию как бегство от массы. Психоанализ создан как раз для последних и предназначен для облегчения их страданий, порожденных отрывом от первичного, коллективного пласта собственной психики, отходом от божественного опыта симбиотического слияния с другими людьми в адское одиночество нарциссизма. Нарциссическая позиция «людей Танатоса» вынужденна и реактивна, она представляет собой последствие фиксации на инфантильном травматическом опыте. Но терапия тут не всегда показана, поскольку сама культурная среда требует для своего воспроизводства личностей подобного типа, вокруг которых консолидируется масса. И потому традиционно глубинная психология обслуживает (и в качестве мировоззрения, и в качестве набора оперативных практик) именно интересы элиты, сословия Родителей, запускающего и поддерживающего процессы массообразования.

И тем не менее, при всей несомненной важности данной задачи, исправление дефектов индивидуального саморазвития и успешное разрешение проблемы адаптации отдельной личности в культурной среде отнюдь не является самоцелью для психоаналитика. Главная его задача – помочь массе неудачников, ищущих утешения в инфантильных регрессиях и

коллективных иллюзиях³⁰. В их несчастьях виновата сама культура, не дающая большинству даже шанса на гармоничную реализацию личностного саморазвития. В этом вопросе Фрейд настроен весьма решительно: если культурная среда именно такова (а он в своих обвинениях в ее адрес озвучил немой вопль тысяч страдальцев, бывших его пациентами), ее следует радикально изменить. Таково содержания принципа терапии культурной среды.

Фрейд разработал универсальную методiku контроля за мерой репрессивности культуры, которую как раз и обозначал звучным термином «метапсихология»³¹. Метапсихология, положенная в фундамент идей и методик позднего Фрейда по «терапии культурных сообществ», призвана была провести ревизию всех проективных форм наличной культуры, методом ретроспективной контрпроекции найти их психологические корни (т.е. превратить любую метафизику в метапсихологию), а затем – вынести вердикт относительно того, какие культурные образования позитивно и неневрозогенно детерминируют процессы Эго-активности, а какие психологически уже мертвы. Мертвые же, искусственные напластования на живом древе культуры лишь произвольно калечат психический мир современного человека, насыщая его непродуктивными и патогенными фобиями.

Что же касается конкретных рецептов, выписанных доктором Фрейдом современной ему европейской культуре, то диапазон их весьма широк: от идеи «сексуальной революции» как снятия излишних запретов на индивидуально приемлемые формы отреагирования энергии либидо³², до проекта «психоаналитической прививки», т.е. особой аналитической процедуры, применимой по отношению к детям старшего дошкольного возраста для снижения потенциала репрессивности их Супер-Эго, что дало бы дополнительные ресурсы для индивидуального саморазвития³³.

Особая значимость рациональных эволюционных преобразований традиционной культуры для будущего человечества подчеркивалась Фрейдом во всех его работах. Единственно от чего он предостерегал потенциальных культурных реформаторов, вдохновившихся его обличительной проповедью, так это от любого рода резких революционных перестроек культурной среды. Для него была очевидной пагубность подобного рода попыток реорганизации культуры по причине, во-первых, неискоренимой некомпетентности лидеров и их корысти, а во-вторых – из-за чудовищных размеров неизбежного при этом принуждения³⁴.

Эталоном же классического фрейдовского подхода к «терапии культурной среды» справедливо считается примененный им в психобиографии президента Вильсона и, особенно, в книге «Моисей и монотеизм» метод шоковой терапии культурного сообщества посредством интерпретационного вмешательства в сферу поддерживающих идентичность этого сообщества социальных мифов. Вмешательство подобного рода, опирающееся на авторитет как самого Фрейда, так и созданной и обоснованной им глобальной объяснительной модели, ломает структуру

массовых защит (своеобразного коллективного Эго), воспроизводящихся в навязчивых групповых ритуалах и обслуживающих их идеологиях. Получив взамен филогенетической прафантазии рациональную объяснительную модель, культурное сообщество способно выйти из-под власти традиции, повысить свою адаптивность и более эффективно решить актуальные задачи³⁵.

Как жаль, кстати говоря, что попытка социальной терапии подобного рода, проведенная в нашей стране в конце 80-х годов и связанная с идеологизацией концепции этногенеза Л.Гумилева, с научных позиций разрушающей ряд традиционных для России исторических мифов, провалилась по причине отсутствия у нее необходимой суггестивной мощи. А реализуйся подобного рода идеологический проект, в свое время – скажем, в середине 60-х годов, кто знает, – не исчезли бы поколение спустя те, вытекающие из «комплекса неполноценности» по отношению к западной цивилизации, пассивно-мазохистические качества нашего этноса, компенсировать которые ныне приходится традиционным квазидержавным изоляционизмом.

Особые же надежды основоположник психоанализа культурной среды связывал с еще одним его базовым принципом – принципом бисексуальности. Лишь гармоничное единство мужского и женского начала нашей психической организации, совместное отреагирование агрессивности и пассивной приспособляемости, личностного риска и стабильности постоянной связи с родовыми, инстинктивными началами человеческой души может спасти людей как от взаимоистребления, так и от превращения в массовидных существ.

Бессознательная женственность, как Анима, как основа (ибо связана с первичной, опорной идентификацией с матерью) психики каждого человека, как враг культуры и друг индивида, пронизанный не Танатосом, а животворящим Эросом, позволит снять чрезмерную репрессивность культурной среды, восстановить гармоничную целостность человеческого существования. На зов столь часто поминаемой Фрейдом Великой Праматери – богини Ананке-Необходимости – всплывет гармоничное детское непосредственно-эротическое отношение к миру, что породит неизбежный регресс в рамках всего культурного поля к точке проективного оптимума, при котором культурно провоцируемый импульс индивидуации будет сопровождаться только тем минимумом фобийных содержаний, который необходим для накачки энергетике защитных механизмов Эго.

Вот какими поэтическими словами описал в письме к Фрейду эту их совместную мечту Карл Густав Юнг: «Психоанализу, думается, надо дать время, чтобы он мог из многих центров проникнуть в сознание народов, снова пробудить у интеллигенции вкус к символам и мифам, осторожно вернуть Христу образ пророчествующего Бога виноградной лозы..., свести все к одному концу, сделать из культа и священного мифа то, чем они были, а именно пьяняще-радостный праздник, в котором этическое и животное начала в человеке слиты воедино...»³⁶.

Но это все были мечты о новом «золотом веке», которые столь часто посещали Фрейда и содействие в реализации которых он считал основной задачей (и оправданием) своего детища – психоанализа. А до его наступления, на время того межцивилизационного переходного периода, начало которого столетие назад и породило саму общественную потребность в психоанализе, психоаналитические воззрения на культурную среду должны основываться на принципе консерватизма.

Метапсихологическое критическое исследование культуры основано исключительно на том опыте, из которого психоанализ черпает аподиктичность своих постулатов, т.е. на опыте работы с пациентами. Пациент приносит в кабинет психоаналитика глубинный интрапсихический конфликт, спровоцированный недостаточностью компенсаторных возможностей культурной среды и агрессивно разрушающий основы его индивидуальной психики. В рамках общения с пациентом мы вправе критиковать культуру и строить совместно с ним стратегии избегания невротогенных для него зон культурного давления. По отношению же к культуре в целом классический психоанализ настроен более чем позитивно, поскольку никто кроме этого «врага» не стоит на дороге нашей агрессивности (перехватывая ее и направляя на нас самих, но это уже совсем другая история).

Более того, именно психоанализ призван не только повышать адаптивные возможности личности пациента путем расширения защитных ресурсов его Эго, но и компенсировать недостаточность культурной среды, неспособной предоставить адекватные разрядки спровоцированных ею бессознательной тревожности и бессознательного чувства вины. И речь при этом уже идет не о формировании стратегий подключения или же избегания по отношению к наличествующим коллективным ритуалам (типа семьи, религии или системы производственных отношений). Психоанализ вынужден сам, непосредственно в рамках собственных ритуальных и объяснительных возможностей, заменять собою принципиально недоступные для пациента социальные ритуалы, предоставляя ему возможность катарсической разрядки. Речь, прежде всего, идет о первичной родительской семье и религии; и потому столь часто психоаналитик вынужден играть родительские роли, восполняя недостаточность или дефектность инфантильного опыта пациента, а также – роль священнослужителя культа бессознательного, что позволяет трансформировать инфантильный опыт в социально значимые и в перспективе адаптивные поведенческие субординационные реакции.

Для современного человека, «человека учащегося», особую значимость имеет и чисто образовательная сторона психоаналитической процедуры. При этом совсем не важно, на кого ориентировано наше знание о бессознательно – на отдельного человека или же на массу людей. Важно, в заключении, зафиксировать принципиальное положение: психоанализ – это система знания, глубинно-психологическая концепция, глобальное по своей объяснительной мощи мировоззрение; а психоаналитик – это профессиональный продавец знания, просветитель, борец с патогенными

социальными мифами и персональными иллюзиями. Профессионализм же его заключается в умении, сохраняя роль Учителя, не растерять возможности, даруемые ему образами Родителя и Священника. Ведь исцеляет, успокаивает, внушает надежду и веру только божественный Логос, т.е. знание, воспринимаемое с инфантильной открытостью и религиозной верой.

Примечания

¹ Фрейд З. О мировоззрении. В кн.: Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С.399.

² Которых, кстати, совсем немного; да и эти немногие не всегда признаны в своем психоаналитическом отечестве. Читатель может заметить, сколь часто в данной статье будут упоминаться Карл Густав Юнг. Это не случайное совпадение и не демонстрация начитанности автора. На уровне философских спекуляций и культурологических изысканий психоанализ и аналитическая психология полностью идентичны, как, впрочем, и в сфере практического приложения знания о символике культурной среды. Более того, именно Юнг, как бы в последствии он не относился к психоаналитической теории, вдохновил Фрейда на выход за пределы чисто терапевтической ситуации, придал ему решимости открыто заявить о себе как о культурологе и реформаторе культуры. Несомненна и выдающаяся роль Отто Ранка в становлении философского стержня позднего психоанализа. Философствование, как мы знаем, есть сфера абсолютной всеобщности и абсолютного объяснительного монизма, и потому из канонизированных классиков классического психоанализа свой вклад в эту сферу фрейдовских размышлений сумел внести только Шандор Ференци (да и то лишь потому, что его не успели вовремя разоблачить и изгнать с Олимпа).

³ Интересно, что, сравнивая ментальные предпосылки философских интересов Фрейда и Юнга, мы находим там практически идентичный список «властителей дум». Это - Гераклит Эфесский, Эмпедокл, Платон, Шопенгауэр и Ницше.

⁴ Традиционные ссылки на фактор сопротивления психоанализу при появлении малейших признаков неприятия очередных его теоретических изысков принимались в качестве верификационных доводов, к сожалению, только во времена Зигмунда Фрейда.

⁵ Фрейд З. Из истории одного детского невроза. В кн.: Фрейд Зигмунд. Психоаналитические этюды. Мн.: Беларусь, 1991. С.268.

⁶ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С.237.

⁷ Фрейд З. Человек Моисей и монотеистическая религия. В кн.: Зигмунд Фрейд. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С.252.

⁸ Фрейд З. Толкование сновидений. Киев: Здоровья, 1991. С.318.

⁹ «Отказ от чрезмерной оценки сознания становится необходимой предпосылкой всякого правильного понимания происхождения психического». – З.Фрейд. Там же. С.318.

¹⁰ Фрейд З. Тотем и табу. В кн.: Фрейд Зигмунд. Я и Оно. Труды разных лет. Тбилиси: Мерани, 1991. Т.1. С.196.

¹¹ Зигмунд Фрейд – Карл Густав Юнг. Из переписки. – В кн.: Зигмунд Фрейд. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С.370.

¹² Там же. С.404-410.

¹³ Юнг К.Г. Проблема души современного человека. В кн.: Карл Густав Юнг. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993. С.293-316.

¹⁴ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С.399.

¹⁵ Юнг К.Г. Противоречия Фрейда и Юнга. В кн.: Карл Густав Юнг. Проблемы души нашего времени. М.: Прогресс, 1993. С.64.

- ¹⁶ Юнг К.Г. Зигмунд Фрейд. В кн.: Юнг К.Г. Феномен духа в искусстве и науке. М.: Ренессанс, 1992. С.67.
- ¹⁷ Долгое время в рабочем кабинете Фрейда висел ньютоновский лозунг «Работать не философствуя!», убрать который ему мешала память об осуждающих голубых глазах Эрнеста Брюкке, великого психофизиолога, понимавшего психику исключительно как функцию телесности и обучившего этому взгляду своего молодого ассистента Зигмунда Фрейда.
- ¹⁸ Цит. по кн.: Лейбин В.М. Фрейд, психоанализ и современная западная философия. М.: Политиздат, 1990. С.97.
- ¹⁹ «В нас самый зрелый умирает с рождением старика, молодой умирает в зрелого, ребенок – в молодого, младенец – в ребенка. Вчерашний умер в сегодняшнего, а сегодняшний умирает в завтрашнего... Смешно, что мы боимся одной смерти, хотя уже столько раз умерли и умираем сейчас» (12 ДК)
- ²⁰ Юнг К.Г. Психология и религия. В кн.: Юнг К.Г. Архетип и символ. М.: Ренессанс, 1991. С.133.
- ²¹ В контексте подобного рода рассуждений Фрейд сформулировал постулат о том, что «миф... является тем шагом, при помощи которого отдельный индивид выходит из массовой психологии». (Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого Я. В кн.: Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Беларусь, 1991. С.473-474.)
- ²² Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С.235-238.
- ²³ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. В кн.: Фрейд Зигмунд. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С.19.
- ²⁴ Фрейд З. Сопrotивление против психоанализа. В кн.: Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: Беларусь, 1991. С.532.
- ²⁵ Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. В кн.: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С.107.
- ²⁶ Фрейд З. Там же. С.133.
- ²⁷ Образно говоря, каждая новая угроза проглатывания (вовлечения в массу) со стороны очередного агента культуры, заставляет нас, маленьких Колобков, бегущих по темному лесу из родного дома по направлению к смерти, наматывать на себя новый опыт и усложнять песенку своей психзащиты.
- ²⁸ Это образное сравнение Фрейд заимствовал с герба Парижа, города, где он взял на себя свою историческую миссию, так и не сумев всучить ее (вместе с историей об Анне О.) великому Шарко.
- ²⁹ «Комплекс недостаточности» (неполноценности), описанный Альфредом Адлером, и есть результат чрезмерного нивелирования требований культуры по отношению к совершенно различным людям. И при всей нескрываемой неприязни к так называемой «индивидуальной психологии» Адлера Фрейд включил в состав классического психоанализа достижения последнего в области теории личности, неоднократно заявляя, что «объявляет вне закона далеко не все из того, что изобрел Адлер» (Зигмунд Фрейд – Карл Густав Юнг. Из переписки. В кн.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс, 1992. С.448)
- ³⁰ Весьма характерно в данном контексте звучит сравнение Фрейдом психоанализа с Армией спасения и призыв в ее ряды сотен тысяч социальных работников (Фрейд З. Интерес к психоанализу. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998. С.144).
- ³¹ Фрейд З. Психопатология обыденной жизни. В кн.: З.Фрейд. Психология бессознательного. М.: Просвещение, 1989. С.297.
- ³² Фрейд З. Неудовлетворенность культурой. В кн.: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С.108.
- ³³ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1989. С.393.
- ³⁴ Фрейд З. Будущее одной иллюзии. В кн.: Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. М.: Ренессанс, 1992. С.21.

³⁵ Первоначально, как всегда, Фрейд опробовал данную методику на отдельном пациента, сутью терапии которого как раз и была попытка его освобождения от власти наследуемой схемы, препятствующей адекватной адаптации в новой культурной среде. Речь идет о знаменитом случае Человека-Волка.

³⁶ Зигмунд Фрейд – Карл Густав Юнг. Из переписки. В кн.: Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. М.: Прогресс. 1992. С.415-416.

Психоанализ культуры и проблемы общества

Д.С.Рожественский

Появившись на рубеже XIX и XX столетий как психотерапевтический метод, психоанализ уже в первые десять лет своего существования выработал общепсихологическую теорию, по-новому объясняющую душевную жизнь человека. От клинической сферы Фрейд и его ученики распространили новую науку на разные области культуры: мифологию, религию, этнографию, педагогику, политику, искусство и т.д. Переходным звеном между психоаналитическим познанием внутреннего мира личности и изучением человеческого творчества стало исследование сновидений — первого продукта соприкосновения индивида и культуры. Учение о символах, проявляющихся в сновидении, оказалось краеугольным камнем, на котором впоследствии было выстроено грандиозное здание психоаналитической культурологии и, более того, новой философии человека и культуры.

С 20-х годов XX столетия широкое распространение получил термин «прикладной психоанализ» или, как синоним, «любительский психоанализ» — термин, подразумевающий не клиническое психоаналитическое исследование или практическое использование метода в не медицинских целях.

Определение «прикладной» вряд ли можно считать удачным, поскольку оно подразумевает лишь приложение на практике некоей теории или концептуальной системы; в этом смысле прикладным является и применение психоанализа в терапии неврозов. На мой взгляд, корректнее говорить о психоанализе культуры или культурной среды. В таком случае граница между клинической и не-клинической аналитической практикой (именно практикой, поскольку в теоретической сфере подобное деление неправомерно) совпадает с границей между внутренней и внешней реальностью: психоанализ, условно именуемый клиническим, занят внутренним миром человека, не клинический же изучает мир, создаваемый человеком вокруг себя. Культурная среда, как ее трактует психоанализ, есть овеществленная проекция в мир содержаний человеческой психики, в том числе ее бессознательной части. Эта проекция лежит в основе всех продуктов человеческой деятельности — таких, как мифология, искусство, религия, политика, общественные образования от семьи до государства и т.д.

Психоанализ культуры рассматривает эти продукты как производные системы символов и ритуалов, источником которых является человеческое бессознательное.

Слово «психоанализ» традиционно употребляется в двух основных значениях: психоанализ как наука о бессознательном и как метод психотерапии, базирующийся на соответствующей концептуальной основе. Понятие «психоанализ культурной среды» также подразумевает, с одной стороны, научное познание культуры, с другой — метод своего рода терапии

культурного общества или корректировки культуры при возникновении в последней массовых психопатологий. Какими реальными возможностями он располагает на этом пути?

Структурирование и развитие коллективной психики человеческого общества, например, государства, во многом напоминает структурирование и развитие психики индивида. С начала и до конца оно определяется конфронтацией принципов удовольствия и реальности. Общество возникает за счет взаимной идентификации своих членов по определенному признаку, отличающему их от других людей: историческому, национальному, идеологическому и т.п. Аналогичным путем происходит консолидация образа Я у ребенка, заложение идентичности как чувства своей уникальности, целостности и постоянства в окружающем мире. Надежные границы собственного Я позволяют человеку отделять себя от среды, отличать внешние раздражения от внутренних ощущений, а следовательно, и строить со средой нормальные отношения. Похожим образом государство отделяет себя от мира границами, служащими одновременно целям коммуникации: через них осуществляется любой взаимообмен.

Если обозначить две фундаментальные потребности всякого государства как: 1) внутреннюю связность и соподчиненность структур; 2) конструктивное взаимодействие с другими государствами, то легко заметить, что они аналогичны потребностям индивида в организации психики в связную систему и в разработке взаимосвязей Я с внешним миром, сохраняющих в постоянном виде структуру и гармонию элементов. Эту параллель можно продолжить, упомянув о внутреннем структурировании государства на основе развития системы интроектов: например, собственных вооруженных сил, дипломатического корпуса, торговой палаты и т.д., возникающих как адекватный ответ на факт существования вооруженных сил, торговой палаты и т.п. в соседнем государстве.

Понятно, что эти структуры экономически выгодно создавать многоцелевыми: так, армия, изначально созданная для противодействия вторжению с запада, может быть переориентирована для отражения агрессии с востока. В индивидуальной психике этот процесс тождествен феномену трансфера (переноса). Главное же заключается в том, что любое обретшее идентичность сообщество является по сути индивидом — индивидом более высокого порядка по сравнению с каждым из своих членов (точно так же, как любой человек, расценивающий себя как единую и постоянную личность, состоит из клеток, периодически отмирающих и заменяющихся новыми). Сообщество — это индивид, поскольку оно консолидировало свой образ и идентифицировало себя в окружающем мире; поскольку оно обладает собственным коллективным Эго (власть, правоохранительные структуры), и Суперэго — о последнем писал Фрейд в работе «Недовольство культурой», указывая, что оно «основано на впечатлении, оставленном ведущими личностями, людьми необычайной силы духа, или такими, у которых одно из человеческих устремлений получило наиболее сильное и ясное выражение»,

и что наиболее яркий образец массового Суперэго был дан человечеству в лице Иисуса Христа.

Культурное сообщество, как индивид, может проявлять многочисленные признаки «заболевания». Оно может стать носителем локализованного «невротического» симптома в виде удушающих моральных и нравственных нормативов, как Европа конца XIX века, и способствовать развитию соответствующих психопатологий у своих членов (как писал Э. Эриксон, первые пациентки Фрейда «платили за ханжеские двойные стандарты в области секса у господствующих классов, преуспевающих коммерсантов и будущих промышленников»). Оно может регрессировать на уровень массового психоза, как Германия национал-социалистов, или погрузиться в состояние недифференцированной тревожности и коллективного переживания бессмысленности бытия — как Россия в период реакции 1905 — 1908 гг. и в преддверии мировой войны (что отразилось, например, в симптоматике Сергея Панкеева, ощущавшего жизнь пустой, а людей марионетками. Подобным же мировосприятием А.Н. Толстой наделил своего Бессонова). С.Бенвенуто задавался вопросом: не является ли нарциссизм характерным для США типом патологии; также Кристофер Лэш, на которого ссылается О. Кернберг, через нарциссизм объяснял ряд аспектов американской культуры. Используя подобное видение проблемы, психоанализ культуры способен разработать стратегию терапии сообщества, если в ней возникает необходимость. Такую попытку предпринял, по сути, Фрейд в отношении еврейского народа, гипотетически определив истоки групповой симптоматики как чувство вины за убийство пророка и попробовав дать сообществу толчок к эмоциональному отреагированию травмы.

Как видно из вышесказанного, деление психоанализа на клинический и культурологический весьма условно, — если учесть и схожесть индивидуальных психопатологий с психопатологиями культур и народов, и обоюдное проникновение психических содержаний: индивидуальных в культурные и наоборот. Этот тезис иллюстрируется состоянием психоаналитической концепции в середине 20-х гг., когда были воедино собраны и интегрированы философские, клинические и культурологические наработки Фрейда и его сподвижников. Сам Фрейд писал в 1926 г.: «По практическим соображениям и для наших публикаций мы приобрели привычку отделять клинический анализ от других приложений анализа. Но это не корректно. В реальности граница проходит между научным психоанализом и его применениями (в медицинской и не медицинской областях)». Можно сказать, что психоаналитик в своем профессиональном развитии может (и должен) стремиться к тому уровню компетентности, на котором его клинические и культурологические познания составят одно целое — знание о человеке в контексте культуры; до той же поры психоанализ культурной среды и терапия индивидуальных психопатологий должны постоянно взаимообогащаться, ибо друг без друга они теряют смысл.

Культуру и личность разорвать нельзя. Разумеется, было бы ошибкой пытаться провести грубую и однозначную параллель между патологией культуры и индивидуальными зарождающимися в ней невротами и психозами. От подобной ошибки аналитиков предостерегал, например, О. Кернберг, отмечавший, что прямо приписать истерическую культуру викторианской эпохе с ее сексуальными репрессиями — отменный «первый взгляд», но взгляд, упускающий из виду множество составных частей комплекса сексуальности тех лет. «Очень соблазнительно описать конкретные культуры в понятиях определенных патологий характера, — говорит Кернберг, — но следует иметь в виду, что, пока характер может находиться под влиянием культуры, эти отношения более опосредованы и сложны, чем кажется на первый взгляд». Отношения личности и культуры в каждом конкретном случае должны становиться объектом всестороннего исследования. В 1926 — 1927 гг. на знаменитой дискуссии «о любительском анализе» неоднократно подчеркивалась тесная связь клинических и не клинических изысканий; так, Франц Александер заявлял: «...превосходство аналитика, который глубоко сведущ в изучении человеческого сознания и его продукции (литературы, мифологии и т.п.), по сравнению с уровнем компетентности «медицинского аналитика», который часто ничего, кроме медицины, и не изучал, настолько явно, что никакому психоаналитику не потребуются доказательства этого факта».

Уникальность психоанализа состоит в том, что эта молодая наука, возникшая как метод терапии невротозов, изначально черпала себя не только из клинических источников, но и из философии (Платон, Шопенгауэр, Ницше), из этнографии (Вундт), из литературы (Софокл, Достоевский). Возможно, не случаен тот факт, что в истории психоанализа было немало людей, пришедших к аналитической практике от культурологии, истории, философии и даже богословия (например, Рональд Фейрбейрн). Первыми психоаналитиками без медицинского образования были: философ и культуролог Отто Ранк (1884 — 1939); юрист Ганс Сакс (1881 — 1947), впоследствии ставший тренинговым аналитиком; доктор философии Теодор Райх (1888 — 1969) и другие. Следует ожидать, что контингент российских психоаналитиков, занятых проблемами культуры, также будет формироваться в первую очередь из представителей гуманитарных и естественных наук.

Каковы задачи, стоящие перед психоанализом культуры, помимо научных исследований культурной среды и обогащения клинического направления? Под активным психоаналитическим разрешением массовых проблем может пониматься, например, психокоррекция общества через контакт с символами и ритуалами культуры: так видит массовую психотерапию В.А. Медведев. Вспомним, что и К.-Г. Юнг в свое время рассматривал психотерапевтический процесс как приобщение человека к культуре или как соотнесение индивидуального мифа с коллективным. Для прояснения этого тезиса необходим краткий теоретический экскурс.

Человеческое бессознательное структурировано мифом — совокупностью фантазийных образов, лежащей в основе отношений индивида с самим собой, с другими людьми, с культурой. Индивидуальный миф закладывается в процессе первых соприкосновений ребенка с культурой первичного (семейного) окружения как система наиболее устойчивых стереотипов отреагирования любви и агрессии в любых производных. Наряду с этим существует миф культурного сообщества, структурирующий филогенетическое бессознательное и находящий выражение, например, в народных традициях или особенностях национального менталитета. Индивид в рамках культуры пребывает под влиянием автономных архетипических образов, заложенных в символическом содержании культурной традиции (мифология, религия, искусство) и формирующих структуру его психической реальности. Любой невроз может быть рассмотрен с этих позиций как продукт разлада между индивидуальной и культурной (национальной, этнической) мифологией, или как производная неадекватности культурной традиции содержанию «имаго» индивида (т.е. фило- и онтогенетических образов первичного семейного окружения). Если разлад возникает между мифологией культурной и групповой (т.е. мифологией сообщества, сплавляемого на основе взаимной идентификации), мы имеем дело с психопатологией культурного сообщества: в социуме зарождаются коллективные патогенные фантазии, возрастает деструктивный потенциал и т.п.

В качестве примера можно привести бывший СССР. В течение 70 лет существования этого государства культурные традиции России и других союзных республик подменялись грубоватой идеологической схемой.

Навязанная групповая культура оказалась неадекватна наследуемым содержанием психики. Советский Союз в результате превратился в государство с колоссальным психотическим потенциалом, то есть обрел психотическую псевдостабильность.

Когда в 80-е годы М.С. Горбачев взял на себя роль психотерапевта по отношению к больному обществу и допустил ошибку, разрушив испробованные защиты, но не дав взамен новых, — масса людей оказалась перед проблемой элементарного психического выживания. Следствием возникшего дефицита социальной идентичности стала всеобщая тревожность, минорность, масштабные маниакальные и депрессивные тенденции. Сейчас, когда живы поколения людей, чье детство и становление происходило при Сталине и Брежневе — людей, идентифицировавших себя как «советский народ», а государство одновременно с этим учится жить по новым законам и утверждает новые системы ценностей, впитываемые молодежью — общество в целом оказывается в болезненном состоянии, которое применительно к индивиду может быть трактовано как раздвоение личности с нарушением непрерывности самосознания.

Гиперреализация нового качества Я — свобода, вседозволенность, гласность — сопровождается ощущением разрыва самосознания; «доблезненный» (советский) период начинает выглядеть призрачным и

чуждым, хотя его установки продолжают жить и подспудно работать в каждом из нас.

Вспомним, однако, что Россия XX века еще раньше переживала две подобные «регрессивные» эпохи: первое десятилетие (когда, по словам Ницше, «умер старый Бог») и постреволюционный период.

А.М. Эткинд, опираясь на социологию, характеризует такие отрезки развития общества как «эпохи аномии».

Каждый раз главной их характеристикой оказывалась смерть прежнего группового мифа, массовый выплеск архаических позывов и страхов и потребность в новом мифе, не входящем в противоречие ни с культурной, ни с индивидуальной традицией. В условиях всякого экономического или социально-политического кризиса весьма существенным становится фактор активного поиска новой социальной идентичности; названные выше периоды российской истории я определил бы как периоды «кризисов групповой идентичности», поскольку главным вопросам государства как культурного сообщества в них всякий раз оказывался вопрос: «Кто я есть теперь, когда умерли прежние регуляторы моей жизни, системы моих ценностей; когда старый Бог оказался мертв?» Важная закономерность отмечена в этой связи А.М. Эткиндом: на фоне подобных фрагментов истории значительно возрастает интерес людей к социологии, философии, психологии — наукам, в которых общество начинает искать ответы на важные для групповой идентичности вопросы. Не случайно, следовательно, именно с этими тремя периодами в России связано широкое распространение психоаналитических идей (и не только в кругах специалистов) — в первую очередь идей, помогающих объяснить и понять происходящее в культуре. А.И. Белкин и А.В. Литвинов констатируют, что во всем мире импульсы к развитию психоанализа возникали во время бурных социальных катаклизмов. Этот поиск истины без особого преувеличения можно было бы назвать коллективной самотерапией.

В принципе, психоаналитическое мышление, внедряясь в различные области науки и позволяя в новом ракурсе взглянуть на проблемы социума, могло бы оказать России существенную помощь в спонтанном переходе к новой групповой мифологии, не входящей в противоречие с культурной традицией. Рождение нового мифа в таком случае способствовало бы стабилизации общества. К сожалению, в 1914 году этот процесс был в зародыше прерван мировой войной. У него были шансы на конструктивное развитие в 20-е годы, но этому воспрепятствовал ряд причин, речь о которых пойдет ниже; одной из главных было навязывание государством идеологической модели как искусственного группового мифа, идущего вразрез и с культурной традицией, и с содержаниями «имаго». В результате государство 70 лет было вынуждено колоссальными усилиями поддерживать собственную псевдоидентичность, уйдя в своего рода социально-политический аутизм.

Говоря о задачах, стоящих в наши дни перед российской психоаналитической культурологией, я хотел бы обратить внимание на

концепцию В.А. Медведева, предлагающего своеобразное «активное воздействие» психоанализа на социум. Согласно этой концепции, приложение не медицинского анализа к проблемам общества предполагает соответствие моделей клинической практики и манипулирования массами традиционной российской архетипике, т.е. способу организации коллективного бессознательного: «Страна уже более десяти лет изнемогает без идеологической поддержки социального чувства, без так называемой поддерживающей мифологии... Поиск нового объяснительного мифа неизбежно привел к психоанализу как к знанию, вера в которое и групповое его отыгрывание формирует устойчивое мировосприятие и порождает эффект виртуального массообразования, снимающего любые страхи... Психоанализ в России... должен полностью осуществить цикл прикладной реализации глубинно-психологического знания, который некогда четко обозначил Иисус из Назарета. ...в итоге — формирование устойчивых массовых поведенческих стереотипов, становящихся основанием для новой цивилизации и оперативно контролируемых новой (пусть — светской!) церковью как системой духовной, т.е. психологической, власти». Предлагаемый подход заманчив, но спорен. Практически мессианская позиция автора в этом вопросе кажется мне не вполне психоаналитичной, поскольку она базируется на представлении: психоаналитик-культуролог не только знает, в каком направлении общество должно развиваться, но и обладает средствами и правом подтолкнуть его в соответствующую сторону. И без психоаналитика слишком многие политики, социологи, экономисты предпринимают подобные усилия. Но вряд ли даже профессионалу, действующему в сфере психоаналитической культурологии, стоит претендовать на владение абсолютной истиной. Психоаналитик, работающий с пациентом, впадает в катастрофическую ошибку с момента, в который ему начинает казаться, будто он лучше пациента знает, что тому нужно, и вдвойне — с момента, когда он начинает соответственно манипулировать пациентом. По сути, именно это предлагает В.А.Медведев: «Основной формой практического приложения глубинной психологии во все эпохи ее существования всегда было манипулирование массой, предъявление ей символически организованных запросов... для гарантированного получения заказанной реакции».

На мой взгляд, психоаналитик-культуролог ни в коем случае не должен работать на «получение заказанной реакции» (представим себе врача-психоаналитика, которому что-то заказывают родственники пациента). Его деятельность не может выходить за рамки исследования и расширения поля инсайта, поскольку она ограничена «принципом зеркала». Все прочее неизбежно оказывается «по ту сторону» психоаналитической этики. Манипулятивные техники в ряде случаев могут составлять часть терапии, но они не являются ее ядром — не говоря о том, что манипулятивно способствовать прогрессу пациента, а тем более культуры, это все равно, что ускорять рост дерева, таща его вверх за ветви.

В 20-е годы советские психоаналитики уже пробовали спровоцировать вспышку духовного прогресса в обществе, синтезировав учения Фрейда и Маркса. Сержио Бенвенуто так отозвался о подобных попытках, предпринимаемых иногда и в наши дни: «Психоанализ не верит в революцию, даже в жизни индивидуума: его более скромные амбиции ведут анализанта к принятию и нахождению мудрого компромисса с худшей реальностью, обусловленной его (ее) собственными желаниями... Успех психоанализа лежит в его могуществе научить отказу (покорности) в соответствии со своими собственными пределами». О возможности активного психоаналитического воздействия на общественную ситуацию Отто Кернберг говорил: «Понять не обязательно означает контролировать. Кто-то может, конечно, использовать психоаналитическую концепцию в отдельной идеологической структуре, которая воздействует на определенные национальные, социальные или расовые группы... Но психоаналитический вклад в понимание социальных конфликтов не должен быть интерпретирован как способ решения конфликтов, даже если другие науки могут использовать это понимание, чтобы пытаться найти им разрешение». Еще в 1932 году Фрейд писал в «Лекциях по введению в психоанализ»: «Я говорил вам, что психоанализ начался как терапия. Но я хотел бы вам его рекомендовать не в качестве терапии, а из-за содержания в нем истины, из-за разъяснений, которые он нам дает о том, что касается человека ближе всего, его собственной сущности...». Как видно, речь здесь идет о знании, но не о манипуляции человеком или массой людей с помощью этого знания. Задачей психоанализа культурной среды должно стать беспристрастное исследование культурных явлений и общественных процессов, с привлечением всей суммы наработок этой науки, достигнутых за минувшие 100 лет. Сверхзадачей — формирование психоаналитической культуры в обществе, прививание навыков психоаналитического мышления специалистам, работающим в самых различных естественнонаучных и гуманитарных областях.

По-видимому, это — единственный путь к терапевтическим культурным инсайтам.

В известном смысле одна из таких задач уже частично решена обществом в режиме самотерапии и без помощи профессиональных аналитиков. Я имею в виду коллективную (возможно, несформулированную) интерпретацию модели смены правительств в России как навязчивого воспроизведения отцеубийства в рамках ненормально преодолеваемой эдиповой ситуации.

На протяжении одного только XX столетия люди становились свидетелями ликвидаций и обесцениваний в массовой психике «отцовских образов» Николая II — В.И. Лениным, Ленина — И.В. Сталиным, Сталина — Н.С. Хрущевым. Неудачу потерпела аналогичная попытка, предпринятая в 1993 году А.В. Руцким и Р.И. Хасбулатовым в отношении Б.Н. Ельцина. Передача власти Б.Н. Ельциным В.В. Путину уже не носила столь травматичного для людей оттенка. Общество стало сознавать, что

либерально-демократические формы этого процесса более конструктивны, чем реализация архаических импульсов в той или иной форме.

Перед психоанализом культурной среды в России стоит сегодня широкий круг задач.

Не претендуя на исчерпывающий перечень, я хотел бы назвать лишь некоторые из них, представляющиеся мне важнейшими:

- изучение культуры детства, его мифологии, символики и ритуальности и внедрение полученных знаний в систему раннего воспитания;
- изучение культуры современной российской семьи и брака как ритуалов цивилизации;
- изучение культуры институтов, подключающих личность к коллективным ценностям: образования, церкви, армии, спорта, производства, средств массовой информации, книгопечатания, кинематографа, театра;
- изучение произведений искусства, литературы, архитектуры (особенно современных);
- изучение товарно-денежных отношений, сферы потребления, рекламы;
- изучение политической ситуации (психоаналитическая политология);
- изучение природы этнических конфликтов;
- изучение истории России (природа коллективного российского бессознательного и анализ глубинных массовых мотиваций).

Последняя задача обладает специфической важностью: как справедливо заметили в древности, «прошлое еще предстоит».

Ошибки прошлого следует ясно обозначить, чтобы снизить риск их повторения в будущем, в том числе и в науке.

Сновидение как форма интрапсихического диалога и встреча с будущим

В.И.Николаев

С течением времени традиционные психоаналитические концепции сновидений все менее соответствуют современному психоанализу и его теоретическим и практическим потребностям. В них не отражаются новейшие идеи, подходы, понимания, результаты и интерпретации, отсутствует та простота видения, которая эффективно помогала бы в работе с пациентами, в супервизорской деятельности и повседневной жизни. С учетом важности проблемы анализа и интерпретации сновидений можно полагать, что модернизация и создание новых психоаналитических и психоаналитически ориентированных концепций сновидений могут быть поняты как актуальная задача психоанализа на современном этапе его развития.

Одним из возможных путей создания новых психоаналитических концепций сновидений является сопряжение классических представлений о сновидениях с другими психоаналитическими идеями. Теоретические и методологические соображения, а также опыт практической работы дают определенные основания считать, что создание новой концепции сновидений в частности возможно на основе и в связи с концепцией переноса.

С учетом данного обстоятельства целесообразно обратить особое внимание на три комплекса проблем: видение и понимание переноса, концепции сновидений и практическое приложение концепции сновидений к сновидениям З.Фрейда.

1. Проблема переноса и контрпереноса

З.Фрейд отдавал приоритет не столько клиническому психоанализу, сколько психоанализу как науке, добиваясь того, чтобы психоанализ был признан в качестве фундамента общей психологии. Однако, и ныне, несмотря на существующие системы психоаналитической общей психологии (например, эгопсихологии Г.Гартмана), они так и не получили повсеместного признания.

В не малой степени это связано с отсутствием интеграции концепции переноса (и контрпереноса) в психоаналитическую теорию (и общую психологию), а также отсутствием четкого определения переноса. Мы попытаемся восполнить этот пробел.

Лучше всего начать со знаменитого «случая Анны О». Эту пациентку лечил знаменитый венский врач И.Брейер. Лечение оборвалось совершенно неожиданно. Тогда, когда, казалось бы, можно было говорить об успехе лечения, пациентка неожиданно стала во всеуслышание заявлять о том, что

она ожидает ребёнка от И.Брейера. О лечении пациентки З.Фрейд узнал от Брейера через несколько месяцев после завершения лечения (ноябрь 1882). Фрейда настолько сильно поразила история болезни, что он не мог понять, почему Брейер не желает её опубликовать, как и рассказать о созданном новом методе лечения – «катартической психотерапии». И только спустя год Брейер откровенно признался молодому коллеге, что он столь сильно был вовлечён в лечение Анны О., что, в конце концов, вызвал ревность жены. Ему пришлось сказать пациентке, что он навсегда прерывает лечение. И вечером этого же дня его срочно вызвали к пациентке, лежавшей в «родовых схватках» от ложной беременности и выкрикивающей: «На свет появится ребёнок доктора Брейера!» Брейер погрузил пациентку в гипнотическое состояние и попытался успокоить, а на следующий день вместе с женой спешно уехал в Венецию.

В том же самом году, через месяц после завершения лечения Брейером пациентке стало настолько плохо, что её вынуждены были поместить для стационарного лечения в знаменитый в то время санаторий Бельвью¹ в Кройцлинге на Боденском озере, где она находилась с середины июля до конца октября 1882 года. Там Анну О. лечили от различных соматических симптомов (в том числе и от тригеминальной [тройничного нерва] невралгии), при чём для этого использовали большие дозы морфия. По вечерам она опять теряла способность говорить на родном языке и переходила на английский или французский язык.

В письме Стефану Цвейгу Фрейд писал: «Что на самом деле произошло с пациенткой Брейера, мне удалось разгадать только много лет спустя после нашего с ним разрыва... На последней встрече с пациенткой у Брейера был в руках ключ, которым он мог открыть дверь к тайнам жизни, но он позволил ему упасть. При всей своей духовной одарённости у Брейера не оказалось в характере ничего фаустовского. Ужаснувшись содеянному, Брейер спасся бегством, предоставив попечение за судьбой больной одному из своих коллег» (Freud S. Briefe 1873-1939. Frankfurt a. M. 1968, p. 427). И этим ещё дело не закончилось, как писал Э.Джонс в первом томе знаменитой биографии З.Фрейда: «Спустя примерно десять лет, уже в то время, когда Фрейд лечил пациентов в сотрудничестве с Брейером, последний пригласил Фрейда посмотреть истеричную пациентку. Перед тем как отправиться к ней, Брейер подробно описал её симптомы, после чего Фрейд сказал, что это очень типично для фантазируемой (ложной) беременности. Такого повторения прежней ситуации Брейеру не мог перенести. Не сказав ни слова, он забрал шляпу с тростью и быстро покинул Фрейда». Понимание явления и мощи переноса и контрпереноса, проявившихся в этой истории болезни стало для Фрейда отправным пунктом на пути перехода от катартической терапии к психоанализу. В некрологе на смерть Брейера (1925) Фрейд писал: «Брейер столкнулся с неизбежно существующим переносом пациентки на врача и не смог понять природу этого явления, не связанную непосредственно с его

¹ «Прекрасный вид» - название, часто даваемое местности, на которой располагается прекрасный дворец

личностью». Приняв чувства переноса за реальные чувства пациентки, Брейер ответил на них массивной реакцией бессознательного контрпереноса.

Ещё трагичнее эти моменты сказались на судьбах Сабины Шпильрейн и Карла-Густава Юнга. И опять же, понятие происходящее было дано Фрейду.

Понятие переноса мы впервые встречаем в «Этюдах об истерии» (1895). З.Фрейд пишет: «Перенос на врача происходит в результате неправильной (фальшивой) связи. Вначале в сознании больной появилось желание, никак не связанное с воспоминанием о конкретной ситуации, которое помогло бы пациентке отнести её желание к прошлому. Появившееся желание посредством доминирующих в её сознании ассоциативных цепочек оказалось связано с моей персоной, что, конечно же, не могло не вызвать большой тревоги у пациентки. При таком мезальянсе – который я называю «фальшивой связью» – возник тот же самый аффект, который в своё время принудил больную избегать своего неприемлемого желания. После того как я понял истинное положение дел, в любой подобной ситуации использования моей персоны я привык считать, что опять появился перенос и фальшивая связь».

З.Фрейд обнаружил закономерность всего этого процесса, а именно, что препятствия в форме переноса представляют собой «заново продуцируемые симптомы, скроенные на старый лад» и ведут себя по-старому. В переносе уже забытое прошлое повторяется вновь, однако эта реанимация ставших бессознательными прежних установок кажется относящейся не к прошлому, а к личности врача в нынешней ситуации. В личности врача пациент видит «возвращение – реинкарнацию – одной из значимых персон своего детства», обнаруживая в этой личности связь со своим прошлым и потому перенося на врача чувства и реакции, «которые явно относятся к первоначальным его прообразами...» («Очерк психоанализа», 1940).

В одном из наиболее компетентных изданий, «Словаре поведенческих наук» (Dictionary of behavioral Science, ред. В.В. Wolman, NY, 1973), даётся следующее определение переноса: «Перенос. Пациент переносит прошлые эмоциональные привязанности на психоаналитика в соответствии с принципом навязчивого повтора¹. Психоаналитик замещает одного из родителей. Перенос может быть негативным и позитивным. В позитивном переносе пациент любит психоаналитика и желает получить от него любовь и подлинное признание. А в негативном переносе пациент воспринимает психоаналитика как не любящую, несправедливую и отвергающую родительскую фигуру, обвиняя психоаналитика во всех прошлых несправедливых поступках родителей. Интерпретация переноса позволяет пациенту осознать тот факт, что его безумная увлечённость психоаналитиком

¹ Навязчивый повтор – консервативная тенденция влечений возрождаться, повторяя прежние либидозные стадии. Повтор прежних переживаний является активной попыткой справиться с тревогой, пережитой ранее. Он функционирует посредством связывания психической энергии и уменьшения напряжённости, в чём проявляется тенденция к возвращению в неорганическую фазу. Либидо – ментальная энергия, находящаяся в распоряжении Эроса, влечения к любви.

на самом деле не связана с последним, а просто на просто отражает предыдущие запутанные эмоциональные отношения со значимыми людьми. Интерпретация необходима для модификации поведения. В психоаналитической ситуации регрессия к детству оказывается необходимой для разрешения психических конфликтов, имеющих корни в прошлых переживаниях и событиях жизни». Не думаю, что с этим кто-нибудь будет спорить. И тем не менее...

На наш взгляд перенос – язык бессознательного, задействованный в межличностном общении. То, что человек не может сказать непосредственно, то он высказывает переносом, обращаясь к рассказам о других людях, о своём прошлом, о прочитанном и увиденном, но на самом деле везде и всегда речь идет о непосредственном собеседнике. У человека в каждый актуальный момент отсутствует прошлое, он постоянно Здесь и Сейчас. А все включения в диалог воспоминаний о других людях, событиях, книгах, анекдоты и шутки только восполняют истинную картину складывающихся отношений. Перенос необходим. Без него мы не сможем намекнуть человеку о своей любви, ненависти, желаниях и возможностях. Это как бы психическая техника безопасности, базис межличностных отношений. Учитывая перенос, человек научается разбираться в истинных чувствах, испытываемых людьми в межличностных отношениях. Правда, обычный человек делает это интуитивно, а психоаналитик рационально. Хотя подобное чаще всего происходит лишь на психоаналитических сеансах.

Перенос является подтекстом, контекстом межличностного и группового диалога. Человек не способен говорить правду о себе и своём собеседнике, потому она проявляется посредством переноса («Шила в мешке не утаишь»). Бессознательно мы учитываем подтекст диалога, однако для налаживания хороших отношений и предотвращения будущих трагедий и несчастий этого далеко не достаточно. Именно перенос собеседника заставляет нас идти путём, навязываемым нашим визави. Лучше всего это выразила Мелани Кляйн в концепции проективной идентификации. А ещё раньше об этом прекрасно сказал Шекспир: «Весь мир театр и люди в нём актёры». Причём Шекспир своими трагедиями прекрасно показал, что роли, которые люди разыгрывают, остаются для них непознанными, бессознательными. Лишь когда грянет гром, когда мы оказываемся у разбитого корыта, может придти прозрение.

В нашей бодрствующей жизни мы обычно игнорируем бессознательную сферу. Чтобы соприкоснуться с ней необходимы не только регрессия, но и умение понимать язык бессознательного. В переносе всегда отражаются наши скрытые планы, в которых мы не хотели бы признаться. И это независимо от того, будут ли наши планы мотивироваться либидозным влечением или агрессивным.

Итак, мы можем дать следующее общепсихологическое определение переноса. Перенос - это актуальный скрытый подтекст межличностного (или группового) диалога, заставляющий собеседника осуществлять бессознательный план партнёра.

Свой материал перенос всегда черпает из побочных тем. Существуют два типа переноса: 1) перенос на настоящий, актуальный момент и 2) перенос на будущее (перенос в сновидении).

2. Проблема объекта и сущность сновидения

Перенос в сновидении принимает особую форму, так как здесь отсутствует материальный объект общения. Ни для кого не является секретом, что самоанализ посредством сновидений оказался для З.Фрейда специфической формой обучающего анализа и исходным пунктом создания психоанализа.

Огромные знания З.Фрейда в области сновидений позволили ему дать несколько определений:

«Сновидением называется замаскированная реализация (подавленного, вытесненного) желания»¹. «Сновидение является попыткой реализовать желание»².

«Сновидение является замещающим воспроизведением инфантильных сцен, изменившихся в результате переноса на недавние переживания»³ и «частью детской психической жизни, оставшейся далеко позади»⁴.

Сновидение является проходящим психозом⁵ и невротическим симптомом⁶, сравнимым с психопатологическими структурами⁷, подобными идеям фикс, навязчивым представлениям и бреду. Общность с психозами проявляется в одном общем элементе: в галлюцинаторной реализации желаний⁸, а связь с невротическими - в том, «что сновидение конструируется подобно невротическому симптому; являясь компромиссным образованием между притязанием какого-либо вытесненного побуждения желания и сопротивлением цензурирующей силы в сфере Я»⁹.

Сновидения охраняют от пробуждения спящего человека. «Сновидение является не помехой для спящего человека... а его покровителем»¹⁰. «Сновидение стремится устранить (психические) раздражители, которые могут помешать человеку спать, и осуществляется такое устранение путём галлюцинаторного удовлетворения»¹¹.

¹ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 166), а также (1901) Über den Traum (G.W., Bd. 2\3, S. 687) и (1925) Selbstdarstellung (G.W., Bd. 14, S. 71)

² (1933) Neue Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 15, S. 30)

³ там же, стр. 552

⁴ там же, стр. 573

⁵ (1917) Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, (G.W., Bd. 10, S. 420)

⁶ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 79); (1925) Selbstdarstellung (G.W., Bd. 14, S. 71)

⁷ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3)

⁸ (1917) Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, (G.W., Bd. 10, S. 420-22)

⁹ (1925) Selbstdarstellung (G.W., Bd. 14, S. 71)

¹⁰ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 127)

¹¹ там же, стр. 136

«Сновидение является особым способом реагирования души на конкретные стимулы, воздействующие на спящего человека»¹.

«Сновидение является воспоминанием, хотя и в условиях ночи»². Сновидение опирается на «оставшуюся психическую активность, сохраняющуюся в результате того, что спящему человеку никогда не удаётся полностью добиться во сне нарциссизного состояния»³.

«В принципе, сновидение ничем другим не является, как только особой формой мышления, которая становится возможной из-за специфических условий, в которых находится спящий человек»⁴, а создаётся сновидение сновидческой работой. «Не следует причислять сновидение к сфере “Бессознательного”, так как сновидение является формой, в которой могут проявляться мысли, продолжающие будоражить эту сферу»⁵. Особенностью мышления в сновидении является то, что человек стремится скорее переживать, чем думать, то есть, полностью верить в галлюцинации»⁶.

«Одновременно вместе с рождением у человека пробуждается влечение к возвращению во внутриутробную жизнь, влечение спать. Сон является возвращением во чрево матери»⁷.

«Сновидение является полноценным психическим феноменом, а именно одной из особых форм реализации желаний; сновидение следует рассматривать во взаимосвязи с понятными для нас психическими действиями, осуществляемыми нами в бодрствующем состоянии. Сновидение формируется сложной психической деятельностью»⁸. «Отныне не стоит рассматривать сновидение в качестве патологического феномена; оно появляется у всех здоровых людей, когда они спят»⁹.

«Мы пытаемся найти в сновидениях смысл. Если ошибочные действия (промахи) могут иметь смысл, то и сновидение может его иметь. Мы пойдём вслед за древними народами и ступим на тропу античных толкователей снов»¹⁰. «Толкование сновидений является *Via regia* для познания бессознательной сферы в психической жизни»¹¹.

С кем общается сновидец? Проблема объекта, с которым вступает в диалог сновидец, до сих пор не разрешена в рамках классического психоанализа. Как известно, З.Фрейд наделял психоаналитика способностью занимать нейтральную позицию и быть зеркалом, объективно показывающим пациенту его проблемы. Именно подобную ситуацию мы и встречаем в сновидении. В сновидении происходит особого рода диалог. Правда, лица нашего визави мы не видим. Ничто постороннее не вмешивается в

¹ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 86)

² (1918) Aus der Geschichte einer infantilen Neurose (G.W., Bd. 12, S. 80)

³ (1917) Metapsychologische Ergänzung zur Traumlehre, (G.W., Bd. 10, S. 426)

⁴ [1925] (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, стр. 510, примеч.)

⁵ (1920) Über die Psychogenese eines Falles von weiblicher Homosexualität (G.W., Bd. 12, S. 294)

⁶ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 53)

⁷ (1938) Abriss der Psychoanalyse

⁸ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 127)

⁹ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 307)

¹⁰ (1916-17) Vorlesungen zur Einführung in die Psychoanalyse (G.W., Bd. 11, S. 80-83)

¹¹ (1900) Die Traumdeutung (G.W., Bd. 2\3, S. 613)

«сновидческий сеанс» и образуется перенос огромной мощи, о чём свидетельствуют наши бурные эмоциональные реакции во сне и на увиденное сновидение. Во сне мы символически представляем свои проблемы, а невидимый собеседник отзеркаливает их нам, и не только это.

После знакомства с исповедью о наших актуальных проблемах не замечаемый нами собеседник показывает нам то, куда мы идём, показывает наше будущее. Наверное, проблема контрпереноса потому и возникла не сразу, что идеальному сновидческому собеседнику не приходилось навязывать свои желания и взгляды спящему человеку, у него их просто не существует – осуществляется идеальная реализация требований к психоаналитику – нейтральность и прямое отзеркаливание.

Мы будем называть нашего сновидческого визави идеальным психоаналитиком. Он беспристрастно выслушивает сновидца (первая часть сновидения), а потом показывает, куда ведут нас наши проблемы. Анализ идёт на доступном всем людям языке – языке символов и эмоций. О доступности говорит то, что люди специфически реагируют на сновидения – к ним или постоянно возвращаются, или забывают, или просыпаются в кошмаре, или спешат рассказать близким. Сама переживаемая во сне эмоция говорит о знаке будущего, которое мы себе готовим.

С кем общается сновидец? З.Фрейд оставил этот вопрос без ответа. Позже американский психоаналитик Б.Левин обратился к исследованиям объекта сновидений. Левин ввел понятие «экран сновидений», имея в виду, что он напоминает о груди, о переживаниях младенца в процессе кормления грудью, о последующем погружении в сон и о сновидениях младенца. По мнению Левина на этот особый фундамент сновидений, сновидческий (проекционный) экран проецируются сновидения. Этот экран, сохраняющийся в душе и построенный по прообразу груди матери, идентичен с «пустым сновидением» младенца после утоления голода. Сновидение переживается на проекционном экране, являющимся «пустом уплощённым замещением груди матери». При реализации желания спать возникает не только глубокий сон, но и появляется сновидческий экран, повторяющий как бы младенческий сон после утоления голода и содействующий растворению сферы Я. «Младенческое Я во сне принадлежит сфере Оно за исключение сновидческого экрана, являющегося первым репрезентантом (представителем) внешнего мира, построенным по прообразу груди»¹.

Другой подход предложил английский психоаналитик Р.Фэрбэрн. Он считал, что все элементы сновидения являются аспектами Самости, относящимися к объектам, а само сновидение является универсальным шизоидным феноменом, и функция его состоит в отображении актуального интрапсихического состояния, в показе взаимоотношений разнообразно расщеплённых структур посредством «короткометражного фильма». Любое

¹ B.D.Lewin. "Sleep, the mouth, and the dream screen" /Psychoanalytic Quarterly, 1946, p. 419-434.

сновидение является сгущением в ситуации сновидения прошлого и современного, актуально существующих в психической реальности¹.

На наш взгляд недостатком предыдущих попыток создания психоаналитической теории сновидений является отсутствие в них межличностного (или внутриличностного) контекста. В классическом психоанализе принято, что после разрешения Эдипова комплекса в психике формируется структура Сверх-Я. В эту структуру, по мнению Фрейда, может не только интроецироваться образ отца, но и сохраняться опыт многих прежних поколений предков. Власть Сверх-Я сохраняется не только в бодрствующем состоянии, но и во сне. На наш взгляд во сне в диалог вступают Самость (часть структуры Я) и Сверх-Я. Если первая исповедуется, то вторая – предсказывает ход событий, наше будущее. В работах З.Фрейда мы, например, встречаем следующее: «То, что биология и судьба человечества создала и сохранила в структуре Оно, то перенимается сферой Я посредством идеалов Сверх-Я. Идеал-Я вследствие истории своего формирования имеет самую тесную связь с филогенетической базой данных, которая представлена в архаическом наследии индивидуума. То, что ранее относилось в психической жизни индивидуума к самым большим глубинам, то посредством идеала Сверх-Я превращается в самые высокие устремления человеческой души в смысле разделяемых нами ценностей. Складывается впечатление, что переживания сферы Я оказываются пропавшими для будущих поколений. Но если они повторяются очень часто и достаточно сильны у многих следующих друг за другом поколений, то они так сказать встраиваются в переживания Оно, и сохраняются генетически. Поэтому унаследованная сфера Оно включает в себя следы бесчисленно многих Я-существований. Когда сфера Я начинает создавать своё Сверх-Я из сферы Оно, то вполне возможно, что всё сводится лишь к появлению прежних форм Я, к их возрождению. Сверх-Я наделяется той же самой защищающей и спасающей функцией, которую ранее брал на себя отец, а позднее - предвидение или судьба». (Das Ich und das Es, Ges. Schr., Bd. XII, p. 380-381). Экстериоризация (проецирование) этих элементов и функций привела к формированию религий, в которых место Сверх-Я занимает Бог, место Самости – верующий человек, а внутренний диалог – исповедь и прощение церкви. »Сверх-Я впитывает в себя всё «архаическое наследие», в его идеологии «продолжает жить прошлое, традиции расы и народа» (Neue Folge der Vorlesungen, Ges. Schr., Bd. XII, p. 221).

Таким образом, Самость (внутренний объект, представляющий наш бессознательный образ самих себя) вступает в диалог со сферой Сверх-Я, показывая ей свои актуальные проблемы, получая наилучшую возможную помощь – предсказание будущего, что оказывается возможным из-за огромного опыта Сверх-Я, которому не приходится прибегать к контрпереносу. Ну а то, будет ли человек помнить о своём ночном диалоге и как он к нему отнесётся – другая сторона дела.

¹R.Fairbairn. Psychoanalytic Studies of the Personality. London, 1952, p. 98 and successive.

О предсказании, как и удивительной точности переноса, З.Фрейд упоминал и в статье, посвящённой анализу Доры («Фрагмент анализа истерии [Случай]») (1905). «Во время психоаналитического лечения невротик начинает создавать особый род чаще всего бессознательных психических форм общения, которые можно назвать переносом. Это переиздание, копирование прежних побуждений и фантазий, где прежние значимые лица замещены врачом. Возрождается целый ряд прежних переживаний, правда теперь не в форме воспоминаний, а как актуальное отношение к личности врача. Нельзя игнорировать работу с переносом, так как он является базисом любого сопротивления, делающего недоступным материал, необходимый для проработки проблем пациента. Перенос, который ранее считался наибольшей помехой в психоаналитическом лечении, теперь становится самым мощным инструментом психоанализа, если только удаётся его понять и интерпретировать пациенту. Когда Дора говорила, что оставит дом господина К., я должен был понять, что она собирается прервать лечение. Я должен был осторожно намекнуть пациентке, что она осуществила перенос с господина К. на меня. «Вы заметили что-то такое, что позволяет Вам приписывать мне недобрые намерения, вызывая ту же антипатию, которую у Вас вызывал господин К.» Устранением этого переноса я получил бы доступ к новому материалу воспоминаний. Но я оказался поражённым переносом. Из-за какой-то черты, которой я напоминал господина К., пациентка отомстила мне таким образом, каким бы она хотела отомстить господину К. То есть, часть воспоминаний и фантазий пациентка отреагировала вместо того, чтобы репродуцировать их в курсе лечения. В сновидении на вопрос пациентки, где находится вокзал, мужчина отвечает: «В двух с половиной часах ходьбы». Тогда я ещё не знал, что у нас осталось для лечения два сеанса».

Наверное, есть смысл различать традиционный перенос на другого человека, в том числе и на психоаналитика и сновидческий перенос (перенос на внутренний объект, представленный сферой Сверх-Я). Если первый говорит о настоящем, об истинном настоящем, то второй - о будущем.

3. Сновидения З.Фрейда

Сновидение 1

Во сне я ощущаю приступ жажды. Чтобы напиться, мне приходится подняться и взять сосуд, который стоял на ночной тумбочке жены. Это этрусский сосуд для хранения пепла умерших, который я привёз из Италии и кому-то подарил. Но вода в сосуде настолько солёная (очевидно из-за пепла), что я вынужден проснуться¹.

З.Фрейд стремится к значимым доверительным отношениям с женой (приступ жажды). Когда-то эти отношения носили романтический характер

¹ S. Freud. Die Traumdeutung. Fr./M., 1991, S.138.

(этрусская ваза), хотя и тогда они были обречены на разрушение (этот сосуд был предназначен для хранения пепла умерших). Теперь вода (отношения с женой) оказывается солёной, то есть отношения вызывают горечь и депрессию из-за того, что они похоронены.

Сновидение 2

Одна из моих пациенток, которая подверглась неблагоприятно прошедшей операции на челюсти, должна была по настоянию врача день и ночь носить на больной щеке охлаждающий аппарат. Но получалось так, что она сбрасывала его, как только засыпала. Как-то меня попросили уговорить пациентку этого не делать. Но она и на этот раз сбросила аппарат: «На этот раз я действительно ничего не могла поделать из-за приснившегося мне сна. Я увидела себя во сне в ложе на представлении оперы, живо следя за происходящим на сцене. А в это время в санатории лежал господин Карл Мейер и ужасно стонал от болей в области челюстей. Я сказала, что у меня нет таких болей, потому мне и не нужен охлаждающий аппарат. Потому я его и выбросила»¹.

Перенос пациентки в сновидении на своего аналитика предсказывает будущее. Господин Майер, который в переносе является никем иным как Фрейдом, ужасно стонет от болей в области челюстей. За много лет вперёд сновидение предсказывает то, что ожидает создателя психоанализа.

Сновидение 3 (Об Ирме, 23/24 июля 1895 года)

Большой зал – много гостей, которых мы принимаем. – Среди приглашённых Ирма, которую я тотчас отвожу в сторону, чтобы ответить на её письмо, упрекнуть за то, что она ещё не успела принять решение (раствор). Я говорю ей: Если у тебя ещё остались боли, то это действительно лишь твоя вина. Ирма отвечает: Если бы ты только знал, что за боли у меня в шее, животе, во всём теле, это просто раздавливает меня. – Я пугаюсь и смотрю на неё. Выглядит она бледной и распухшей. Я начинаю думать, что, находясь в углу, я могу не заметить чего-либо серьёзного, органического. Я подвожу её к окну и осматриваю горло. Ирма при этом оказывает небольшое сопротивление, как обычно делают женщины, носящие искусственную челюсть. Я думаю, она ведь не нужна Ирме. Затем рот раскрывается пошире и я замечаю справа большое пятно, а в другом месте я вижу приметные складки, которые очевидно построены по образу и подобию носовых раковин, это расширившиеся, серо-белые струпья. Я быстро подзываю доктора М., который повторяет исследование горла и подтверждает моё мнение... Доктор М. выглядит по-другому. Он очень бледен, хромот, без бороды... Мой друг Отто сейчас стоит рядом с Ирмой, а друг Леопольд простукивает её сквозь корсажи, говоря: слышны притуплённые звуки слева,

¹ там же, стр. 139

а ещё инфильтрированная часть на левом плече (что я и сам чувствую через одежду Ирмы)... М. говорит: нет никакого сомнения, это инфекция, но вряд ли что-то опасное. Появится дизентерия и яд выйдет сам... Мы непосредственно знаем, откуда взялась инфекция. Совсем недавно друг Отто, когда Ирма плохо себя чувствовала, ввёл ей пропиленовый препарат, пропилен... пропионовую кислоту... Триметиламин (формулу которого я вижу собой жирно напечатанной)... Не стоит делать подобного рода инъекции легкомысленно и беспечно... Да скорее всего и шприц был не чистым¹.

Это сновидение можно рассматривать в совершенно разных ракурсах. Правда, в психоанализе первое сновидение принято считать инициальным сном, то есть, инсценировкой переноса, показывающего то, куда сейчас идёт пациент. Первый сон, представленный создателем психоанализа, скорее нужно интерпретировать как инсценирование переноса, показывающего тот путь, который избирает зарождающийся психоанализ. Ирма символически представляет психоанализ (на языке оригинала слово «психоанализ (die Psychoanalyse) женского рода). Многие гости, которых принимает Фрейд, говорят о его разнообразных интересах в тот период (1895 г.), хотя его прежде всего интересует психоанализ (Ирма). Боли Ирмы – это то множество неприятных событий, которые пришлось пережить Фрейду при создании психоанализа.

Находясь «в углу», в изоляции, Фрейд не способен увидеть пути развития психоанализа в признанную теорию и практику психотерапии. У Фрейда было достаточно мужества сплотить вокруг Ирмы (читай: психоанализа) группу коллег (доктор М, друзья Отто и Леопольд). Поддержка единомышленников позволяет преодолеть страхи и проблемы: «это – инфекция, но вряд ли что-то опасное; появится дизентерия и яд выйдет сам»). Инфекционной болезнью Ирму наделил друг Отто, вводя препарат. Препарат, которым психоаналитик может заразить пациента, - контрперенос (во всяком случае, именно так было в случае с Анной О. у Брейера и в лечении Сабины Шпильрейн у Юнга). С проблемой контрпереноса психоаналитику приходится очень много работать, и, прежде всего, проходя супервизии («Не стоит делать подобного рода инъекции легкомысленно»). А лучше всего, предварительно пройти основательный обучающий и контрольный анализ (чтобы «шприц был чистым»).

Это сновидение, интересное само по себе, является особенно актуальным в связи со спецификой развития психоаналитического движения в России. Оно предоставляет возможность и побуждает нас серьёзно подумать о допустимости и эффективности челночного анализа и об уровне профессиональной компетентности российских психоаналитиков. Хотелось бы надеяться, что мы не окажемся в худшем положении, чём З.Фрейд после открытия им феномена контрпереноса.

¹ там же, стр. 121

Две альтернативные теории влечений в истории психоанализа

Ф.Р.Филатов

В этой работе анализируются и сопоставляются два альтернативных подхода к пониманию природы влечений. Первый из них принадлежит З. Фрейду и давно признан классикой психоанализа. Вторым предложен нашей соотечественницей С.Н. Шпильрейн и все еще не оценен по достоинству.

Сабина Шпильрейн в посвященной ей литературе, как правило, предстает в двух качествах: либо как героиня запутанной и интригующей любовной истории, загадочная фигура «между Юнгом и Фрейдом», либо как автор текста – темной и непонятой статьи о деструкции. Когда речь заходит о втором аспекте, эта легендарная женщина провозглашается предшественницей фрейдовского учения о влечении к смерти: то, что ей удалось интуитивно уловить и недостаточно ясно выразить, позднее переосмыслил и четко сформулировал отец-основатель психоанализа. При таком (уважительном, но ограниченном) взгляде теория Шпильрейн – лишь заготовка, предварительный и «сырой» вариант основных психоаналитических постулатов, касающихся проблемы первичных влечений. Тем не менее, на этих страницах идеи двух выдающихся психоаналитиков будут обсуждаться как относительно автономные, хотя и, безусловно, взаимосвязанные.

Сопоставление воззрений З. Фрейда и С.Н. Шпильрейн позволяет выявить ряд существенных теоретических расхождений. Я приведу здесь базовые положения фрейдовского учения об инстинктах исключительно для удобства их соотнесения с менее известными и проясненными, но при этом, на мой взгляд, столь же значительными идеями его незаурядной ученицы.

Согласно З. Фрейду, «течение психических процессов *автоматически* регулируется принципом удовольствия»; в силу действия этого механизма, активность субъекта постоянно направляется на снижение внутриличностного напряжения и устранение связанного с ним не-удовольствия. В данном случае речь идет о *консервативной природе Либидо* – о том, что энергия наших инстинктов, подчиняясь фундаментальной закономерности психического, устремляет нас к разрядке напряженности, достижению уравновешенности и удовлетворения наиболее привычными, проторенными путями; что главная биологическая цель, консолидирующая все силы бессознательной части нашего «психического аппарата» – «удерживать наличное количество возбуждения на возможно более низком или, по меньшей мере, постоянном уровне» (5, с. 383). Как писал З. Фрейд, «принцип удовольствия выводится из принципа константности» (там же) и наиболее полно реализуется в сфере сексуальных влечений.

Однако первичные побуждения к удовольствию оттесняются требованиями социальной действительности, нормами морали, культурными запретами и императивами, препятствующими непосредственному

удовлетворению и разрядке либидозных импульсов здесь и теперь. Социальная жизнь есть опосредованное бытие. Она вынуждает субъекта согласовывать внутренние импульсы и стремления с внешними условиями их реализации. По Фрейду, это значит подчиняться принципу реальности, который предполагает периодическую отсрочку удовольствия, трудный и окольный путь к его достижению. Именно стремлением к самосохранению в гетерогенной и репрессивной, подавляющей среде объясняется то обстоятельство, что индивиду приходится идти к удовлетворению долгими, извилистыми тропами культуры и цивилизации, подобно Одиссею, встречающему множество препятствий на своем обратном пути домой. Причем культура не способна обеспечить полноту биологического удовлетворения, она предлагает лишь суррогат утраченной «радости жизни», зыбкую химеру потерянного рая (отсюда неудовлетворенность, «недовольство культурой»). Заложенный в культуре элемент неудовольствия или неполноты удовлетворения стимулирует бесконечный поиск новых, замещенных и сублимированных форм наслаждения, служит залогом и источником всего разнообразия культурной жизни.

Фактически, становление индивида, дифференциация его психики и усложнение жизни, по Фрейду, определяются столкновением сознательного Я с неоднородностью, сложностью и противоречивостью социальной среды, ограничивающей исконные и консервативные стремления к удовольствию, внутреннему равновесию и покою.

Фрейдовская теория получает завершенность в работе «По ту сторону принципа удовольствия» (5), где наиболее ясно и аргументировано изложены идеи об исконном консерватизме первичных влечений, об их регрессивной направленности, иными словами, о неосознаваемом инстинктивном стремлении к восстановлению исходных, прежде бывших состояний. Именно здесь Фрейд, вопреки сложившемуся убеждению, что все живое стремится к изменению и развитию, констатирует «консервативную природу живущего»; здесь определяет он *влечение* как «*наличное в живом организме стремление к восстановлению какого-либо прежнего состояния*», как «*выражение косности в органической жизни*» (5, с. 404).

Наконец, в этой работе мы находим парадоксальный вывод: в конечном итоге, «целью всякой жизни является смерть», поскольку «неживое было раньше, чем живое» (5, с. 405). При таком подходе источник развития индивида обнаруживается вовне – не в глубинах психического, где зарождаются влечения, но в сфере взаимодействий с окружающей средой. «Если, – пишет Фрейд, – все органические влечения консервативны, приобретены исторически и направлены к регрессу, к восстановлению прежних состояний, то мы должны все последствия органического развития отнести за счет внешних, мешающих и отклоняющих влияний» (там же).

Постулируя заложенную в индивидуальном Я тенденцию возврата к неорганическому состоянию, как стремление, погрузившись в покой неживой материи, окончательно избавиться от любого внутреннего напряжения и внешнего раздражения, Фрейд предлагает нам предельно дуалистическую

картину психической жизни. Он жестко противопоставляет влечения Я (но не к самосохранению, а как раз наоборот, к саморазрушению, к смерти) и сексуальные драйвы или влечения рода, направленные на созидание и приумножение жизни.

Принципиально иначе природа и судьба первичных влечений представлены в теории С.Н. Шпильрейн. За несколько лет до появления вышеупомянутой статьи З. Фрейда Сабина Шпильрейн открывает особую исследовательскую территорию, простирающуюся «по ту сторону принципа удовольствия», за пределами сферы его доминирования, т.е. вне индивидуального Я. В своей выдающейся работе «Деструкция как причина становления» (7) она ставит вопрос, имеющий первостепенное значение для последующей разработки фундаментальных положений глубинной психологии: нет ли в нас сил и влечений, которые приводят в движение нашу психическую субстанцию, не беспокоясь при этом о благе или вреде для Эго? Далее автор высказывает мнение, основанное на многочисленных клинических наблюдениях и обширном аналитическом материале, «что душевным Я руководят побуждения, лежащие еще глубже (*чем область удовольствия / неудовольствия – Ф.Ф.*) и совсем не заботящиеся о реакции нашего чувства на поставленные ими требования» (7, с. 212). «Глубина нашей души, – утверждает С. Шпильрейн – не знает никакого Я, но лишь его суммирование в «мы» или в настоящее Я, выступающее как объект и подчиненное другим подобным объектам» (7, с. 213) Это утверждение – своего рода мост, переброшенный от теории влечений З. Фрейда к теории коллективного бессознательного К.Г. Юнга. Последний, выделяя коллективное измерение психического, едва ли не в аналогичных выражениях писал об объективной «*psyche*», как о той сфере душевной жизни, в которой индивидуальное Я оказывается мишенью воздействующих на него надличностных факторов (архетипов), «объектом всех Субъектов» (9). Однако С. Шпильрейн остается в проблемном поле Фрейда, фокусируя внимание на инстинктивной сфере, стремясь прояснить глубинную динамику человеческих побуждений, тогда как Юнг ставил перед собой несколько иную задачу. Он пытался выявить базовые принципы структурной организации индивидуального и коллективного опыта, установить, как структурируются наши представления, образы, убеждения, как психическое приходит к узнаванию и пониманию самого себя в архетипе, этом «автопортрете инстинкта» (8). Воззрения Юнга и Шпильрейн выступают как взаимодополняющие научные идеи о структуре и динамике безличного (родового или коллективного) бессознательного.

Исследуя случаи *dementia praecox* с их характерной символикой, С. Шпильрейн приходит к заключению, что душевная жизнь психотических пациентов определяется борьбой между двумя антагонистическими стремлениями – «*Я-души*» и «*родовой души*». Психопатология в заостренной и гипертрофированной форме показывает нам общую закономерность: здесь оказываются конфликтующими две основные тенденции психического функционирования как такового. Я-душа стремится к сохранению индивида

в его актуальном дифференцированном состоянии, в котором преобладают Я-отношения и Я-представления (индивид понимается как *dividuum*, отделенный, значимый в своей отдельности и отличии от других). Именно с устойчивостью Я, сохранением Я-дифференцированных психических содержаний и с возможностью самоутверждения связывается у Шпильрейна переживание удовольствия (а не со снижением уровня возбуждения, как у Фрейда). В то же время, «душа рода» характеризуется тенденцией к ассимиляции, растворению индивидуальных представлений в безлично типичных, родовых, к замене дифференцированного Я-сознания «унаследованными формами мышления». Это противится такой аннигиляции индивидуально-специфичного, что и выражается в чувстве неудовольствия. Циклическая смена фаз дифференциации и ассимиляции представлений является своеобразным законом психической жизни. Все индивидуальное и новое происходит из коллективных, родовых источников, вычленяется из древнего, недифференцированного состояния – души рода. С другой стороны, чтобы индивидуально своеобразное содержание было понято, воспринято и стало достоянием многих, оно должно быть преобразовано согласно более общей, универсальной матрице. При этом нечто уникальное и неизреченное словно растворяется в типичном и разделяемом. «Ассимиляция приводит к тому, что из единства, имеющего значение для Я, рождается единство, значимое для «Мы» (7, с. 228). Эта закономерность является общей для сновидения, искусства и патологической символики.

Переводя вышеизложенные идеи на язык теории влечений, С. Шпильрейн предлагает различать два основных инстинкта: *инстинкт самосохранения* и *инстинкт сохранения вида*. Первый из них прост по структуре и консервативен, т.к. направлен на сохранение индивида в уже имеющемся наличном состоянии. Второй преследует цель сохранения рода путем постоянных изменений и новообразований, независимо от эгоистических желаний индивида и его стремления к устойчивости. Инстинкт сохранения рода имеет сложную двухкомпонентную структуру; в нем эротическое влечение неотделимо от деструкции. Таким образом, этот инстинкт амбивалентен по своей природе, т.е. включает в себя как отрицательные, так и положительные (с точки зрения Эго) компоненты. Биологический смысл и предназначение деструктивных импульсов, согласно Шпильрейну, – уничтожение старого состояния ради возникновения нового, разрушение, обеспечивающее трансформацию, «воскрешение» индивида в новой форме. Любое развитие осуществляется путем дестабилизации и деструкции. А поскольку род человеческий может сохраниться, только постоянно развиваясь и эволюционируя, разрушение есть необходимый элемент жизни, как бы печально это ни воспринималось нами в контексте индивидуальной биографии. Чтобы осуществилось новое, необходимо растворить старое, ибо «...никакое изменение не может произойти без уничтожения старого состояния» (7, с. 228).

Очевидно противоречие между таким диалектическим пониманием Либида, как источника индивидуального развития и трансформации, и предло-

женным Фрейдом определением влечения, как «выражения косности в органической жизни». Цель первичных побуждений, согласно Шпильрейн, – это постоянное изменение и формообразование, по Фрейду же – регресс, возврат к прежде бывшим состояниям. У Шпильрейн влечения рода – психологический аналог бергсоновского *élan vital*, фактор творческой эволюции живого; у Фрейда они изначально консервативны. В первом случае, деструкция – залог нового рождения, во втором – аннигиляция, «успокоение» живого путем его уравнивания с неорганической материей. И Фрейд, и Шпильрейн опираются на биологические факты, однако первый верен механистическому детерминизму и предлагает нам модель «*автоматического бессознательного*», в которой психический аппарат представлен как био-социальный механизм, подобно более ранним новоевропейским представлениям о телесной машине¹. В теории С.Н. Шпильрейн мы обнаруживаем «*органическое бессознательное*» – сопричастное самой жизни, творческое и созидующее через разрушение.

Оглядываясь назад и соотнося когда-то непонятую статью Сабины Шпильрейн с трудами ее выдающихся современников, мы можем найти в этой удивительно богатой по содержанию работе оригинальную объяснительную схему для большого множества экстраординарных явлений психической жизни, к которым было привлечено внимание великих умов начала прошлого века. Трактовка деструкции как ассимиляции Я-содержаний в недифференцированной «родовой душе», растворения индивидуально-специфичного – в безлично-родовом, коллективном, приходит на ум, когда читаешь, например, материалы о широко распространенном феномене самоуничтожения раскольников в России XVIII – XIX вв., помещенные в книге В.В. Розанова «В темных религиозных лучах» (4). Самоуничтожение путем самосожжения, самоутопления, самозакапывания и морения голодом приобрело поразительные масштабы, вовлекая в воронку мучительной смерти сотни и даже тысячи людей. Эти люди (раскольники) убивали себя и своих детей, подвергаясь непереносимым страданиям, ради сохранения групповой и религиозной идентичности, вопреки инстинкту самосохранения и принципу удовольствия. Нередко такое массовое наваждение провоцировалось переписью – актом власти, призванном фиксировать каждого члена общины в его отдельности, единичности. Стремление раскольников умереть вместе, огромною массой, без разбора возраста и пола – что это как не торжество родовой души, означающее гибель для индивидуального Я?

Сходный материал помещен в социологическом этюде Э. Дюркгейма «Самоубийство» (3), а именно, в той его части, где автор описывает так называемый *альтруистический суицид*. Согласно Дюркгейму, недостаточно раз-

¹ Как отмечал Л. Бинсвангер, в основе психоаналитической доктрины Фрейда обнаруживается «попытка показать, что следует в качестве *механического детерминизма* из данных особенностей естественной организации человека, и столкновения этих особенностей с факторами окружающей среды» (1, с. 35).

витая индивидуальность, без остатка поглощенная общественностью, нередко приводит человека к самоуничтожению, причем путь аутодеструкции предопределен закрепленными в конкретной группе ритуалами, верованиями и разделяемыми представлениями. Так в целом ряде архаических племен существовала традиция, согласно которой, после смерти вождя племени все его подданные должны были покончить с собой. Этот суровый обычай в ряде мест распространялся также на престарелых или больных людей и вдов, совершающих суицид после кончины мужа (3, с. 196). Другой пример универсален – это жертвенное самоубийство воина, которое издавна считается высшей доблестью. Таким образом, не только Сабина Шпильрейн и Юнг, параллельно с ней развивавший идею захваченности Эго архетипом, но и представители сопредельных областей знания отмечали общечеловеческую тенденцию растворения индивидуального в безличном, родовом.

Кроме того, интересные параллели излагаемой теории деструкции обнаруживаются в трудах «сына серебряного века» Л.Н. Гумилева, прежде всего в его знаменитой монографии «Этногенез и биосфера Земли» (2). Анализируя «поведение» таких макросистем, как этносы, Гумилев вводит понятие *пассионарности*, означающее «избыток биохимической энергии живого вещества, *обратный вектору инстинкта самосохранения* и определяющий *способность к сверхнапряжению*». На поведенческом уровне пассионарность выступает как жертвенность ради высшей – сверхличностной, идеальной, а нередко и иллюзорной – цели, имеющей значение для всего сообщества. С этим исходным понятием связаны два производных: 1) *пассионарный импульс*, который действует вопреки инстинкту самосохранения, нередко разрушая индивида-пассионария, но при этом способствуя развитию или расцвету его этноса; 2) *пассионарный толчок*, приводящий, за счет активности пассионариев, к появлению новых этнических систем в тех или иных регионах.

Лев Гумилев рассматривает этносы в свете органистической парадигмы как целостные живые системы, которые развиваются в неразрывном единстве с их биосоциальным окружением, ландшафтом, и усложнение которых предполагает определенную направленность биологической энергии. Используя средства сопредельного научного дискурса, он формулирует выводы, созвучные идеям Шпильрейн. «Этнос» Гумилева, подобно «Родовой Душе» в теории деструкции, побуждает отдельных своих представителей не подчиняться инстинкту самосохранения и принципу удовольствия, требует от них сверхнапряжения и самопожертвования, растворения личных интересов в коллективных. Эта закономерность, установленная двумя выдающимися умами в разных научных дисциплинах и контекстах, имеет значение не только для глубинной психологии, но и для современных представлений об особенностях эволюционного развития сложно организованных социальных образований.

Основной постулат эволюционной теории, согласно которому борьба за выживание и внутривидовая конкуренция особей являются двигателями эволюции, неправилен для таких сложных макросистем, как этнос. Цело-

стность этноса, – который, по Гумилеву, является специфической для Homo sapiens формой существования вида, – поддерживается за счет действия такого видоохранительного фактора как альтруистическая этика. Основной этический принцип в данном случае заключается в том, что коллективные интересы ставятся выше личных. С альтруистической всегда соседствует эгоистическая этика (в данном случае «личное плюс семейное» оттесняют общественное на второй план). «Функции разделены... «Альтруисты» обороняют этнос как целое, «эгоисты» воспроизводят его в потомстве». Благодаря такому альтруистическому стереотипу поведения как «героическое самопожертвование» (напр., Муций Сцевола) этнос интенсивно развивается, расширяет среду обитания и достигает расцвета. Однако, по мере смены «альтруизма» «разумным эгоизмом» развитие этноса постепенно замедляется, «естественный отбор ведет к сокращению числа «альтруистов», что делает этнический коллектив беззащитным, и по прошествии времени этнос, лишившись своих защитников, поглощается соседями» (2, с. 277).

Таким образом, на макроуровне биосоциогенеза законы эволюции и нормы этики оказываются неотделимы друг от друга. Этому уровню в психике человека соответствуют те глубины бессознательного, где, как писала Сабина Шпильрейн, принцип удовольствия уступает место глобальным общевиновым принципам организации жизни.

Для глубинной психологии остается аксиомой афоризм Фрейда: «судьба человека – это судьба его влечений». Однако виденье этой «судьбы», ее трактовки двумя пионерами психоанализа существенно различны. Сопоставление теорий З. Фрейда и С.Н. Шпильрейн позволяет нам обнаружить еще одно, упорно не замеченное в свое время столкновение научных альтернатив в психологии XX века, которое может быть поставлено (по степени важности обсуждаемых проблем) в один ряд с научными спорами З. Фрейда и К.Г. Юнга, Л.С. Выготского и Ж. Пиаже.

К. Поппер предложил особый метод сравнительного анализа достоинств и недостатков той или иной теории – так называемый «метод альтернатив». Суть этого продуктивного способа решения научных проблем состоит в том, чтобы при рассмотрении конкретной теории или концепции не подвергать ее критике (с идеологических и концептуальных позиций другой, «более адекватной» системы объяснений), но отыскать максимальное число альтернативных ей и обоснованных интерпретаций и подходов. Столкновение научных альтернатив позволяет установить границы корректного применения рассматриваемых концепций и выявить их неизбежные «дефекты», превратности метода, необоснованные экстраполяции и т.д.

Нередко изложение фрейдовского учения строится либо по принципу отрицания альтернативных точек зрения, либо как фронтальная критика с принципиально иных, например, экзистенциальных или гуманистических позиций. Теория Шпильрейн интересна именно как вариант альтернативного

виденья проблемы, сложившегося, однако, в рамках той же категориальной системы и на сходном аналитическом материале.

Благодаря самостоятельному и оригинальному взгляду Сабины Шпильрейн, метапсихология Фрейда перестает быть сферой изощренных спекуляций великого ума, своего рода «метафизикой» психоаналитиков, и становится полем живой, плодотворной научной дискуссии.

Литература

1. Бинсвангер Л. Фрейд и его концепция человека в свете антропологии. / Бинсвангер Л. Бытие-в-мире. – М.: «Рефл-бук», «Ваклер», 1999. – С. 19 – 52.
2. Гумилев Л. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Танаис ДИ – ДИК, 1994. – 544 с.
3. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. – М.: «Мысль», 1994. – 399 с.
4. Розанов В.В. В темных религиозных лучах. – М.: Республика, 1994. – 476 с.
5. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия. / Фрейд З. Психология бессознательного. – М.: Просвещение, 1990. – С. 382 – 424.
6. Фрейд З. Почему война. / Фрейд З. Психоанализ. Религия. Культура. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 257 – 269.
7. Шпильрейн С. Деструкция как причина становления. / «Логос», 1994, №5. – С. 207 – 239.
8. Юнг К.Г. Инстинкт и бессознательное. / Юнг К.Г. Сознание и бессознательное. – СПб.: Университетская книга, 1997. – С. 57 – 68.
9. Юнг К.Г. Об архетипах коллективного бессознательного. // К.Г. Юнг Архетип и Символ. – М.: Ренессанс, 1991. – С. 95 – 129.

Труды и личность И. Д. Ермакова

(Псевдонимы профессора Ермакова - IWERM - Герман Коу)

М.И.Давыдова

Иван Дмитриевич Ермаков (1875 - 1942) в советские годы был известен читающей публике с гуманитарными интересами, прежде всего, как редактор выходившей в первой половине 20-х годов серии книг «Психологическая и психоаналитическая библиотека».

Здесь публиковались в переводе на русский язык работы З.Фрейда и других ученых - теоретиков психоанализа, а также специалистов, использующих методы психоанализа в медицинской практике. И.Д.Ермаков был автором предисловий к большинству выпусков «Психологической и психоаналитической библиотеки», в этих предисловиях отражался, в частности, его опыт врача-психиатра.

В «Психологической и психоаналитической библиотеке» вышли и две его работы, в которых произведения художественной литературы (творчество Пушкина и Гоголя) рассматривались с позиций психоанализа. Все выпуски серии были в Библиотеке Ленина, в 50-е годы они существовали там уже в виде микрофильмов. В 1998 году вышла книга И.Д.Ермаков. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский. М.: НЛЮ, 1998. (Филологическое наследие), куда вошли уже публиковавшиеся работы «Этюды по психологии творчества А.С.Пушкина» и «Очерки по анализу творчества Н. В. Гоголя» а также неопубликованные раньше работы «Ф.М.Достоевский. (Он и его произведения)», «Похождения Чичикова, или «Мертвые души» Гоголя» (о первой главе поэмы) и три эссе - «Дама в голубом», «Зимний вечер», «Сказка о Содоме и Гоморре». В этой книге воспроизведены и рисунки тушью И.Д.Ермакова, относящиеся к 10-м годам прошлого века. Сюжеты из античной мифологии воспроизведены здесь в духе эстетики Серебряного века и психоанализа.

В работах об И.Д.Ермакове, появившихся в конце 80-х - 90-е годы, немало сказано о его деятельности врача-психиатра, создателя и директора Государственного психоаналитического института и детского дома «Международная солидарность» (первая половина 20-х годов). Однако менее известны другие стороны творчества этого разносторонне образованного, наделенного многими способностями человека.

И.Д.Ермаков был еще и художником. Он подписывал свои рисунки и живописные работы IWERM. Учиться живописи и рисунку И.Д.Ермаков начал еще в гимназические годы в Тифлисе, вращаясь «в обществе художников, архитекторов, ученых, путешественников» (из автобиографии) - знакомых своего отца, известного тифлисского фотографа и этнографа. Однако серьезное увлечение изобразительным искусством началось после русско-японской войны 1905 - 1906 гг., в которой И.Д.Ермаков участвовал как врач (одна из первых его научных работ - «Психические заболевания в русско-японскую войну. По личным наблюдениям» //Журнал

невропатологии и психиатрии им. С.С.Корсакова.- 1907, кн. 2.). «После Китая вернувшись домой, я отдался живописи, думал о картинах, любил их и делал то, чего стеснялся, что гнал от себя в детстве, в юности после статей Писарева, увлечения им...», - писал И.Д.Ермаков в автобиографических заметках. В годы русско-японской войны, очевидно, к нему попал небольшой альбом зарисовок, сделанных художником Н. Красновым - русским офицером, по долгу службы вместе с кавалерийской войсковой частью прошедшем через Китай и Манчжурию. Его зарисовки тушью - орнаменты, изображения драконов, китайских пагод - выполнены с подлинным мастерством и любовью. Видимо, они повлияли на художественную манеру И.Ермакова - графика. Филигранность, точность рисунка, лаконизм характерны для его рисунков 10-х годов, часть которых воспроизведена в книге 1998 года И.Д.Ермаков «Психоанализ литературы», о чем речь шла раньше. До последних лет жизни И.Д.Ермаков писал натюрморты, пейзажи Подмосковья, Крыма, пейзажи-воспоминания об Италии и Греции, иногда - портреты.

«Потом я обратился к литературе», - писал И.Д.Ермаков, продолжая мысль о преодолении влияния Писарева на его мироощущение. Так возник замысел работы о Гоголе. «Первая часть очерков была написана мною много лет тому назад, когда я мог пользоваться драгоценными для меня указаниями ныне покойного Владимира Владимировича Каллаша... Ему, как специалисту, я обязан многими указаниями в области литературы, к которой я тогда только что приступал», - писал И.Д.Ермаков в предисловии к изданию «Очерков по анализу творчества Н.В.Гоголя» (1924). Несколько раньше вышла книга «Этюды по психологии творчества А.С.Пушкина» (1923). Свою задачу И.Д. Ермаков видел в том, чтобы выяснить, как отразились в художественных произведениях личные, интимные переживания писателя, «те психологические механизмы писателя, которые, может быть, являются образованием не индивидуального, а коллективного мышления и основы которых лежат в глубине бессознательной психической деятельности человека» (из автобиографии).

В «Очерках по анализу творчества Н.В.Гоголя» особенности личности писателя анализируются не только в связи с его произведениями. В первой главе рассматривается болезнь Гоголя, значение родителей в формировании его личности, черты его характера и т. п. Далее следуют главы о произведениях «Страшная месть», «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем», «Шинель», «Нос», «Записки сумасшедшего». «Найти связи с действительностью и освободиться от темных и жутких сил примитивного, бессознательного есть для него (Гоголя) задача честного и смелого исследователя. Эта задача решается им в полном сознании громадной ее важности, как дело его души», - пишет автор в предисловии, формулируя мысль, которая проходит через всю работу.

И книге «Этюды по психологии творчества А.С.Пушкина» И.Д.Ермаков исследует произведения, написанные Пушкиным Болдинской осенью, - «Домик в Коломне» и «Маленькие трагедии», «Скупой рыцарь»,

«Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы». Он видел в этих произведениях отражение противоречивых переживаний Пушкина накануне женитьбы, которую он хочет приблизить и которой страшится, его терзаний от разлуки с невестой и радостного ощущения своей силы художника-творца. «Что же я - мужчина или женщина? Женюсь или выхожу замуж? Берут ли меня в дом, или я беру к себе в дом? Хочу ли я даром получить, нанять кухарку, или я способен заслужить жену, понимаю ли я всю важность моего шага?» - этими вопросами, по версии Ермакова, мучился Пушкин, рассказывая забавную историю о кухарке Маврушке (мавр - намек на происхождение Пушкина), которая оказалась переодетым в женское платье незадачливым поклонником хозяйской дочери - решительной, деятельной Параше (у Пушкина есть описка - Наташи).

Узкоэгоистические стремления, желание уйти от действительности становятся причиной страха героев «Маленьких трагедий» - барона (скупого рыцаря), Дона Гуана, Сальери, Вальсингама - и приводят их к гибели, моральной или еще и физической. Создавая эти образы, Пушкин осмысливает, а, значит, преодолевает свои сомнения, противоречия в собственном характере, - утверждает исследователь. Он пишет: «Здесь, в творческих достижениях, как и в деятельности, в которой он чувствует свою власть, свое могущество, он в силах овладеть положением (магическая деятельность)... В трудном положении, при ограничении, в трудных условиях жизни ярче светятся и горят затаенные, глубокие, неотступные, требующие своего разрешения вопросы... Пушкин решает их с той искренностью, той честностью, которая возможна только для гения... Выход из такого положения, которое не удовлетворяет поэта, выход к жизни, к людям, не к самому себе, а к коллективу, к природе, к правде - характерная черта для всего мировоззрения Пушкина» , - пишет И.Д.Ермаков, видя в этом единственно правильную жизненную позицию и находя для себя нравственную опору - а ее так недоставало русской интеллигенции, ввергнутой в обстановку послереволюционной смуты и гражданской войны.

В 20-е годы была создана и работа «Ф.М.Достоевский (Он и его произведения)», завершившая своеобразную психоаналитическую трилогию (Пушкин - Гоголь - Достоевский). Она содержит главы о болезни Достоевского, его отце, матери, любовной жизни, характере, об особенностях творчества («Двойственность». «Исповедь в творчестве». «Психоанализ у Достоевского»). В главе «Исповедь в творчестве» сказано: «Заглянув в себя самого, обнаружив в себе затаенные мысли и желания, в которых обычно не осмеливается сознаться себе человек, Достоевский, благодаря этому анализу, мучителен не только для себя, но и для других. Симпатии писателя к кротким, оскорбленным, униженным объясняются тем, что им дана большая возможность чувствовать и правильнее, быть может, разбираться (с точки зрения вины), чем заносчивым, себя превозносящим. Но ведь между этими двумя крайностями движется и развивается всякая психическая деятельность. И тот, у кого сильно чувство вины и кто благодаря этому хотел бы достигнуть совершенства, должен идти путем перевоспитания себя, налагая

на себя, как это подметил писатель, «исправительное наказание» в виде мучительного анализа - исповеди... Этой потребности в исповеди в высокой степени удовлетворяют произведения писателя, в которых он имеет возможность под личиной своих персонажей свободно и до конца честно говорить о себе».

В 1925 году И.Д.Ермаков был отрешен от руководства Государственным психоаналитическим институтом (институт был ликвидирован), от активной организаторской и врачебной деятельности. Он продолжал заниматься частной практикой, работал в Слухоречевом комбинате - лечил от заикания, был консультантом в клинике МГУ. Появилась возможность заняться литературным творчеством, однако радость этого творчества была омрачена тщетными попытками опубликовать свои произведения. В 30-е годы им были созданы две книги очерков (они остались в рукописи). Одну автор охарактеризовал как размышления об увиденном и воспринятом в том путешествии, которое называется жизнью, - здесь, в частности, есть очерки о Китае. Другая - «Этюды о литературе» (вариант заглавия - «Новеллы о творчестве») содержит работы о «Слове о полку Игореве», Грибоедове, Крылове, Пушкине, Мопассане и других писателях. Некоторые этюды и эссе вошли в издание Ермаков И.Д. Психоанализ литературы. Пушкин. Гоголь. Достоевский М.: 1999, о котором уже шла речь.

В 30 - е годы получило развитие еще одно направление деятельности И.Д.Ермакова - коллекционирование. Начиная с времен русско-японской войны он коллекционировал веера - он их использовал в своих лекциях об искусстве, будучи на рубеже 10 - х и 20 - х годов научным сотрудником Третьяковской галереи.

Для И.Д.Ермакова всегда был характерен интерес к культуре народов Востока. Интерес этот был воспринят от отца, известного тифлисского фотографа Д.И.Ермакова, одно время работавшего в Персии и получившего звание придворного фотографа шаха персидского, а также создавшего огромную коллекцию этнографических фотографий в Грузии, Армении, на Кавказе. Во второй половине 20-х годов И.Д.Ермаков нередко посещал Крым с научными целями и увлекся собиранием и исследованием домотканых вышитых полотенец крымских татар, которые он, может быть, без достаточных оснований называл чадрами. И.Д.Ермаков написал о них иллюстрированную его фотографиями и рисунками работу, оставшуюся, как и многие его труды, в рукописи. Записано им было и несколько песен крымских татар.

Сохранились рукописные сборники стихотворений И.Д.Ермакова. Лирические стихотворения разных лет, вплоть до конца 30 - х годов, написаны в духе эстетики Серебряного века. В начале XIX века придумал автор себе и псевдоним для стихов - Герман Коу, Вот одно из ранних стихотворений:

Жемчужине, так говорил пророк
Свой предназначен срок
И в этот день иль, может, в тот
Она умрет.

И станет, мертвая, тускла,
Как из стекла,
Не прижимай ее к груди
И не буди.

Таковы ипостаси И.Д.Ермакова - врача-психиатра и ученого психоаналитика; в короткий период первой половины 20 - х годов - блестящего организатора издания «Психологической и психоаналитической библиотеки», создателя и директора Государственного психоаналитического института с многочисленными научными ответвлениями; знатока и исследователя литературы и искусства; художника; эссеиста и поэта - потомственного русского интеллигента.

Две правды о профессоре Ермакове

Л.Кацис, В.Руднев

(Ермаков И. Д. Психоанализ литературы: Пушкин; Гоголь; Достоевский. М.: НЛО, 1999.— 512 с.)

Выход книги русского психиатра и психоаналитика — не только интересное и важное явление в современной науке. На сей раз вслед за публикацией многочисленных филологических или мемуарных текстов 1920-х годов мы получили тексты весьма своеобразного содержания, манифестирующие проблему одного из самых ранних этапов развития психологического анализа художественного текста и биографии писателя.

К сожалению, предисловие к книге, написанное Александром Эткингом, и не имеющие отношения к психоанализу искусства комментарии Е. и М. Строгановых только мешают адекватному восприятию текстов Ермакова, не позволяя оценить ни его места в науке 1920-х годов, ни перспектив, которые открывает его наследие в современной нам научной ситуации.

Замалчивание психоанализа в СССР, начиная в 1930-х годов, а в крайнем случае — злорадное глумление над ним и, в частности, его применением к художественному тексту, стало недоброй традицией отечественной филологии. Многие десятилетия над психоаналитической трилогией (а в 20-е годы — дилогией) Ермакова потешались целые поколения советских гуманитариев от Андрея Белого, Л.С. Выготского и В.Б. Шкловского до Ю.М. Лотмана и М.Л. Гаспарова.

Ненависть была такой всеобщей и слепой, что литературоведы, цитируя Ермакова и радуясь любой возможности его лягнуть, порой, попадали впросак. Так, например Л. Я. Гинзбург в рецензии 1924 года на книгу Ермакова о Гоголе писала следующее:

Говорить о книгах Ермакова задача неблагодарная, настолько убедительно они сами за себя говорят; лучшее, что может сделать рецензент, — это предоставить слово автору: “Иван Никифорович близок к природе, как велит природа, он Довгочун, то есть долго чихает” (уверен ли проф. Ермаков в том, что природа велит именно долго чихать?) (с. 469-470).

В данном случае в идиотизме обвиненным оказывается не Ермаков, а Гоголь. Гоголь же имел в виду, конечно, внутреннюю природу (характер) — такого человека, как Иван Никифорович, которому его внутренняя природа велит не стесняться себя и чихать так долго, как ему того хочется (лингвисту же, может быть, захочется это назвать реализацией внутренней формы слова).

В своем предисловии А. Эткинд пишет:

Психоаналитическое знание о жизни черпается не из изучения текстов, учебных, научных или литературных, а из непосредственного опыта; по крайней мере, на это претендуют психоаналитики и на это же делают упор особенные процедуры их подготовки. Соответственно, в

психоаналитическом исследовании литературы существовала надежда, что аналитик способен разорвать бесконечную цепь интертекстуальности благодаря тому непосредственному опыту, который дает ему его особенная клиническая позиция. Клиника привлекается в качестве инструмента, решающего вмешательство, который способен навсегда прервать бесконечный переход от текста к тексту, ночной кошмар совестливого филолога (7-8).

Возникает вопрос: “Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?”

Насколько можно понять, И. Д. Ермаков завершил свои штудии, представленные в книге, к концу 1920-х годов, а тот “кошмар”, который имеет в виду А. Эткинд, настал не столько у “совестливого”, сколько у не очень профессионального филолога лишь к концу 1960-х — началу 1970-х годов. Если же А. Эткинду удастся показать нам, что ему известны творцы этого “кошмара” в середине 1920-х годов, то Кристевой и Тарановскому придется посыпать пеплом главу и сознаться то ли в плагиате, то ли в безграмотности.

Куда интереснее было бы посмотреть на окружение И. Д. Ермакова и философско-психологические интересы этого окружения. Достаточно назвать здесь хотя бы имя А. Г. Габричевского, чье “Введение в морфологию искусства” (1924-1925), возможно, прояснит, почему русские философы и психиатры относились к психоанализу несколько иначе, чем этого требует Эткинд. Вот, например, в каком контексте возникает психоанализ у Габричевского:

... эта так называемая наука (психология. — *Л. К., В. Р.*) со всей ее экспериментальной статистикой и теориями способностей <...> большей частью совершенно неонтологична, она нисколько не считается с душой как с целым, как с первичным фактом, а имеет дело лишь с совокупностью произвольно классифицируемых по большей части рассудочных образований, относя все, что не поддается систематике и механическому подсчету, в область так называемого бессознательного. Правда, с появлением психоанализа онтологическая ценность психологии как таковой как будто увеличилась. Действительно, психоанализ, перенеся исследование в сферу, менее причастную рассудочному оформлению, как будто проник до более глубоких пластов личности, но поскольку он все ж идет аналитическим путем и все добытое вновь водворяет в сознательную сферу (это не только в исследовании, но и в его катартической практике), мы достигли лишь следующего этапа на пути бесконечного аналитического приближения к организму как целому, недоступному анализу. Зато в области отдельных творческих мотивов психоанализ должен оказать огромную [услугу] онтологии искусства. Индивидуальная структура творчества часто особенно сказывается в отдельных приемах, элементах, символах, не столько продукта как целого, сколько в отдельных его частях, поскольку оные суть как бы привычные и непосредственные жесты художника, а также в самом выборе оформленных в действительности объектов, поскольку они вводятся в материал, в художественный продукт, — вот это, вернее только это,

получило настолько отчетливую формулировку в теории символики бессознательного, как ее развивает психоанализ, что дает уже более конкретную почву для онтологии, чем экспериментальная и дескриптивная психология. Но и здесь, как и в формальном анализе, остается неразрешенной проблема перехода от частей к целому и тайна органической атомистики. Психология же души и сознания как целого есть уже онтология, а именно учение о жизни в форме ее человеческой индивидуации [1].

Так рассуждал один из соратников Ермакова по кружку по изучению художественного творчества при Государственном психоневрологическом институте. Впоследствии тот же Габричевский занимался вопросами психологии художественного творчества уже в ГАХН'е вместе с Кандинским и Шпетом.

Кстати, и работы последнего по этнопсихологии или “Эстетические фрагменты” немало делали для создания основ психологии художественного творчества в те годы.

На этом фоне можно обратить внимание на претензии А. Эткинда к методическим основам психоанализа искусства:

Есть радикальная разница между ситуацией лечения и ситуацией чтения. Психоаналитик знает о своих пациентах совсем иное, чем знают о них их друзья и супруги, и так же иное, чем он сам знает о своих друзьях или супруге <...>. Между тем, о героях Достоевского Ермаков и даже сам Фрейд знает лишь то же самое, что знает о них любой читатель Достоевского: то и только то, что написано. <...> Аналитик, занявшийся анализом текста, вполне лишается главного своего инструмента, который Фрейд назвал трансфером: особенного отношения пациента к врачу, от которого зависит его, пациента, будущее и в котором сполна проявляется его, пациента, прошлое. Понятно, что ни Гоголь с Пушкиным ни Братья Карамазовы не испытывали трансферных (принято, впрочем, говорить, трансферентных. — Л. К., В. Р.) чувств ни к Ермакову, ни к Фрейду” (8-9).

В этом рассуждении А. Эткинда кое-что верно. Особенно, в приложении к прямолинейным штудиям русских психиатров (порой, еще даже не психоаналитиков) 1900-1920-х годов типа “Футуризм и безумие”, “Символизм и безумие”. Но имеет ли все это отношение к И. Д. Ермакову? Рядовой ли он психоаналитик? А может быть, он представляет собой нечто иное?

Обратимся к автобиографии И. Д. Ермакова. И здесь обнаружим нечто интересное. В разделе 2 “История научной и художественной деятельности” он начинает вовсе не со своих заслуг в психиатрии:

С детства вращался в обществе художников, археологов, ученых, путешественников, находили способности в живописи, особенно в области колорита. Серьезнее начал заниматься живописью после японской войны, когда познакомился ближе с китайским искусством и бытом. Писал главным образом натюрморты и работал в области графики, исполняя некоторые задания (обложки). В 1916 году по предложению художника В. Н. Бакшеева принимал участие в 44 передвижных выставках картин, после чего в том же

году участвовал на выставке современной русской живописи (бюро Добычиной) в Петрограде, на выставке этюдов и эскизов русских художников (гал. Лешерова) и на выставке Мира искусства в Москве” и т. д. еще перечислено четыре выставки, в том числе “Бубнового валета”.

В свете данной цитаты инверсию порядка слов в заголовке “Научная и художественная деятельность” можно назвать инверсией-оговоркой в духе “Психопатологии обывденной жизни”. Перед нами не примитивный полуграмотный русский фрейдист (как считает А. Эткинд), а активный участник художественной жизни, бывший при этом одновременно психиатром. Поэтому Ермакову, знающему внутренние побуждения художественного творчества, менее всего важен примитивный психоанализ “по аналогии”, который приписывает ему автор предисловия.

Вообще, не зная мы о медицинском образовании Ермакова, мы могли бы сказать, что рассматриваемые книги о литературе написаны художником. И не ошиблись бы очень сильно.

Замечательным материалом для психоанализа уже самого Ермакова могут явиться его стильные эротические рисунки, столь уместно помещенные в книгу вместе с его вполне художественными эссе.

В своем предисловии А. Эткинд нам сообщает, что книги Ермакова, все пронизанные страхом перед светской властью, интересны лишь как человеческий документ, а в принципе сочинения Ермакова именно таковы, какими видели их на протяжении многих десятилетий его хулители — то есть психоанализа в них практически нет, родную словесность он не знает, и вообще психоанализ текста обречен на неудачу, поскольку между текстом и исследователем невозможен трансфер, а без него какой же психоанализ!

Последний тезис особенно странен в глазах исследователя, которому вроде бы не чужды ни психоанализ, ни литература. Кажется, любой школьник знает на себе, что произведения литературы вызывают к себе любовь, а чаще ненависть (то есть позитивный и негативный трансфер), что поначалу препятствует их восприятию. Думаем, что это понимал и Фрейд, который сам любил анализировать художественные произведения.

Еще несколько слов о трансфере. Рассмотрим судьбу героев книг Ермакова (Пушкина, Гоголя и Достоевского) как она представлена в предсмертных размышлениях С.С. Эйзенштейна, где говорится не более и не менее как о трансферентной влюбленности Гоголя в (тексты) Пушкина, Достоевского — в (тексты) Гоголя, а самого Эйзенштейна — во всех прочих. При этом пародирование в широком фрейденберговском смысле объекта влюбленности со стороны влюбленного, как пишет публикатор текста Эйзенштейна, “освобождает” одного гения от другого, то есть имеет именно тот катартический смысл, которым обладает трансфер, если им управляет опытный психоаналитик [2].

Кстати, нечто похожее содержится и у Ермакова, который пишет:

... судьба писателя еще теснее связана с судьбой его отца (врача больницы для бедных), которую он в известном смысле повторяет в своей жизни больше, чем это кажется на первый взгляд. <...> Разве не сделался

впоследствии Ф. М., сын врача, как бы клиницистом, психиатром, превзошедшим своего отца, глубже понимавшим и тоньше анализировавшим тех бедных, обиженных судьбой и недужных больных — пациентов отца, с которым он в этом *как бы* (курсив наш. — Л. К., В. Р.) так успешно конкурирует. В утверждении, что Достоевский представляется нам психиатром, криминологом, психологом, вскрываем не только наследственные предрасположения, не столько влияния Среды и первых впечатлений, а прежде всего влияние комплекса отца, отождествление себя с ним (372-373).

Однако Эткинд упорно тянет своего героя в собственный лагерь, куда понятно, примитивному Ермакову не так легко попасть. Например. “Не знавший психоанализа Розанов за двадцать лет до Ермакова не боялся сказать (конечно, ведь Ермакова поразил тотальный ужас перед Советской Властью — в этом соль оригинальнейшей концепции Эткинда. — Л. К., В. Р.), что половая тайна Гоголя заключалась в его физиологическом интересе к покойницам”.

Здесь Эткинд не замечает юмора. То, что могло привлечь “не знавшего психоанализа” любителя-Розанова, вряд ли поразило воображение профессора психиатрии при чтении Крафт-Эбинга и Вайнингера, и Ламброзо. Кстати, *знавший Розанова* Ермаков, сознательно отрицал его воззрения на “Неточку Незванову” (с. 382-383). Но и здесь комментаторы вместо того, чтобы попытаться хотя бы найти это место у Розанова, лишь цитируют мнение Л. П. Гроссмана, противоположное позиции Ермакова. В сущности, комментарий продолжает ту историко-культурную выволочку, которую устраивали Ермакову, начиная с 1920-х годов.

Однако концептуально-сомнительные заявления Эткинда дополняются и просто ошибками... Почему, например, он называет Мелани Кляйн — “Маргаритой Клейн”? Вероятно, случайность, “ошибочное действие”. Но вот заявление о том, что все книги Фрейда, которые вышли после перестройки, являются переизданием старых переводов, выходящих в свет в психоаналитической библиотеке того же Ермакова, не может быть случайной ошибкой. Это означает, что автор предисловия, что называется, не следит за литературой. Уже в 1995 году в издательстве “Республика” вышел сборник работ Фрейда под общим названием “Художник и фантазирование” (объемом 40 печатных листов), где все работы Фрейда либо переведены заново, либо впервые, а это такие известнейшие работы, как “Остроумие и его отношение к бессознательному”, “Леонардо Да Винчи”, “Скорбь и меланхолия”, “Достоевский и отцеубийство”, “Жуткое” и другие. Этот процесс продолжается и сегодня: в 1998 в ростовском “Фениксе” вышел сборник работ Фрейда “Интерес к психоанализу”, сплошь состоящий из ранее вообще не переводившихся на русский язык сочинений основателя психоанализа.

Серьезные несуразности в статье А. Эткинда видятся нам и в том, что касается теории и истории литературы. На с. 11 автор предисловия пишет, что мотив трагедии — речь идет о “Домике в Коломне” — “вполне уникален в творчестве Пушкина”. Конечно, можно спорить о значении слова

“уникальный”. Но если понимать его в данном случае так, что мотив травестики встречается в творчестве Пушкина лишь в “Домике в Коломне”, то это не соответствует действительности. В полном виде он представлен в строках из “Онегина”, которые цитируются в самой книге Ермакова, когда в первой главе романа Пушкина про Онегина говорится:

*И из уборной выходил
Подобный ветреной Венере,
Когда, надев мужской наряд,
Богиня едет в маскарад*

Если же иметь в виду “социальную травестику”, то ее у Пушкина очень много — “Барышня-крестьянка”, Дубровский, переодетый учителем-французом, Пугачев, переодетый мужиком. Вообще называть наиболее универсальный мотив классического художественного произведения, мотив на котором построено узнавание/неузнавание одним героем другого, уникальным, значит совершенно ничего не понимать в исторической поэтике.

Прочитав предисловие, мы убеждаемся, что причиной всех этих недоразумений может быть одно — его автор, видимо, не перечитал книг Ермакова и воспринял их так, как было принято их воспринимать в старые добрые структуралистские времена, то есть несерьезно, глумливо, отмахиваясь от них, как от назойливых мух. Предисловие, таким образом, вступает в антагонистическое противоречие с текстом книги. Потому что если все так плохо, как пишет автор предисловия, то зачем было вообще участвовать в переиздании книг Ермакова.

И. Д. Ермаков жил и писал в эпоху, когда вновь возникающие научные и околонучные жанры создавали свой специфический метаязык и представители этих жанров, естественно, были недовольны, когда эта спецификаторская тенденция нарушалась. Вот главная причина того, почему ни психоанализ, ни теоретическая поэтика в духе ОПОЯЗ’а не приняли исследования, которое предприняло попытку соединить эти два направления. Но если жить только той эпохой, которую исследуешь, не пытаешься “оглянуться вперед”, то научная перспектива нарушается. То, как воспринимали Ермакова формалисты и Выготский, само по себе представляет собой историко-научную проблему, предмет реконструкции, к которой мы в свое время непременно обратимся.

Однако изданная книга обращена к сегодняшнему читателю, и ее надо судить в том числе и с точки зрения сегодняшней интеллектуальной атмосферы. И вот, как ни странно, она в эту атмосферу вполне вписывается. То есть это вовсе и не странно, ибо современная интеллектуальная эпоха определяется прежде всего, так сказать, тотальной междисциплинарностью, и первое, что подвергается междисциплинарному разбору, это два культурных кода — традиционный литературный (логоцентрический) и деконструктивно-постпсихоаналитический (Лиотар, Деррида, Делез-

Гваттари, Жолковский-Ямпольский, Славой Жижек-Рената Салецл). На этом фоне (издатель здесь оказался более проницательным, чем автор предисловия) труды Ермакова выглядят вполне современно. Можно не соглашаться с его конкретными интерпретациями, можно пенять ему на недостаточное историко-литературное чутье, на непонимание отличия между звуком и фонемой, — нужды нет, все эти или почти все упреки можно отнести и к названным выше культовым авторам современности.

Между тем, именно у Ермакова за 14 лет до Р. О. Jakobsona (“Статуя в поэтической мифологии Пушкина”) встречается рассуждение об оксюморонности заглавий пушкинских “Маленьких трагедий”. Самое интересное, что Jakobson совершенно точно читал книгу Ермакова о Пушкине, так он как уничижительно ссылается на нее уже в первом, чешском, варианте своей знаменитой статьи, говоря, разумеется, о “вульгарном фрейдизме Ермакова” [3: 158] (Кстати, и в указанном тексте С. Эйзенштейна, причудливо сочетающем в себе достижения Ю. Тынянова, Андрея Белого и психоанализ, также возникает мотив статуарного мифа у Пушкина. Не исключено, что сама логика совмещения формального анализа, семиотики и психолингвистических интересов позднего Р. Jakobsona выразила в законченном виде те тенденции, которые имплицитно содержались в самой структуре подобного знания.)

Именно Ермаков своими меткими, чисто мотивными замечаниями, так рассмешившими в свое время Л. С. Выготского (“Как труп в пустыне *лежал* пророк — вдова, увидев бредущую Маврушу, — “ах, ах!” и шлепнулась. Упал измученный пророк — и нет серафима; упала вдова — и простыл след Мавруши”) предваряет знаменитый “мотивный анализ” Б. М. Гаспарова. Ср. также:

Подобно тому, как барон унижает и убивает любимое им золото, так Сальери убивает свое любимое — музыку. Таким искусственным, мертвенным, убивающим все живое путем приходит Сальери (скупой, как и барон) после того, как убедился в том, что “труден первый шаг и скучен первый путь”. (Мотив угрызений у барона.)

Еще один пример — парадоксальное сопоставление “Страшной мести” и “Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем”:

“Блеснул день, но не солнечный <боролся Данила, да не победил колдуна>, небо хмурилось, и тонкий дождь сеялся на поля, на леса, на широкий Днепр” (вспомним в другом, бытовом плане ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, заканчивающуюся неудачей и таким же дождем и пасмурным днем).

Кстати, провозглашаемая Б. М. Гаспаровым независимость его метода от психоанализа (как, впрочем и от постструктурализма), быть может, всего лишь, факт традиционной идиосинкразии: если филолог прибегает к психоанализу, значит, он прибегает к чему-то неприемлемому, “как Ермаков”. На самом-то деле едва ли не основу мотивного анализа составляет метод свободных ассоциаций (эксплицированный или нет, дело другое, что

лишь подтвердил выход книги [4] того же автора), во-первых, и представление о “бессознательном заимствовании” одного автора у другого, во-вторых.

Но было бы неверным считать, что Ермаков лишь послушно следовал за усердно прочитанными им книгами Фрейда. Кое-что наводит на мысль, что Ермаков оставил свой (никем незамеченный) след в самом психоанализе. Так, анализируя образ отца на примере Тараса Бульбы, Командора, Колдуна из “Страшной мести”, Великого Инквизитора из “Записок сумасшедшего”, Вия, Ермаков говорит о “суде отца” и об “*imago* отца”. Оба эти слова “Суд” и “*Imago*” — сугубо лакановские. Хотя автор предисловия считает, что лишь Лакан и в меньшей степени Блум с его “страхом влияния” спасли современную филологию от интертекстуальности и плоского психоанализа (8). Кстати заметим, что и проблема “страха влияния” легко обнаруживается в новоопубликованном тексте все того же Эйзенштейна 1947 года.

Представление же о том, что отец воплощает “юридическое” начало в триаде “желание — объект желания — закон” было разработано Лаканом, когда Иван Ермаков уже ничего не писал. Термин “*Imago*” — ключевое понятие одной из основополагающих статей Лакана “Стадия зеркала...”. Словосочетание “*Imago* отца”, то есть образ символического отца, контролирующего сексуальное поведение субъекта, чрезвычайно напоминает лакановское понятие “Имя Отца”, означающее примерно то же самое. Так, Ермаков совершенно в духе Лакана пишет, что для Гоголя символическим отцом был Пушкин, и, когда Пушкин умер, это было для Гоголя трагедией, сопоставимой с той, когда умирают самые близкие люди, а мертвый Пушкин (мертвый отец — термин Фрейда) стал для Гоголя символическим *Imago* отца, “Именем Отца”, контролирующим его творческое поведение.

Хотя Лакан и утверждал, что все, придуманное им, есть уже у Фрейда, можно только удивиться, что так долго и дружно пинаемый всеми, кому не лень, советский психиатр-литературовед читал Фрейда так же внимательно и так же творчески, как и преуспевающий создатель структурного психоанализа.

И последняя черточка к теме “Ермаков и Лакан”. На с. 308 мы встречаем сноску, на которую можно было бы не обратить внимание, если бы не одно обстоятельство. Вот эта сноска:

Чрезвычайно характерная черта раннеслабоумных, что они оперируют в своем бреде не образами, а заменяющими им образы и заслоняющими мир *словами*, — отсюда их неологизмы.

В этой сноске в свернутом виде содержится не только лакановская триада символическое (слова) — воображаемое (образы) — реальное (мир), но и его учение о неврозе и психозе. При неврозе сознанием правит воображаемое, при психозе — символическое: бред это не образы, а придуманный новый символический язык, заслоняющий реальность (неологизмы). Именно об этом пишет И. Д. Ермаков в октябре 1922 года.

Если читать книги Ермакова непредвзято, то станет очевидно, что он привнес много нового и неожиданного в изучение творчества Пушкина, Гоголя и Достоевского.

Так, например, он убедительно соотнес содержание “Домика в Коломне” с биографическими коллизиями Пушкина осенью 1830 года, когда Пушкин был мучительно озабочен проблемой женитьбы на Наталье Гончаровой. На художественном языке эта проблема воплотилась в трансвестии Мавруши (самого Пушкина, по Ермакову) — переодетого в женщину мужчины. Таким образом, смысл бессмысленной, на первый взгляд, поэмы сводится, по Ермакову, к следующему:

Что же: я мужчина или женщина? Женюсь или выхожу замуж? Берут ли меня в дом, или я беру к себе в дом? Уступаю ли свою свободу, или у меня довольно сил, чтобы взять обязательства по отношению к любимому человеку? Хочу ли я даром нанять кухарку, или я способен заслужить жену; понимаю ли я важность моего шага? Паж я или зрелый мужчина?

Одной из безусловных творческих удач является, по нашему мнению, анализ Ермаковым трагедии “Моцарт и Сальери”. (Ср. фрагмент предисловия А. Эткинда, написанный в традициях не только что Г. А. Гуковского, но скорее даже В. Ф. Переверзева (одного из лидеров вульгарного социологизма):

Ермаков совсем не чувствует небывалого историзма “Маленьких трагедий”. Их подлинный предмет — вовсе не характеры с их чувствами, а само движение европейской истории — религиозные реформы, ранний капитализм, Просвещение, романтизм. (11)

Надо признаться, что рецензенты этой книги тоже не чувствуют “небывалого историзма” “Маленьких трагедий” хотя бы потому, что в конце 1990-х годов устарел не только вульгарный социологизм, но устарело и само понятие истории. Может быть, последнее замечание — ключ ко всему сюжету: в а-историческую постмодернистскую эпоху читать Ермакова, над которым издевались 60 лет, интересно, а А. Эткинда с его “небывалым историзмом” как-то даже неудобно.

Так вот, что касается “Маленьких трагедий”, то Ермаков интерпретирует эту вещь следующим образом. Между Моцартом и Сальери устанавливаются латентно гомосексуальные отношения. Это именно в Сальери Моцарт “влюблен не слишком, но слегка”. Но важно даже не это. В той импровизации, которую Моцарт принес Сальери, задержавшись перед этим, чтобы продемонстрировать ему “слепого скрыпача”, Моцарт, комментируя ее, рассказывает Сальери весь ход дальнейших событий — сначала дружеская беседа, потом смерть — “Вдруг: виденье гробовое, незапный мрак иль что-нибудь такое”. Бессознательное Моцарта парит над временем, видя прошлое и будущее. В то время как Сальери (подобно автору предисловия к рецензируемой книге) привязан к прошлому. Такого рода наблюдения и открытия, касающиеся уже не психоаналитической стороны дела, а просто поэтики, весьма характерны для книги Ермакова (особенно ценно это в том, что касается “Маленьких трагедий”, которые до сих пор в

общем не “раскрыты” специалистами по поэтике; впрочем, в конце 1970-х годов Б. М. Гаспаров опубликовал статью о “Моцарте и Сальери” под названием “Ты, Моцарт, не достоин сам себя...”[5], где он (будучи, как и Ермаков филологом-смежником, но в отличие от Ермакова не психоаналитиком, а музыковедом), также подверг разбору мотивную структуру той импровизации, которую Моцарт нес, чтобы показать Сальери, и сделал сходный с ермаковским вывод: Моцарт не так прост, каковым он кажется окружающим — он все понимает, но говорит за него его музыка). (О том, что именно Ермаков первым интерпретировал коллизию “Моцарта и Сальери” как кастрационный комплекс отмечает в своей книге И. П. Смирнов [6], хотя он спешит оговориться, что Ермаков делает это хаотически, в то время как у него, И.П. Смирнова, все выглядит крайне систематично: комплекс кастрации — это романтизм, Эдипов комплекс — это реализм и т. д.)

Разбор Ермаковым “Каменного гостя” представляет собой наиболее психоаналитически активную часть его книги о Пушкине. Здесь “компульсивное” стремление Дон Гуана насладиться своей плотью свидетельствует, по Ермакову, о пролонгированном Эдиповом комплексе, о бессознательном стремлении Дон Гуаном устранить отца и насладиться матерью. Встреча с Доной Анной одновременно является встречей с “мертвым отцом” Дон Альваром, Командором (Imago отца, по терминологии самого Ермакова, или Имя Отца, по Лакану). Зачем же нужен Дон Гуану мертвый Отец, зачем он приглашает в гости статую и тем “портит” себе все удовольствие? Затем, отвечает Ермаков, что Дон Гуан — психотик, у которого влечение к смерти преобладает над инстинктом жизни (работа Фрейда “По ту сторону принципа удовольствия” была опубликована в оригинале в 1920 году, а эссе Ермакова о “Каменном госте” — в 1922-м, так что непонятно, знаком ли был Ермаков с этим позднейшим учением Фрейда; ирония судьбы в том, что впервые концепцию противопоставленности в человеческой психике инстинктов жизни и смерти задолго до Фрейда предложила его русская ученица Сабина Шпильрейн, а если вспомнить, что именно Александр Эткинд впервые подробно рассказал об этой удивительной женщине русскому читателю в своей книге 1994 года “Эрос невозможного: История психоанализа в России” (где вскользь упомянут и Ермаков), то ситуация становится и вовсе пикантной — автор за это время столько успел написать, что, похоже забыл о персонажах своей первой книги).

Парадоксальные действия Дон Гуана можно объяснить, по Ермакову, и в духе второй топики Фрейда: Сверх-Я Дон Гуана, защищая его от символического инцеста с Доной Анной, психотически подсовывает ему бредовую идею приглашения в гости Командора, а потом и самый бред явления статуи, предотвращающий “инцест” и удовлетворяющий влечение Дон Гуана к смерти.

Свое понимание Доны Анны как заместительницы матери Дон Гуана Ермаков, в частности, обосновывает интерпретацией знаменитой сцены,

когда Дона Анна спрашивает Дон Гуана: “И как давно вы любите меня?”, и он отвечает: “Давно или недавно, сам не знаю”. Ермаков пишет:

Счастье Дон Гуан постиг лишь с той поры, когда полюбил Анну, но он не знает, давно или недавно; он не знает, с какими процессами в его душе связана эта любовь, так как корни в ее бессознательном протянулись до детских его воспоминаний.

Мы так подробно остановились на первой книге трилогии Ермакова, так как именно книга о Пушкине демонстрирует тот баланс литературоведения и поэтики, который столь характерен именно для этого исследователя. Естественно, что исследование творчества психически больных Гоголя и Достоевского потребовало большего вовлечения психоаналитического аппарата.

И тем не менее и здесь Ермакову удается решить не только психоаналитические, но и литературоведческие загадки. Кажется, никто не задумывался над тем, почему Иван Иванович так неадекватно обиделся на прозвище “гусак”, данное ему Иваном Никифоровичем. Ермаков дает следующую интерпретацию: “Гусак унизительное название для хорохорящегося, любострастного животного, ничтожного в своем инстинкте”. Учитывая же факт постоянной сексуальной озабоченности Ивана Ивановича, в частности, то, что он просит у Ивана Никифоровича ружье — фаллический символ, а в ответ получает гусака, действительно понятно, что “гусак” — страшное оскорбление.

В анализе повести “Записки сумасшедшего” поражает точность и адекватность, с которой Ермаков характеризует течение заболевания Поприщина, динамику его постепенной регрессии: вначале бред величия — идентификация с символическим Отцом (королем испанским), затем психоз с амбивалентной тематикой величия и преследования, как это обычно и бывает при шизофрении, и наконец регрессия в инфантильное состояние (“Матушка, пожалей свое бедное дитяtko”).

В анализе характера Достоевского хотелось бы отметить то, что Ермаков называет амбивалентностью, переданную автором своим героям. Ермаков весьма точно показывает это на примере Лизы Хохлаковой из “Братьев Карамазовых”, которая в своей фантазии представляет, как мальчик мучается на кресте, а она кушает ананасный компот. Психоанализ называет это садо-мазохистским комплексом. На языке клинической психопатологии, ведущей начало от Кречмера, такой характер называется мозаичным. Он формируется вследствие эпилепсии или глубокой эндогенной депрессии — единый характер как бы разламывается на два или более характерологических радикалов. (Учение о мозаичном характере было разработано в 1980-е годы.)

Важной составляющей частью современного российского научного контекста, в который попадает нынешнее издание работ Ермакова, оказываются сочинения В. Н. Топорова о роли психофизиологических комплексов в творческом процессе, его же идеи о так называемом “резонантном” пространстве культуры и особенно книга “Странный

Тургенев” [9]. В последней работе, написанной уже, разумеется, с учетом достижений Юнга и Тиллиха, продемонстрирован современный уровень комплексных исследований единства психики художника (включая фобии и реальные болезни) и его художественного мира. Именно на этих примерах было бы интересно сопоставить во многом интуитивные построения Ермакова с достижениями современной русской филологии.

Столь же полезно было бы сопоставить структуру рассуждений Ермакова о соотношении личной жизни анализируемых им писателей и психологии их творчества с современным Ермакову подходом к этому вопросу, принятом в Институте мозга в 1920-1930-е годы. Сотрудники этого института искали “место” гениальности в мозгу великих людей, сопоставляя анатомический анализ реального мозга с собранными по специальной анкете сведениями о жизни своих героев у их ближайшего окружения. Такого рода материалы также появились в последние годы (7, 8).

Что же касается собственно места И. Д. Ермакова в истории науки, заметим: его работы находятся исторически там же, где и грандиозные нереализованные проекты Н. Я. Марра или Ю. Н. Тынянова. Как безбрежная типология Марра, так и эволюционная история русской литературы Тынянова либо вели в дурную бесконечность, либо остались на уровне интуитивных прозрений из-за неразработанности структурных методов как в лингвистике, так и в историко-литературных исследованиях. Несколько десятилетий, прошедших после времени активной научной деятельности названных ученых ушли в науку на создание соответствующего инструментария.

И нет ничего удивительного в том, что так называемый кризис структурализма привел к возвращению психологических методов в казавшиеся точными разделы гуманитарных наук. Логика научного поиска вновь вывела на первый план проблему возврата к единству знания о художественном творчестве, которое было утрачено в процессе активного развития классического структурализма. Все это и привело к тому, что книги, осмеянные в первой половине века, неожиданно стали актуальны сегодня, вызывая далеко не смех, но наоборот, заставляя предполагать слишком большие предвосхищения и догадки у не претендовавшего на них автора.

Поэтому последнее, что хочется сказать, это то, что лишь постановка работ Ермакова в свойственный им культурный и научный контекст позволит адекватно представить себе место этого автора в нашем сегодняшнем мире.

Или, говоря словами самого Ермакова: “Теории, изменяясь, проходят, факты остаются. Эти факты, которые мы в силах открыть и осмыслить при помощи нового метода, играют большую роль, представляют, по-видимому, немаловажное значение в формировании как творчества, так, следовательно, и жизни писателя. Потому что тесно примыкают друг к другу творчество и жизнь, и первое говорит о том, что представляет собою вторая”.

Литература

1. **Габричевский А.** Введение в морфологию искусства // Вопросы искусствознания. II (2/97).
2. **Эйзенштейн С.** Пушкин и Гоголь // Киноведческие записки 36/37. Историко-теоретический журнал 1997/98.
3. **Якобсон Р. О.** Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М., 1987.
4. **Гаспаров Б.** Язык. Память. Образ: Лингвистика языкового существования. М., 1996.
5. **Гаспаров Б.** “Ты, Моцарт, недостойн сам себя...”//Временник пушкинской комиссии. Л., 1974.
6. **Смирнов И.** Психодиахронология. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994. С. 30.
7. **Топоров В.** Странный Тургенев (Четыре главы). М., 1998.
8. **Спивак М.** Эдуард Багрицкий: мемуары для служебного пользования, или посмертная диагностика гениальности // Литературное обозрение, 1996, 5-6; 1997, 1.
9. Андрей Белый: Посмертная диагностика гениальности, или Штрихи к портрету творческой личности / Публ. М. Л. Спивак // Минувшее. Исторический альманах. 23. Спб., 1998.

Женственность

Е.В. Белокоскова

Женственность - это идеализированное представление о приличествующей и свойственной женщине совокупности качеств и реальная совокупность их (к которым обычно относят толерантность, мягкость, заботливость, нежность, изящество и т.д.).

В психоанализе Ж. выступает, преимущественно, как совокупность представлений и обобщающее обозначение различных сочетаний характерных признаков женского пола (включая анатомию, внешность, психосексуальное развитие, половую идентичность, половые роли, сексуальные предпочтения, культурно обусловленное социальное и сексуальное поведение и пр.), отличающиеся от мужественности.

В классическом психоанализе Ж. объясняется преимущественно через доэдипово и эдипово развитие, процессы идентификации, интернализации и научения.

В специальной статье «Женственность» З.Фрейд выделил и обрисовал три линии женского развития: психоневроз, нормальная женственность и гомосексуальность.

В 1905 г. З.Фрейд описал стадии психосексуального развития и развил идеи о психологическом объяснении различных половых характеристик. Он утверждал, что «анатомия это судьба» и рассматривал мироощущение девочки, как уже кастрированного (по сравнению с мальчиком) существа. Зависть к пенису, по З.Фрейду, неизбежно сопутствует и структурирует все последующее развитие девочки. Манипуляции с клитором рассматривались им как аналог мужской мастурбации. При этом считалось, что в норме эти манипуляции должны сместиться на вагину. Девочка фантазийно желает обладать пенисом и это желание постепенно трансформируется в желание иметь ребенка от отца, а, позднее, в желание иметь собственного ребенка – мальчика.

В такой парадигме женственность - это покалеченная мужественность. Фрейд утверждал, что существует две трудности в развитии девочки – смена органа возбуждения с клитора на вагину и двойная смена объекта. Зависть к пенису и комплекс кастрации долгое время считались психоаналитиками основными фактами женского развития. При этом женщина рассматривалась, изучалась и интерпретировалась аналитиками посредством терминов мужского тела, поскольку считалось, что именно такой способ осознания себя (через сравнение с мальчиком) составляет психический конфликт девочки на фаллической стадии. То же, чем она на самом деле является – вторично, производно от этого конфликта. В старой психоаналитической схеме женского развития мужественность первична. Фрейд полагал, что по мере развития женщина должна отказаться от мужских тенденций и преодолеть их. В общем развитие женщины в старой традиции

представлялось как дилемма: или женственность или мужественность. В этой ранней психоаналитической теории отразились стереотипы XIX - начала XX века: маскулинность, агрессия, садизм – активны; феминность, покорность, мазохизм - пассивны.

Фаллоцентрические ориентации классического психоанализа и уравнивание Фрейдом пассивного и феминного, активного и маскулинного как двух полюсов полярности широко критиковалось женщинами-аналитиками (Л.Андреас-Саломе, К.Хорни, М.Кляйн и др.). При этом они указывали на различие пассивности, отзывчивости и восприимчивости, а также на неравнозначность активного и маскулинного.

В целом психоаналитическая модель рассматривает младенца как бисексуальное существо. Правилам мужского и женского поведения он обучается постепенно. Ядерная половая идентичность, т.е. ощущение принадлежности к женскому или мужскому полу, определяется не биологической природой, а тем, как воспитывается ребенок до 2-4 лет - как девочка или как мальчик. Выбор пола в определенной мере зависит от процессов идентификации. Положительное разрешение Эдипова комплекса обычно приводит к тому, что все либидинозные влечения собираются под первенство гениталий и влечет идентификацию ребенка с родителем одного с ним пола.

Более поздние психоаналитические теории, касающиеся «первенства гениталий», определяемого как способность к коитусу и оргазму, не считают его эквивалентом сексуальной зрелости или критерием относительно продвинутого психосексуального развития.

М.Балинт выделил особую форму генитальной идентификации в которой осуществляется согласование гетеросексуальной и гомосексуальной идентификаций, берущих начало в доэдиповых и эдиповых отношениях.

К.Хорни утверждала, что девочка изначально обладает знанием об особой ценности ее гениталий и их будущей репродуктивной функции. В случае фригидности инцестуозные желания могут быть отнесены к вагине, что подтверждается распространенностью страха вагинальной травмы, который позднее превращается в фантазию о кастрации.

Социальная активность женщин в XX веке все более противоречила традиционным шаблонам женственности. Стандартные женские роли – жены и матери, претерпели существенные изменения.

Основоположник социального направления в психоанализе А. Адлер связывал неравенство полов с неравенством социальных ролей, различием культурных требований к мужскому и женскому поведению. Считается, что феминизм развивался в значительной части под воздействием психоанализа как форма сопротивления мазохизму в женщинах.

Само понятие Ж. и его содержание долгое время было и продолжает оставаться заказом от мужской культуры. Для существования мужского мифа нужны фантазийные женские фигуры. Мужская субкультура имеет защитный, компенсаторно - фобийный характер. То, что матери не «инвестируют» женские гениталии дочерей, является реакцией на культурное

давление в этой сфере и принятый в обществе запрет в отношении женских гениталий, происходящий от мужской кастрационной тревоги.

Начиная с 70-х годов XX века стало невозможно утверждать, что женственность достигается только путем преодоления маскулинных черт.

Современные психоаналитики утверждают, что женщина может иметь стабильную половую идентичность, сочетающую в себе две линии полового развития. При этом мужская линия может быть частью и даже усиливать женскую линию. Понятие «женственность» в современном психоанализе объединяет в себе такие понятия как: полоролевая идентичность, врожденные биологические особенности, ранние объектные отношения, аспекты селф и типы тревоги, специфические психологические установки и способы межличностного поведения, доминирующий выбор объекта и степень сексуального желания.

При этом большинство авторов отмечает, что понятие Ж. связано с культурными ценностями.

Наиболее значительное изменение в психоаналитической литературе между старым взглядом на женское развитие и новым состоит в признании того факта, что девочка психосексуально развивается прежде всего в определении границ и возможностей своего собственного тела. Эти идеи впервые были высказаны К. Хорни в 20-е годы и гораздо позднее, в 70-е годы, приняты аналитиками.

Термин «первичная женственность» (primary femininity) впервые употребил Столлером в 1968 году. Он утверждал, что первичная женственность присуща не только девочкам, но и мальчикам в начале их развития. Тем не менее, сравнение своего тела с телом мальчика остается важнейшей составляющей новой системы, хотя и как реактивное образование к базисному женскому образу тела. Мужская составляющая является защитной фантазией попыткой решить проблемы развития. Современные психоаналитики считают, что у женщин выше способность эмоционально верить себя объектным отношениям. Она связана с тем, что у девочек происходит поворот от матери к отцу, который дистанцированно подтверждает ее женственность и девочка способна переключать свои потребности на объект физически менее доступный, чем мать. В тоже время из-за первоначального слияния с матерью чувство женственности больше укрепляется в женщинах, чем чувство мужественности у мужчин

Женщины, сдерживаемые в осознании своих гениталий, медленнее интегрируют полные генитальные отношения в контекст любовных отношений. Недостаточная стимуляция генитального эротизма дочери, которая связана с кастрационными запретами культуры подавляет психосексуальное развитие девочек. Путь женского сексуального развития требует большей отваги по сравнению с путем мальчиков, чьи мужские гениталии стимулируются по разным причинам обоими родителями. С этим связана распространенность различных мазохистических паттернов поведения у женщин (постоянная привязанность к мужчинам, не удовлетворяющим их и невозможность получить удовольствие или

поддерживать отношения с мужчиной, который потенциально мог бы удовлетворить их).

Гомосексуальные влечения вносят вклад в развитие женщины – девочка оставляет желание обладать женщиной, ради того, чтобы быть ею. Источником женской гомосексуальности является бессознательное желание обладать творческой силой матери и потенцией отцовского пениса. Эти влечения обогащают образ «Я».

Через влечение к материнскому телу женщина учится ценить свое тело и свои половые органы. Отказ от глубинного желания быть человеком другого пола приводит к усилению удовольствия в любовной жизни женщины.

В общем, определенная интеграция мужских и женских элементов считается и является необходимым элементом современного представления о женственности.

Судьба и учение Вильгельма Райха (Предисловие к книге В.Райха «Страсть юности»)

П.С.Гуревич

Вильгельм Райх(1897-1957) стал первым учеником Фрейда, который начал развивать возможности радикальной социальной критики, заложенной в классическом психоанализе.

Фактически Райх основал левый социальный фрейдизм, стал провозвестником сексуальной революции, разработал телесно-ориентированный психоанализ и изобрел фантастическую жизненную энергию «оргон». Хотя Фрейд отвергал многие положения райхианского учения, а Фредерик Перлз называл его жертвой беспорядочного мышления и семантических ошибок, влияние Райха на развитие психоанализа не подлежит сомнению. Его теория чрезвычайно ценна и разностороння, он примечателен оригинальностью идей. Именно поэтому он оказал воздействие на К. Хорни, Э. Фромма, Г. Маркузе, А. Фрейда, Т. Адорно, Э. Эриксона и других представителей психоанализа.

Психоаналитик обычно имеет дело с биографиями своих пациентов. Разумеется, терапевта интересуют не паспортные подробности. Он ищет в «линии жизни» людей ключевые моменты, которые наложили отпечаток на их судьбы, на их внутренний мир. Но вот перед нами попытка психолога описать собственную юность, воссоздать историю своей жизни. Известно, что Райх начал вести дневники еще студентом и вот перед нами документ, который, с одной стороны, нельзя назвать протокольным воспроизведением биографии, с другой — он не похож на исповеди Августина Блаженного или Руссо. Описывая свою жизнь, Райх оценивает ее определенный период как «страсть юности». Рассказывая о себе, он остается прежде всего аналитиком, вдумчивым интерпретатором собственных поступков в тех или иных обстоятельствах, своих переживаний, мыслей, своих оценок окружающих...

Жизнь Райха богата событиями, которые не могут оставить равнодушными. В известном смысле перед нами драма человеческого существования. Не рыцарь, не герой, не путешественник, а обычный человек, если взглянуть на его биографию глазами аналитика, оказывается загадочным, авантюрным, трагическим персонажем; в то же время судьба — это почва для учения, для драмы идей, для становления напряженной и взыскательной мысли.

Все факты своей биографии до 1922 г. Райх сам подробно изложил в этой книге, поэтому я сначала коротко упомяну о важнейших событиях этого этапа его жизни, оказавших влияние на формирование его личности, а следовательно, и на его судьбу и как человека, и как ученого. Затем, рассказав о фактах внешней стороны его жизненного пути, немного подробнее остановлюсь на его научной биографии, его попытках воплотить в

жизнь свои идеи, его вкладе в современный психоанализ, посмертной судьбе его учения.

Вильгельм Райх родился в австрийской Галиции в семье богатого фермера и до 1915 г. (когда он пошел в австрийскую армию) жил в деревне. Близость к природе, деревенская жизнь, по-видимому, стали для будущего аналитика тем импульсом, который обусловил крайний «натурализм», присущий в целом его мышлению. Учение Райха одухотворено верой в неиспорченность человеческой природы в духе идей Просвещения и проникнуто враждой к современной цивилизации.

Биографы характеризуют отца Райха как весьма деспотичного и властного человека, обладавшего вспыльчивым и раздражительным характером, в этом смысле он был полной противоположностью матери, мягкой, доброй и совершенно безответной. Она была красивой женщиной и хорошей хозяйкой. Однако бабушка Раича называла ее «немой» за покорность судьбе и готовность нести свой жертвенный крест. Несомненно, отец Райха любил свою жену, но частенько мучился ревностью и часто тем самым отравлял жизнь молодой женщины. Итак, в соответствии с психоаналитической традицией атмосферу, в которой рос мальчик, можно назвать авторитарной. Райх испытывал к отцу двойственные чувства. Он даже считал, то, возможно, не является родным сыном этого человека.

Из книги ясно, что Вильгельм был очень привязан к матери. Мальчик боготворил свою мать, идеализировал ее. Однако ему были знакомы муки ревности не только к отцу. То же чувство он испытывал и к младшему брату Роберту. Они с братом были совершенно разными. Вильгельм, судя по всему, старался походить на отца. Его манила властность, решительность. Став аналитиком, Райх часто сталкивался с такими чертами у пациентов. Он называл такое внутреннее побуждение идентификацией с фрустрирующей личностью. Что касается Роберта, то он старался походить на мать. Вильгельм страдал от того, что, как ему казалось, младший брат более преуспел в попытках снискать материнскую любовь. Биографы приводят любопытную деталь. Вильгельм, зная о том, что в семье появится еще один ребенок, надеялся, что это будет девочка. Узнав же, что родился еще один сын, он продемонстрировал полное равнодушие, попросив родителей унести новорожденного, к которому отнюдь не воспылал нежностью.

Но рождение брата заставило Вильгельма вступить в невольное соперничество, которое прослеживается на протяжении всей его жизни.

Райх получил домашнее образование, занимался с репетиторами. Когда Вильгельм стал подростком, в его жизни произошло событие, наложившее неизгладимый отпечаток на всю его жизнь.

Версия, которая изложена в книге Вильгельма Райха, основана также на свидетельстве его личного биографа. Истинная подоплека события никогда не обсуждалась в семье. Однако можно полагать, что в 14-летнем возрасте Вильгельм застал мать в объятиях одного из репетиторов. Эта сцена потрясла мальчика. Он рассказал об увиденном отцу. Данное событие послужило причиной последующей трагедии. Мать совершила акт

самоубийства. Потеряв мать, подросток, несомненно, испытывал муки раскаяния. Это из-за его поступка жизнь семьи пошла под откос. Отец не смог пережить утраты. Он тоже покушался на свою жизнь. Но судьба распорядилась иначе. Отец простудился, схватил воспаление легких. Затем заболел туберкулезом и умер спустя три года после гибели жены. Надо ли доказывать, как вся эта кошмарная ситуация отразилась на психике подростка.

Показательно, что Райх много раз принимался за индивидуальный психоанализ, однако так и не смог завершить такую работу. Страдающая часть его личности оказалась не в силах заново пережить события ранней юности.

После смерти отца Вильгельм стал фактическим хозяином фермы. Вместе с тем он продолжал учиться. В 1916 г. Райх поступил на службу в австрийскую армию, стал офицером, воевал в Италии. В 1918 г., вернувшись с войны, он поступил на юридический факультет Венского университета, однако быстро разочаровался в этой дисциплине и перевелся на медицинский факультет. Как ветеран войны, он воспользовался правом закончить университет экстерном. В 1922 г. Райх получил медицинскую степень. Затем он два года учился на психиатра. Судьба не благоволила к нему. Пасторальное детство ушло в прошлое. Ферма оказалась разрушенной. Война унесла все сбережения.

Будучи студентом первого курса, Райх посетил лекцию по психоанализу. Это определило его судьбу. С 1918 г. он начинает психоаналитическую практику и становится членом Венского психоаналитического общества.

В университете Райх знакомится с Анни Пинк — сначала его пациенткой, а впоследствии женой. Здесь же он начинает увлекаться политикой и марксистской теорией. Семейный союз с Анни Пинк продолжался с 1921 по 1933 г. Это время можно назвать психоаналитическим периодом жизни В.Райха.

В 1922 г. Райх становится первым клиническим ассистентом Фрейда в Венской психоаналитической клинике. Фрейд высоко оценивал своего сотрудника и как практикующего врача, и как будущего теоретика.

С 1928 г. Райх занимал должность вице-директора Венской психоаналитической клиники. Это было первое чисто аналитическое учебное заведение. Многие проходили здесь индивидуальный психоанализ у Райха. Вильгельм тоже пытался работать с разными аналитиками по своим собственным проблемам. Но встречи оказывались недолгими, а Фрейд отказался в 1927 г. вести его как пациента. Правда, Фрейд уже имел отрицательный опыт работы с Адлером и Юнгом. Поэтому он не стал делать исключения для Вильгельма. К сожалению, Райх воспринял этот поступок Фрейда с обидой. С этого времени стали нарастать теоретические разногласия. Фрейд негативно относился к марксистским увлечениям Райха. Его также шокировало убеждение Вильгельма в том, что именно отсутствие сексуального удовлетворения служит источником неврозов. Так между

Фрейдом и Райхом возник конфликт. Однако Райх по-прежнему выполнял свои обязанности в клинике. Одновременно он вступил в коммунистическую партию Германии.

В 1930 г. Райх оставляет должность вице-директора клиники в связи с переездом в Берлин, решив стать пациентом известного психоаналитика Шандора Радо. Однако истинная причина переезда была иная. Венское психоаналитическое общество негативно относилось к активной политической деятельности своего члена (в чем заключалась эта деятельность, мы расскажем далее).

В 1933 г. фашисты пришли к власти в Германии. События требовали более резкого самоопределения. Компартия не разделяла сексуальный радикализм Райха. Разладились и его отношения с Международной психоаналитической ассоциацией. Райх оказался в изоляции и одиночестве. Он был вынужден вести полемику на нескольких фронтах. В том же году Райх эмигрировал в Данию. После развода с первой женой Райх вступает в брак с Эльзой Линденберг, балериной, которая исповедовала коммунистические убеждения. Болезненно реагируя на шквал критики, Райх вместе с женой переезжает в Швецию. В следующем году семья оказывается в Осло (Норвегия). Там Райх проживет пять лет. Но найти успокоения ему не удастся. В 1939 г. поднялась кампания против Райха — его экстравагантных опытов с биоэнергетикой в норвежской печати, отовсюду слышатся угрозы. В конечном счете произошел разрыв в семье — брак с Эльзой распался, и в том же году он эмигрировал в Америку, в чем ему оказал содействие знаменитый этнолог Б. Малиновский, бывший его большим поклонником.

Переехав в Америку Райх встретился с Ильзой Оллендорф, которая стала его третьей женой. В Нью-Йорке ему предложили пост адъюнкт-профессора медицинской психологии Новой школы социальных исследований. Врачебная практика в Америке оказалась настолько успешной, что уже в 1934 г. он покупает участок в 200 акров в лесах штата Мэн. Здесь он вновь собирает свою лабораторию и вскоре организует частный исследовательский Институт Оргона, который возглавляет до самой своей кончины.

В декабре 1921 г. Райх сделал первый доклад в Венском психоаналитическом обществе. Доклад был посвящен психоаналитическому истолкованию истерических симптомов. С этого времени он регулярно выступает с докладами, публикуется в «Международном журнале психоанализа». Райх принадлежал к новому поколению психоаналитиков. Он не учился непосредственно у самого Фрейда. Райх застал психоанализ уже достаточно сформировавшимся в качестве теории и социального института. Однако в русло нового учения Райх, естественно, вошел через сотрудничество с Фрейдом.

До 1930 г. Райх был директором Технического семинара по психоаналитической терапии в Вене. Этот семинар фактически служил психоаналитикам институтом для обучения практическим навыкам. Идея создать такой центр принадлежала Райху. Сначала он получил одобрение

Фрейда, а затем проверил эффективность этого замысла, сотрудничая с американскими психоаналитиками, приехавшими в Вену. Технический семинар не только вел обучение. Здесь шла и исследовательская работа. Так, Райх считал необходимым сосредоточить теоретические усилия на разработке феномена сопротивления. В декабре 1926 г. он выступил на Техническом семинаре с очередным докладом по этой проблеме. Вот что вспоминал сам Райх позже: « В качестве узловой проблемы я выделил вопрос «Следует ли интерпретировать инцестные стремления пациента при наличии негативного латентного отношения с его стороны, или нужно ждать до тех пор, пока недоверие пациента не исчезнет?». Фрейд прервал меня: "А почему бы нам не интерпретировать материал в том порядке, в котором он появляется? Конечно, нужно анализировать и интерпретировать инцестные фантазии (сны), как только они появляются». Этого я не ожидал. Я продолжал аргументировать свою точку зрения, но вся идея была целиком чужда Фрейду. Он не понимал, почему нужно анализировать сопротивление вместо самого материала. В частных беседах о способах лечения он, кажется, думал по-другому. Атмосфера встречи была неприятной. Мои оппоненты на семинаре злобно смотрели в мою сторону или жалели меня. Я оставался спокоен».

Основные идеи Райха, как видно, сложились в ходе критической работы семинара. Он нередко уточнял собственные взгляды, но не отказывался от главного тезиса. По его мнению, именно сексуальность оказывается тем центром, вокруг которого развивается вся общественная жизнь, в той же мере, как и внутренняя жизнь индивида. В 1927 г. Райх развил эти взгляды в целостную систему. В книге «Открытие оргона» Райх опирается на основные положения Фрейда. Стремясь объяснить возникновение неврозов, Райх обращается к сексуальной сфере. Но Фрейд и раньше подчеркивал, что ни один невроз не развивается без сексуального конфликта. Сексуальность Фрейд толковал широко, основное внимание уделял при этом ранним инстинктивным компонентам влечений.

В 90-х годах Фрейд разделил все неврозы на две группы: психоневрозы, источником которых служат подавленные влечения и травмы раннего возраста, и актуальные неврозы. Впоследствии теория Фрейда строилась на концепции инфантильных неврозов. В этом пункте Райх расходится с учителем. Он переносит центр тяжести в клинической работе с прошлого пациента на его настоящее, воскрешает понятие актуального невроза и в связи с этим вновь переносит внимание с инфантильных компонентов сексуальности на сексуальность в ее обычном понимании. Иначе говоря, речь идет о взрослой чувственности. Это также ведет к попытке заменить качественные психические показатели количественными.

В ранних своих работах Фрейд еще исходил из механического представления о психической энергии, или либидо, считая, что она подобно другим видам энергии может измеряться, перемешаться, блокироваться. Однако позднее все яснее обнаруживается условный, метафорический характер подобных представлений. Райх по сути дела восстанавливает эти

ранние взгляды Фрейда, которые уже тогда многие оценивали как обветшавшие пережитки позитивизма и механицизма XIX в.

Райх же, принимая эти взгляды Фрейда, с прямолинейной решительностью создает так называемую сексуальную экономию, которая, по его мнению, могла бы синтезировать Маркса и Фрейда. Один из исследователей Райха, американский ученый П. Робинсон, комментируя этот замысел, иронично подчеркивает, что в своей теории Райх скорее добился своеобразной амальгамы Фрейда и Адама Смита. В конечном счете сексуальная энергия у Райха принимает форму конкретного космического вещества — оргона. Здесь сказались издержки увлечения марксистской фразеологией. Райх подчеркивает, что блокированная сексуальная энергия образует базис невроза, а его психологическое содержание, — фантазии, подпитывающие неврозы. — его надстройку.

Человек, таким образом, рассматривается Райхом как энергетическая система, а либидозный процесс — как ее центральный регулирующий механизм. Не находящее разрядки либидо неизбежно направляется (сублимируется) в другие каналы, приводя к возникновению телесных или психических симптомов. Райх полагает, что современная социальная терапия призвана обеспечить нормальное протекание либидозной энергии. Такой ход мысли оказался совершенно противоположным общему движению психоаналитических представлений, если иметь в виду тенденцию к спиритуализации психической энергии и ограничению роли сексуальности, которое сложилось в психоанализе уже с начала 30-х годов, особенно у неофрейдистов и эго-психологов.

Теперь немного поговорим об отношении Райха к центральному понятию Фрейда «бессознательное». Отношение самого Фрейда к бессознательному было, как известно, достаточно двойственным и окрашивалось недоверием, но Райх видит в спонтанных обнаружениях влечений первичную здоровую основу. Если же выявляются опасные иррациональные импульсы, то их можно рассматривать, считает Райх, лишь как вторичное искажение основной здоровой реальности. Можно, таким образом, продолжает он, представить трехчленную модель личности. На самом глубинном уровне — здоровая и гармоничная естественная социабельность и сексуальность. Если эти влечения подавлены, как это и происходит в европейской цивилизации, где отношение к сексуальности негативное, то над ними возникает второй слой собствен но фрейдовского бессознательного. Это слой агрессивных и извращенных влечений. Этот слой в свою очередь перекрывается характерологической структурой — искусственной защитной броней личности. Здесь характер как будто бы получает функциональное оправдание перед лицом извращенных инстинктов. Однако для Райха характер в конечном счете сам представляет собой патологическое образование, и тем более опасное, что сознание не воспринимает его как болезнь.

«Невротический характер» Райха — это вид защитной брони, внешнего панциря, который уберегает индивида от ударов извне, но в то же время

ограничивает его жизненные проявления. Здоровый (или генитальный) характер в этой системе рассуждений оказывается, по существу, «антихарактером». Ведь наша психика включает в себя зону спонтанности, которая ограничивает действия характера. Генитальная структура оказывается прозрачной, беспрепятственно пропускающей сквозь себя либидозные и другие влечения.

Для лечебных целей Райх разработал технику характерологического анализа. Если в свое время Фрейд показал смысл таких аспектов поведения, как ошибочные действия, остроты, сновидения, то Райх дополнил их целым рядом новых свидетельств. Пациент Райха может в крайнем случае даже ничего не говорить. Его «характерологические защиты» могут быть раскрыты уже по манере появления, выражения, позам, манере держаться и смотреть на аналитика, по интонациям голоса и др. Эффективность этой методики, очень высокая у самого Райха, однако заметно снизилась у его последователей, поскольку терапия по-прежнему в большой мере оставалась искусством.

Райх — сторонник активной психотерапии и максимально возможного использования аффективных связей между врачом и пациентом. Так, в некоторых случаях врач, по мнению Райха, должен вести себя почти агрессивно. Разрешается провоцировать у пациента эмоциональные взрывы, которые могут закончиться даже его нападением на аналитика. В предложенной Райхом модели личности фрейдовские инстанции Я и Оно, похоже, поменялись местами. Здесь проявилось различное истолкование Фрейдом и Райхом человеческой природы. Открыв бессознательное, Фрейд уделил ему, и это естественно, основное внимание. Лишь после выхода в свет работы Фрейда «Я и Оно» понятие сознательного Я наконец утвердилось в психоаналитической теории в качестве важной инстанции личности. Но Фрейд все-таки до конца своих дней ставил акцент на Оно с его врожденными влечениями. Что же касается Райха, то в центре его внимания находилось, по существу, дофрейдовское сознательное Я, вынужденное защищать себя с помощью характера от враждебной среды и Оно. Райх не отвергал реальное присутствие бессознательного со всеми его пороками, но рассматривал его как искажение более глубокой, абсолютно здоровой реальности. Именно такую модель личности Райх использовал для анализа социальных и политических феноменов.

С самого начала Райх стремился к широкому воплощению в жизнь своих идей. Будучи членом австрийской социал-демократической партии, он выдвинул идею создания в рамках партии сети «сексуальных клиник», где бы широкие массы могли не только получить личные советы, но у них бы появлялось сознание необходимости сексуальных реформ, что должно было послужить важной предпосылкой социальной революции.

Райх активно участвовал в создании первых клиник сексуальной гигиены для рабочих. Он считал, что эти центры помогут массам сексуально раскрепоститься, и в то же время увлекался возможностями просвещения в области контроля над рождаемостью, полового воспитания, профилактики

заболеваний и др. В 1927—1930 гг. в Вене было открыто шесть таких клиник, в том числе и на личные средства Райха. В своих мемуарах Райх рассказывает, что эти клиники буквально осаждались тысячами МУЖчин и женщин. Дело кончилось тем, что руководство партии социал-демократов усмотрело в существовании этих клиник опасность, способную отвлечь массы от политической борьбы, и в 1930 г. они были закрыты. Райх, ставший к этому времени членом партии коммунистов и перебравшийся в Берлин, и здесь принялся создавать свои клиники. (Отметим в скобках интересный факт: на новом месте, в Берлине, он оказался членом той же партийной ячейки, что и Артур Кестлер.)

Параллельно с активной практической работой Райх стремился и теоретически оправдать союз социализма и психотерапии. Этой теме посвящено шесть его книг, вышедших в 1929—1935 гг. В 1929 г. появляется его брошюра «Диалектический материализм и психоанализ». В ней Райх пытается убедить марксистов прежде всего в том, что психоанализ вовсе не есть «диверсионный идеологический маневр разлагающейся буржуазии», а напротив, разделяете марксизмом ряд существенных предпосылок. Подобно Марксу, пишет Райх, Фрейд исходил из реальных человеческих потребностей, таких, как любовь и голод, прослеживал их судьбу во враждебной человеку среде. Психоанализ, пытался доказать Райх, — стихийно-диалектическое учение. Основным понятием Фрейда оказывается понятие психического конфликта. И Маркс, и Фрейд подчеркивали в первую очередь антагонизмы, существующие между отдельными компонентами общества или компонентами психики. Если марксизм представляет собой критику капиталистической системы хозяйства, то психоанализ — критику буржуазной морали. Буржуазное общество, конечно, сделало все, чтобы свести на нет значение психоанализа, а когда это не удалось — нейтрализовать его критику. Профессия психоаналитика стала доходным бизнесом, а обсуждение своих «комплексов» — модной темой для салонных разговоров: после выхода книги Фрейда «Я и Оно» психоаналитики начали утверждать, что не вес сводится к сексу. По мнению американского ученого Робинсона, Райх сравнивал перерождение теории психоанализа с перерождением марксизма в буржуазном обществе.

В свое время, продолжал Райх, Маркс сам признавал наличие разрыва между экономическим базисом и его надстройкой, в результате чего отдельные социальные группы могут действовать вопреки своим реальным интересам (например, французские крестьяне в 1789 и 1848 г.) Подобную автономность идеологии можно объяснить, если обратиться к психологическому анализу, которого при жизни Маркса еще не было. Дело в том, что идеологии не просто отражают экономическое развитие, но внедряются в психику индивида, укореняясь в структуре характера. Сама же структура характера формируется в раннем возрасте, и в ней воплощаются идеологические формы еще более раннего времени.

Не ограничиваясь смелым утверждением, что идеологии укореняются в самой структуре личности, Райх стремится проследить сам ход этого

процесса. Характер формируется в детстве в результате конфликтов и кризисов семейной жизни. Семья, будучи сама ячейкой общества, производной от известных экономических отношений, формирует в процессе воспитания именно тот тип структуры характера, который поддерживает экономический строй общества в целом. Поэтому для понимания того, как экономические реальности преобразуются в политические, моральные или религиозные идеи, следует обратиться к типу семьи, к практике воспитания, присущим той или иной культуре или эпохе. Можно было бы ожидать, что вслед за этим Райх перейдет к историческому анализу типов семьи и семейных отношений в разных обществах. Однако для кропотливой исторической работы, которой не пренебрегали крупнейшие социальные теоретики, ему явно не хватало терпения и интеллектуальной дисциплины.

Единственным опытом применения Райхом своих социальных теории остается его книга «Массовая психология фашизма». Здесь за десять лет до Э.Фромма и за двадцать лет до «Авторитарной личности» Т. Адорно Райх утверждает, что фашизм возник не просто в результате махинаций немецких капиталистов или воздействия на массы присущей Гитлеру харизмы. Его истоки следует искать в психологической структуре немецких масс. При чтении книги Райха трудно избавиться от ощущения, что она послужила основным источником идеи для Эриха Фромма, хотя тот об этом нигде не упоминает. Райх, равно как и Фромм, выводит психологические основы нацизма из амбивалентного отношения к власти, характерного для немецких средних слоев. Мелкий буржуа в одно и то же время влечется к власти и бинтует против нее. Поэтому он особенно легко подчиняется абсолютной диктатуре мятежной организации, занимая позицию фюрера к тем, кто находится ниже. Этот «авторитарный синдром» достиг своего апогея в результате экономического кризиса Веймарской республики, но истоки его далеко — во времена Реформации. По иронии судьбы этот взгляд Райха оказался близок попыткам апологии немецкой элиты у таких консервативных авторов, как Ф. Мейнеке и Г. Рихтер, которые в своем страстном желании реабилитировать немецкие культурные, политические и военные круги возлагают на массы всю ответственность за нацизм.

Характерная черта мелкой буржуазии, пишет Райх, это совпадение семейной и экономической структуры. В семейной ферме или мастерской авторитет отца усиливается его экономической властью. Он может эффективнее контролировать поведение детей, чем отец в пролетарской семье, где дети отрываются от родителей самим процессом производства. Именно жесткое сексуальное подавление подростков в среде среднего класса порождает авторитарную фиксацию, которая послужила питательной почвой для нацизма.

Переходя к обычным для него универсальным обобщениям, Райх затем сводит всю историю к двум основным типам семьи: матриархальной, которой соответствует здоровый генитальный характер, и патриархальной, поддержанной институтом моногамии. Последнюю он называет настоящей фабрикой по выработке авторитарных и консервативных структур. Фашизм

— лишь открытое выражение той болезни, которой человек страдал давно. Вообще, утверждает Райх, переход к патриархату, который связан с концом первобытного коммунизма Маркса, есть самая большая катастрофа в человеческой истории. Правда, связно объяснить ее причины он никогда не мог. Главное зло патриархальной семьи — сексуальное подавление подрастающего поколения, причем не ради морального назидания, как утверждает религия, и не для защиты культуры, как считал Фрейд в книге «Зло цивилизации», но ради единственной цели — поддерживать эксплуататорские режимы.

Поскольку сексуальное подавление в семье служит источником всех других форм угнетения, социальная революция неотделима от сексуального освобождения. Оно не есть простое приложение к политическим свободам. Напротив, сама революция бывает обречена на провал, если только она не сопровождается отменой репрессивной морали. Подтверждение этому Райх находит в русской революции. В начале ее, напоминает он, предпринимались попытки сексуальных реформ, подрывавшие авторитет патриархальной семьи. Однако в целом воспитание оставалось сексуально-негативным. Основная структура характера в широких массах оставалась той же, заявляет Райх, какой была при царизме, в результате чего социалистическая демократия «переродилась» в диктатуру.

Райх также выступает в защиту прав женщин. Его феминизм выражается не менее четко, чем мизогиния Фрейда. Райх резко критикует идеал супружеской верности. Современный компульсивный брак он считает злом, поскольку каждый индивид всегда вправе искать себе нового сексуального партнера. Однако на первый план Райх выдвигает защиту сексуальных прав детей. Ребенок есть для него воплощение естественности и социабельности. Лишь грубое подавление его природы превращает его в невротика, ведет к развитию детской преступности, извращений и политической апатии. Поэтому будущее общество обязано обеспечить легальную защиту ребенка от тирании родителей, гарантировав ему неурезанное право на мастурбацию и сексуальные игры с детьми своего возраста.

Любопытно, что в этой сексуальной утопии весьма четко проступают авторитарные тенденции. В будущем «нерепрессивном» обществе, по мысли Райха, функционирует особая сексуальная администрация¹ во всех учреждениях и организациях обязательно работают квалифицированные сексологи, задача которых наблюдать за правильной сексуальной деятельностью всех членов общества. Сами они подчиняются центральной организации, вырабатывающей общую сексуальную политику («сексополь»). По существу вся эта утопия носит чисто пуританский характер. «Сексуальная революция» (термин Райха) должна положить конец всякой порнографии, извращениям, сквернословию, поскольку исчезнет потребность направлять подавленные сексуальные ИМПУЛЬСЫ в незаконные каналы.

Райху в свое время не удалось убедить европейских левых включить сексуальные реформы в свои программы. В 1932 г. он был исключен из

коммунистической партии Германии. Коммунисты и социал-демократы запретили распространять среди своих членов публикации работ и статей Райха и его сторонников. Вскоре Райх был исключен и из Международной психоаналитической ассоциации. С приходом к власти фашистов Райх, перебравшись в Данию, стремится организовать здесь новое политическое течение. Один из его последователей баллотируется в риксдаг от партии Социалистических сексуальных реформ. Однако вскоре вся эта деятельность закончилась высылкой Райха из страны.

В 1934 г. Райх организует в университете в Осло (куда его пригласили на работу) свою лабораторию и приступает к серии биопсихических экспериментов. Здесь происходит его быстрый отход как от психоанализа, так и от марксизма. И Фрейд, и Маркс, по его словам, одинаково видели в реальности борьбу несовместимых противоречий, будь то противоречия между влечениями или между классами. Между тем эти антагонизмы лишены глубоких основ в человеческой природе, будучи сами порождением политических идеологий.

Очень трудно, отмечает Робинсон, найти подходящую характеристику для работ Райха последнего периода из-за их крайней экстравагантности. Можно было бы сказать, что они несут на себе уже печать даже не утопизма, а просто безумия, однако в них сохраняется последовательная логика, и между ранними работами и книгами последних лет пролегает непрерывная линия развития.

С середины 30-х годов из психоанализа выделяется культурно или социально ориентированный неофрейдизм. Неофрейдисты обвиняли ортодоксов в игнорировании социальных и культурных факторов формирования личности. Ортодоксы с не меньшим успехом обвиняли их в отрицании внутриспсихических и биологических факторов развития. Райх не примкнул ни к одному из этих лагерей, оставаясь загадкой для обоих. Райх раньше, чем Хорни и Фромм, писал о культурных факторах формирования личности, и он же довел учение Фрейда о психической энергии до логического конца, утверждая физическую реальность либидо, что было уже равно неприемлемо для всех. В результате серии весьма необычных опытов в университете Осло он приходит к выводу, что при сексуальном возбуждении биоэлектрический заряд сексуальных органов возрастает, тогда как страх и вообще отрицательные эмоции влекут за собой приливы электрической энергии к мозгу. Эта электрическая теория сексуальности, нарушавшая, правда, все известные законы электричества, стала только переходной ступенью к «открытой» в 1939 г. особой жизненной энергии — оргону.

Орган — райховский вариант жизненной энергии Бергсона или «жизненной силы» Иоганна Кеплера — в отличие от этих метафорических выражений для жизненной силы оказывается чем-то предельно конкретным — особым веществом голубого цвета, его можно наблюдать, например, в синеве неба или голубых отливах красных кровяных телец, а также измерять счетчиком Гейгера. В термине «оргон», «оргоническая энергия» Райх соединил корни слов «организм» и «оргазм». Он считал, что космическая

оргоническая энергия функционирует в живых организмах как специфическая биологическая энергия. В этом своем качестве она управляет всем организмом и выражается в эмоциях так же, как в чисто биофизических движениях органов.

Широкие исследования оргонической энергии и смежных тем, предпринятые Райхом, игнорировались большинством критиков и ученых. Его открытия противоречили многим принятым теориям и аксиомам физики и биологии. Кроме того, его работы местами и экспериментально подтверждены слабо. Вместе с тем полученные им результаты никогда не были опровергнуты или хотя бы тщательно проверены и серьезно рассмотрены кем-то из ученых. Один из психологов, работавших с Райхом, отмечает: «В течение более чем двадцати лет с тех пор, как Райх объявил об открытии оргонической энергии, не было сообщений о достойном доверия повторении ни одного определяющего эксперимента, который бы опроверг результаты Райха... Факт состоит в том, что, несмотря на насмешки, поношения и попытки ортодоксов «похоронить» Райха и оргономику (а частично и благодаря им), ни в одной научной публикации нет опровержения его экспериментов, тем более — систематического опровержения огромной научной работы, подтверждающей его положения».

Оргоническая энергия обладает следующими основными свойствами:

- 1) она свободна от массы, не имеет ни инерции, ни веса;
- 2) она присутствует всюду, хотя и в различной концентрации, даже в вакууме;
- 3) она является средой электромагнитных и гравитационных взаимодействий, субстратом большинства фундаментальных природных феноменов;
- 4) она находится в постоянном движении и может быть наблюдаема в соответствующих условиях;
- 5) высокая концентрация оргонической энергии привлекает оргоническую энергию из менее концентрированного окружения (что «противоречит» закону энтропии);
- 6) оргоническая энергия образует единицы, становящиеся центрами творческой деятельности. Это могут быть клетки, растения и животные, а также облака, планеты, звезды, галактики.

В 50-х годах Райх уже объявил оргон первичной субстанцией и основой всего существующего, причем утверждая, что сама материя возникает в результате сексуального соединения двух потоков оргонной энергии. Никакая фантазия физика не могла бы вообразить подобной теории «единого поля», которая охватывала бы все аспекты реальности — от симптомов шизофрении до движения Млечного пути. Вся история космоса начинает выступать у Райха как титаническая борьба энергий оргона и атома.

Вольнодумец и антиклерикал в начале своей карьеры, Райх испытывает теперь симпатии к религии, которую уже не рассматривает лишь как один из «препаратов опия». Западная наука, пишет Райх, отняла у космоса жизнь,

истолковав его по законам мертвой механики. Только в религии сохранилось осознание мировых жизненных сил в искаженной и мистифицированной форме. Райх даже истолковал христианскую теологию в свете теории оргона. Так, бог представляет собой антропоморфную проекцию, в основе которой лежит осознание человеком океана космического оргона. Христос не что иное, как архетип генитального характера, сохранившего прямую связь с космическими оргонными силами. Сама «оргономика» Райха выступает как теологическая система, в одно и то же время фантастическая и детально разработанная; это и тотальная интерпретация реальности, и универсальная система терапии.

Тогда же он ведет эксперименты с «аккумуляторами оргона» — специальными аппаратами, накапливающими «энергию» и помогающими излечению многих заболеваний. По сути дела, это было повторение известных опытов Франца Антона Месмера (1734-1814). История повторилась. Австрийский писатель Стефан Цвейг писал: «В продолжение целого столетия Франц Антон Месмер, этот Винкельрид современной психотерапии, занимал место на позорной скамье шарлатанов и мошенников, рядом с Калиостро, графом Сен-Жерменом, Джоном Ло и другими авантюристами той эпохи. Напрасно суровый одиночка среди немецких мыслителей протестует против позорного приговора университетской науки — напрасно превозносит Шопенгауэр месмеризм как самое содержательное с философской точки зрения из всех открытий, хотя бы даже оно задавало порою загадок больше, чем разрешало их» (Цвейг С. Врачевание и психика. М., 1992. С. 33).

В 1954 г. Федеральная организация по надзору за пищевыми продуктами и медикаментами возбудила против Райха дело о передаче в аренду непроверенного медицинского аппарата, именуемого «оргонным аккумулятором». Пораженные члены комиссии обнаружили, что этот аппарат представляет собой деревянный ящик, обитый железом изнутри и разделенный на шесть отделений, вроде телефонных будок, куда сажали пациентов для насыщения их оргоном. Никаких признаков оргона обнаружить, однако, не удалось.

На суде Райх держался вызывающе, утверждая, что суд не может компетентно судить о полученных им результатах. Когда выяснилось, что подсудимый — бывший коммунист, дела его стали совсем плохи. Он был приговорен к двум годам лишения свободы за обман и шарлатанство, а также за неуважение к суду. Суд решил также уничтожить все его приборы и книги медицинского содержания. Таким образом, книги Райха уже в третий раз отправлялись на костер.

3 ноября 1957 г. на восьмом месяце заключения Райх скончался от сердечного приступа в федеральной тюрьме Люксембург.

В последние годы жизни, несмотря на внешние успехи, у Райха нарастает чувство тревоги за судьбу своего учения и вместе с тем, видимо, развивается мания преследования. У него растет опасение, что «грязные

умы» используют его авторитет, чтобы поднять еще невиданную волну грязи и порнографии. Спустя восемь лет после его кончины эти опасения сбылись.

Идеологи «новых левых», в частности, битников, вроде Алекса Гинзберга и Уильяма Берроу, подняли его имя на щит после почти полного забвения и, сумев соединить аргументацию Райха и его пафос с проповедью гомосексуализма, всевозможных половых извращений, а затем и потребления наркотиков, объявили его своим прямым идейным предшественником.

Вильгельм Райх: По ту сторону осуждения и поклонения (Предисловие к книге В.Райха «Характероанализ»)

А.В.Россохин

В апреле 1997 года в г. Неаполе (Италия) состоялся международный конгресс, посвященный 100-летию со дня рождения одного из самых ярких и талантливых, но вместе с тем противоречивых исследователей и мыслителей первой половины нашего века — Вильгельма Райха. Этот юбилей Райха почти совпал со 100-летием психоанализа, официальную дату возникновения которого отмечали в 1996 году^[1]. Психоанализ — единственная область науки, где достижения Райха были открыто признаны^[2], но вместе с тем именно на противостояние с ним он направил все свои силы и сделал, по-видимому, все возможное для того, чтобы его вклад в теорию и практику психоанализа был обесценен, вытеснен и во многом перестал идентифицироваться с его именем.

Очень трудно дать достаточно беспристрастное описание жизненного пути Вильгельма Райха и объективный анализ его научных работ. Это непросто, так как, с одной стороны, личность Райха, его теоретические и практические исследования захватывают, увлекают, открывают новые пути, но, с другой стороны, они же вызывают несогласие, недоумение и отрицание, иногда граничащее даже с осуждением.

Такая последовательность эмоций в отношении Райха (от положительных к негативным) со стороны близких ему людей постоянно преследовала его в повседневной и научной жизни. Только одному человеку удалось пройти весь путь с ним от начала и до конца. Неизвестно, каким образом в данном случае сильная положительная привязанность к Райху выдержала все провокации, но скандинавский психоаналитик Ола Ракнес, будучи по возрасту старше Райха, на протяжении более двадцати лет считал себя его учеником, сотрудником и другом. Все остальные ученики и соратники Райха или были отвергнуты самим учителем, или ушли от него, ощущая разочарование, испытывая агрессивные эмоции и даже ненависть. Позднее, когда их чувства успокаивались и время ослабляло негативное восприятие Райха, многие из его прежних учеников и сотрудников вспоминали о нем с глубокой благодарностью и признательностью за то, что, несмотря на свой невыносимый характер, он открыл перед ними новые перспективы психоаналитической терапии, научил их более тщательной и эффективной работе с пациентами.

Знакомясь с биографией Вильгельма Райха, трудно избавиться от ощущения, что в его жизни было очень мало спокойных, счастливых периодов. Иногда даже кажется, что весь мир постоянно обрушивался на него и его работу, и хрупкие островки жизненного благополучия и признания, едва возникнув, вскоре исчезали в бушующем океане враждебного окружения. Однако более глубокое понимание драмы его жизни позволяет увидеть все в ином свете: он сам с упорством обреченного искал

бури, и если не мог ее найти, то создавал своими силами. Скандалы, слухи, сплетни о нем, конфликты с друзьями и властями были постоянными спутниками его жизни. Борясь всю свою жизнь, он стремился победить, одновременно провоцируя поражение.

Детство Вильгельма Райха также не было безоблачным. Он родился 24 марта 1897 года в той части Галиции, которая тогда принадлежала австрийской империи. Вскоре после рождения сына отец Райха купил большую ферму в Буковине, украинской части Австрии, и перевез туда свою семью. Работа на ферме приносила большой доход и сделала его отца богатым человеком. Отец Райха был весьма властным, деспотичным человеком, с крайне вспыльчивым и раздражительным характером. Его мать была красивой женщиной и хорошей домохозяйкой, но находилась в полном подчинении у мужа. Бабушка Райха называла свою дочь «немой» за то, что она не высказывала собственного мнения. Отец Райха был влюблен в жену, однако изводил ее своей ревностью.

Авторитарная атмосфера, в которой рос и воспитывался Райх, по-видимому, оказала на него сильное влияние. Амбивалентное отношение к отцу (любовь и ненависть) в детстве выражалось у Райха в предположении о том, что он в действительности не сын своего отца.

Отношения с матерью у Райха были еще более сложными. Подобно отцу, он боготворил и идеализировал ее, одновременно испытывая сильную ревность, которая была направлена не только на отца, но и на младшего брата Роберта. Братья очень отличались друг от друга. Сам Райх, по-видимому, бессознательно старался быть похожим на отца (позднее, описывая подобное поведение у своих пациентов, он, следуя психоаналитической терминологии, будет называть его идентификацией с фрустрирующей личностью). Роберт же имел более мягкие черты характера, что, возможно, давало ему определенное преимущество перед Райхом в борьбе за любовь матери. С самого начала Райх не хотел рождения брата, а ждал появления сестры. Когда ему сказали, что родился мальчик, он ответил, что это его не интересует, и попросил, чтобы брата унесли обратно. Их соперничество друг с другом проявлялось во всем, и можно предположить, что Райх, будучи не способным превзойти брата в главном (в любви матери), упорно пытался победить его во всем остальном.

Райх получил школьное образование дома, занимаясь с репетиторами, нанятыми его отцом. В возрасте 14 лет он стал участником страшного события, оправиться от которого он так и не смог до конца жизни. Личный биограф В. Райха, его третья жена Ильза Оллендорф пишет, что Райх никогда не говорил на этот счет ничего определенного, но из разговоров с родственниками Райха, его близкими друзьями, без сомнения, следует, что четырнадцатилетний Вильгельм, обнаружив интимную связь матери с одним из своих репетиторов, рассказал об этом отцу^[3]. О том, что произошло дальше, зная характер отца и матери, можно только догадываться. Известен результат — его мать покончила с собой. Отец Райха, очень любивший свою жену, по-видимому, психологически сломался, и от прямого самоубийства

его удерживала только ответственность за двоих сыновей. Однако утрата интереса к жизни и бессознательное желание смерти привели к тому, что в результате многочасового пребывания в холодной воде с удочкой он заболел пневмонией, которая переросла в туберкулез. Он умер через три года после смерти жены, в 1914 году. Кошмар тех лет принес столько страданий Райху, что он так и не смог на протяжении всей последующей жизни встретиться с ним лицом к лицу.

Позднее, в своих психоаналитических исследованиях, он будет много говорить о незавершенных эмоциональных переживаниях и об их участии как в формировании невроза, так и в сопротивлении пациента психоаналитической терапии. Однако, по-видимому, его сознание оказалось не в состоянии преодолеть собственную психологическую защиту (на языке Райха — броню характера), препятствующую встрече со страдающей частью своей личности, хранящей трагические воспоминания. Райх несколько раз начинал личный психоанализ, но никогда не мог его завершить.

После смерти отца Райх взял на себя его обязанности по работе на ферме и продолжал учиться. В 1914 году разразилась первая мировая война, а в 1916 году Вильгельм был призван в армию, где стал офицером. Вернувшись с войны в 1918 году, Райх поступил на юридический факультет Венского университета, но, разочаровавшись к концу первого семестра в сделанном выборе, перевелся на медицинский факультет. Как у ветерана войны, у него было право пройти шесть лет обучения экстерном за четыре года. В 1922 году Райх закончил университет и получил медицинскую степень. В последующие два года он продолжил обучение на психиатра.

Это были трудные годы для Райха и его брата. Их ферма была разрушена. Война уничтожила все сбережения. Все время обучения в университете Райх носил военную форму, так как не мог позволить себе купить костюм. Братья вместе с еще одним студентом снимали небольшую квартиру и часто недоедали.

Во время учебы на первом курсе Райх посетил лекцию по психоанализу. С этого момента начинается отсчет бурного, интенсивного и плодотворного психоаналитического периода его жизни. Присущая ему энергия, живой ум и работоспособность резко выделяли его из студенческой среды. Одна из студенток, учившихся вместе с ним, позднее вспоминала, что он был лидером в студенческих дискуссиях и многие стремились быть его друзьями. Но некоторые не любили Вильгельма, по ее мнению, завидуя его яркой личности. Творческая активность Райха привела к тому, что он, будучи студентом первого курса, был принят в члены Венского психоаналитического общества, несмотря на то, что, по правилам, на это мог рассчитывать только старшекурсник.

В 1921 году Райх победил многих соперников в борьбе за сердце одной из самых красивых студенток университета, Анни Пинк. Их семейный союз продлился с 1921 по 1933 год и по сути совпал с психоаналитическим периодом жизни Райха. (В 1934 году его исключили из Международной психоаналитической ассоциации.) Райх вовлек Анни в психоаналитическое

движение, и впоследствии она стала одним из известных ортодоксальных психоаналитиков^[4].

Первый доклад в Венском психоаналитическом обществе Райх сделал 14 декабря 1921 года. Его выступление было посвящено психоаналитической интерпретации истерических симптомов. Фрейд сравнил тогда доклад Райха с несущимся на большой скорости поездом, пассажиры которого пытаются бежать рядом, чтобы запрыгнуть на него, но не успевают сделать этого. Поразительно, насколько эта первая метафора Фрейда, обращенная к Райху, схватывала и предвосхищала главную жизненную, во многом, видимо, бессознательную и защитную стратегию Райха. Взаимоотношения с близкими для него людьми, как с женами (Райх был трижды женат), так и с друзьями и сотрудниками, всегда подчинялись у него одному-единственному критерию — способности этих людей соответствовать интересам Райха и идти в фарватере его идей. Используя метафору Фрейда с поездом, можно сказать, что люди могли стать близкими для него только тогда, когда у них хватало сил бежать рядом с ним, с его скоростью и в его направлении или, что часто случалось, когда они просто делали вид, что движутся рядом. Если у бегущего рядом с Райхом человека заканчивались силы — он хотел передохнуть или пойти в другую сторону, — то Райх расценивал это как слабость или предательство, и такой человек переставал для него существовать. Этот начальный опыт взаимоотношений воспроизводился у Райха раз за разом с юности и до последних лет его жизни.

С 1921 года Райх регулярно выступал с докладами в Венском психоаналитическом обществе и публиковал статьи в «Международном журнале психоанализа». В 1922 году Фрейд открыл в Вене психоаналитическую клинику, и Райх стал его первым клиническим ассистентом. Фрейд высоко оценивал Райха не только как практикующего врача, но и как подающего большие надежды молодого ученого. В разговоре с Анной Ангель, подругой своей дочери Анны Фрейд, он охарактеризовал Райха как «умнейшую голову в ассоциации»^[5]. С 1928 года Райх занимал должность вице-директора этой клиники, которую оставил в 1930 году в связи с переездом в Берлин.

В течение этого же периода — с 1924 по 1930 год — Райх был директором Технического семинара по психоаналитической терапии, являвшегося тренирующим институтом для психоаналитиков. Идея организации Технического семинара принадлежала В. Райху. Он обсудил ее с Фрейдом и получил его полное одобрение. Многие американские психоаналитики, приезжавшие в Вену, не только проходили обучение у Райха, но, следуя совету Ш. Ференци, видного последователя Фрейда, работавшего с 1926 года в Нью-Йорке, шли к Райху для прохождения своего личного анализа и супервизии (корректирующего консультирования). Аналитики, посещавшие в те годы семинар Райха в Вене, вспоминают об этом обучении как об одном из наиболее провокационных и увлекательных моментов в своем психоаналитическом образовании. Жизненная энергия Райха, быстрота его ума и проницательность захватывали всех. Умение

имитировать характерные для различных психических заболеваний стереотипы поведения, телесные позы и невротические выражения лица помогали Райху добиваться лучшего усвоения студентами нужного материала. Для многих психоаналитиков характероанализ, которому они обучились на этом семинаре, стал неотъемлемой частью их дальнейшей аналитической работы с пациентами^[6].

К функциям Технического семинара, которым руководил Райх, относилось не только обучение, но и проведение научных исследований, разработка методик аналитической терапии. Под влиянием Райха обсуждения на семинаре стали все больше сосредоточиваться на проблемах анализа сопротивления. Это было вызвано реакцией Райха на «интерпретационный фанатизм» (термин Ференци и О. Ранка), которым, с его точки зрения, были охвачены многие практикующие аналитики. По Райху, стремление путем интерпретаций сновидений и ассоциаций пациента восстановить драматические моменты его жизни способно привести в лучшем случае к «психоаналитическому образованию» пациента и к рациональному пониманию им причин своих проблем. Более того, готовность пациента принять интерпретации сама по себе часто свидетельствует о наличии сильного сопротивления встрече с бессознательным содержанием. В одних случаях пациент может свободно ассоциировать или рассказывать свои многочисленные сновидения, поставляя аналитику «богатый» материал для интерпретаций. Пациент может соглашаться с ними, но при этом он ничего не чувствует — эмоциональная составляющая воспоминаний остается вытесненной, и лечебный эффект полностью отсутствует^[7]. В других случаях он «плачется в жилетку» аналитика, выговариваясь и эмоционально разряжаясь, но при этом он остается на поверхностном, безопасном уровне своих переживаний. В обоих случаях аналитик, подверженный интерпретационному фанатизму, может быть доволен — терапия идет интенсивно, материала много, рабочие отношения с пациентом успешно построены. Но это не более чем иллюзия, и, когда спустя значительное время аналитик понимает, что пациент все время движется по кругу, не уходя вглубь, он уже обычно бессилён чем-либо помочь пациенту. Положительный или отрицательный перенос^[8] достигает такой интенсивности, которая мешает его проработке. Эмоциональные переживания захватывают пациента, и у него возникает сильное сопротивление аналитической работе, вплоть до решения прекратить лечение. «Райх и его коллеги по Техническому семинару вырабатывали в себе подозрительность по отношению к лечению, которое шло слишком успешно. Они часто обнаруживали, что изобилие снов, ассоциаций и ясных символов скрывало сильное сопротивление анализу^[9]. Сопротивление психоаналитическому процессу наблюдается как сопротивление переносу, бессознательное противодействие «оживлению прошлого в психоаналитических отношениях» (Sandler, 1973).

В. Райх рекомендовал в начале анализа интерпретировать только сопротивление переносу и не давать глубинных и генетических

интерпретаций, так как последние, какими бы они ни были верными, не имеют никакого смысла до тех пор, пока не осознано поверхностное сопротивление. Вместо оказания помощи пациенту в его воспоминаниях о событиях его детства Райх настаивал на большей активности при анализе сопротивления «здесь-и-теперь». На первых же аналитических сессиях Райх, замечая видимые проявления сопротивления, обращал внимание пациента на связь между сопротивлением и переносом, говоря ему, что тот имеет что-то против него, но не осмеливается об этом сказать. Если интерпретировать материал, относящийся к глубинным уровням бессознательного, до проработки и осознания возникающего сопротивления переносу, то пациент не осознает интерпретации и либо защитным образом принимает ее, делая «подарок» аналитику в надежде получить ответный дар (позитивный перенос), либо отвергает, с детским упрямством мстя и поступая назло (агрессивный перенос). Прежде чем помочь пациенту осознать свои внутренние конфликты, аналитик должен показать ему, как он от них защищается, что он для этого делает, и объяснить, почему эта защита и сопротивление могут быть ослаблены.

Пионерские исследования Райха относительно функции сопротивления и переноса в терапевтических взаимоотношениях «пациент—аналитик» возродились в современном психоанализе в работах Гилла, Клаубе-ра, Кохута, Сандлера, Томэ, Кэхеле и др. Перечисленные психоаналитики сходятся в том, что «с терапевтической точки зрения очень важно распознать сопротивление переносу как можно раньше» и что для успешной работы «аналитик должен исследовать ситуационный аспект сопротивления»^[10]. Этот подход продолжает линию исследований Райха, в соответствии с которой анализ необходимо начинать с тщательного изучения и интерпретации сопротивления и переноса в ситуации «здесь-и-теперь».

Интересно, что в 80-е годы на новом уровне знаний между ведущими современными психоаналитиками возобновился старый спор о феноменах сопротивления в аналитической технике, который в 30-е годы вели между собой А. Фрейд, О. Фенихель, М. Клайн, В. Райх. Для Рэнгелла, последователя Анны Фрейд, аналитическая работа в первую очередь направляется на активизацию воспоминаний, оставляя в стороне аспекты реального взаимодействия аналитика и пациента. Сандлер противопоставляет позиции Рэнгелла новую теорию переноса: «Анализ того, что происходит «здесь-и-теперь» в аналитическом взаимодействии, стал предшествовать по времени интерпретированию реконструкции инфантильного прошлого. Если пациент использовал защиту внутри аналитической ситуации, включающей его и аналитика, — это рассматривалось как перенос и все больше становилось центром внимания аналитика. Вопрос «Что сейчас происходит?» стал задаваться прежде вопроса «Что материал пациента говорит о его прошлом?»^[11]. Такое подчеркивание важности анализа сопротивления переносу в ситуации «здесь-и-теперь», как справедливо отмечают Томэ и Кэхеле, не представляет собой ничего принципиально нового по отношению к теориям Ференци и Райха.

Эти принципы психоаналитической техники, которые кажутся такими естественными сейчас для профессиональных и обучающихся психоаналитиков, в то время представлялись не просто спорными, но в определенной мере крамольными. Провозглашая кроме этого конечной целью психоаналитической терапии достижение пациентом оргастической потенции, то есть обретение способности к полноценному оргазму, Райх еще больше усугублял свое положение в ортодоксальных кругах. Осознавая это, он «в течение нескольких лет вел себя тактично по отношению к своим оппонентам, избегая слишком прямой формы выражения своих идей»^[12].

В декабре 1926 года Райх выступил на Техническом семинаре с очередным докладом, посвященным анализу сопротивления. На этом заседании присутствовал З. Фрейд. Позднее Райх вспоминал: «В качестве узловой проблемы я выделил вопрос «Следует ли интерпретировать инцестные стремления пациента при наличии негативного латентного отношения с его стороны, или нужно ждать до тех пор, пока недоверие пациента не исчезнет?». Фрейд прервал меня: «А почему бы нам не интерпретировать материал в том порядке, в котором он появляется? Конечно, нужно анализировать и интерпретировать инцестные фантазии (сны), как только они появляются». Этого я не ожидал. Я продолжал аргументировать свою точку зрения, но вся идея была целиком чужда Фрейду. Он не понимал, почему нужно анализировать сопротивление вместо самого материала. В частных беседах о способах лечения он, кажется, думал по-другому. Атмосфера встречи была неприятной. Мои оппоненты на семинаре злобно смотрели на меня или жалели меня. Я оставался спокоен»^[13].

Клиническая практика, теоретическая и семинарская работа, которые проводил Райх, проложили дальнейший путь от анализа сопротивления к анализу характера. В отличие от академической психологии, в психоанализе под характером понимается совокупность таких свойств человека (черт характера), которые являются «производными определенных фаз развития либидо и Эго или аналогом симптомов, то есть защитным образом действия» (Ч. Райкрофт). В первом случае различают оральный, анальный, фаллический и генитальный характеры, во втором — различные типы невротического характера (например, истерический, фобический, фаллически-нарциссический, мазохистский и др.). Именно второй аспект психоаналитического понимания характера сформировался отчасти благодаря работам Райха.

По мере изучения различных способов проявления сопротивления и переноса в анализе Райх все больше убеждался, что различные защитные стереотипы не существуют изолированно и независимо друг от друга, а представляют собой единую защитную систему - «броню», «панцирь» характера, — обладающую качественно новыми системными свойствами. Эта «броня» характера, подобно биологической гидре, имеет свойство регенерации. Ослабив какую-либо ее часть (определенное сопротивление), можно получить некоторое временное облегчение и инсайт (эмоциональное

осознание глубинных причин своих проблем), но через некоторое время «броня» залатает брешь в своей «кольчуге». Без осознания этих характерных черт «брони», принципиально не сводимых к функциям отдельных защит, по Райху, очень сложно добиться действительно устойчивого изменения личности.

Райх подробно исследовал, как эта мощная защитная система, «броня» характера, проявляется на всех уровнях человеческого поведения: в речи, жестах, специфических позах, характерных телесных привычках, мимике лица, стереотипах поведения, способах общения с аналитиком и т. п. Он не понимал, почему его коллеги пренебрегают анализом поведения пациентов. Почему в анализ вводится исследование словесных оговорок, помогающих лучше понять бессознательные процессы, но игнорируются «телесные» и «поведенческие» оговорки, во многих случаях более информативные, чем речевые ошибки. Райх первым из психоаналитиков акцентировал внимание на тонких, еле уловимых проявлениях сопротивления. Так как бессознательные защиты активны, они порождают видимые для профессионального взгляда характерные физические, эмоциональные, поведенческие реакции. То, «как» рассказывает пациент об эмоционально тяжелом для него событии, часто гораздо важнее того, «что» он рассказывает. Это «как» может дать много важной информации не только о действительных эмоциях, желаниях и страхах пациента, но и о тех защитных приемах, которые он использует, чтобы не допустить осознания опасных для него переживаний.

Постепенно логика исследований привела Райха к пониманию экономической функции «брони» характера — поддержанию психического равновесия (хотя оно может быть и невротическим), связыванию свободной тревоги и поглощению не нашедшей выхода энергии. Тревога, возникающая под воздействием угрожающих внутренних и внешних стимулов, может быть заблокирована путем усиления определенной части «брони» и в результате этого будет обнаруживаться не в невротических симптомах, а в невротических чертах характера. За иллюзию благополучия приходится платить двойную цену. Невротические черты характера воспринимаются человеком как врожденные и, следовательно, неизменные — «такой уж у меня характер», — в отличие от невротических симптомов (например, боязни замкнутого пространства, навязчивых мучительных мыслей и т. п.), которые отчетливо видны и побуждают человека искать пути их устранения.

Райх противопоставлял свои исследования доминировавшей в то время в психоанализе точке зрения, разделявшей неврозы характера и психоневрозы. Он считал, что между ними не существует различий, и утверждал, что все невротики обладают невротическим характером с наличием симптомов или при их отсутствии. В случае психоневроза симптом порождается невротическим характером, а при неврозе характера «симптомами этого невроза являются черты характера» (Ч.Райкрофт). Симптомы, по Райху, не могут развиваться без невротического характерологического базиса, который формируется постепенно, начиная с

первых лет жизни. Чтобы понять, как возникают черты характера, необходимо «представлять себе, какие усилия должен был затратить пациент в детстве и через какую внутреннюю борьбу должен был тогда пройти, чтобы успешно социализировать свои инстинкты и вместе с тем в какой-то мере сохранить их» (Кремериус, 1984).

В ходе постоянной выработки компромиссов между собственными импульсами и социальными требованиями может сформироваться невротическая структура характера, «одетая» в еще более крепкую защитную оболочку — «панцирь», или «броню», которая сводит потенциально многообразное поведение человека к относительно небольшому набору жестких и стереотипных реакций. Тревожность удерживается на приемлемом уровне, невротическое равновесие сохраняется, но цена этого — обеднение личности, потеря естественной эмоциональности и в конечном счете невозможность получать наслаждение от жизни и работы.

Так как, согласно Райху, психоневрозы основываются на невротическом характере, в ходе их лечения всегда проявляется сопротивление характера. «Броня» характера, удерживающая невротическое равновесие, является главным фактором, питающим различные формы возникающего в анализе сопротивления. Придя к такому пониманию, Райх дополнил свою теорию анализа сопротивления следующим логическим этапом — любая аналитическая работа должна начинаться с анализа сопротивлений и двигаться в направлении анализа характера. Это явилось фундаментальным открытием Райха и оказало значительное влияние на развитие психоаналитической науки и практики. «Райх систематизировал теорию защитных механизмов с точки зрения терапевтической техники в своем тщательном анализе сопротивления, который в конце концов нашел свое завершение в его строгой теории характероанализа»^[14].

Действительного, а не временного терапевтического успеха, по Райху, невозможно достичь без тщательной проработки сопротивлений и характера пациента. З. Фрейд в начале 30-х годов дистанцировался от нововведений Райха, но позднее, в 1937 году, признал первоочередную необходимость анализа защитных тенденций Я (Эго). «Таким образом, Фрейд принял идеи, которые Анна Фрейд включила годом раньше в свою книгу «Эго и механизмы защиты» (1937). Райх указывал еще в 1933 году, что коренящееся в характере индивида сопротивление, рассматриваемое как приобретенный панцирь Я, часто стоит на пути прогресса в анализе. Перемены, происшедшие в психоанализе после введения структурной теории и теории защитных механизмов, наряду с возросшим, благодаря влиянию В. Райха, значением анализа сопротивления и анализа характера, привели к увеличению продолжительности анализа»^[15].

Я так обильно привожу цитаты из фундаментального труда по современному психоанализу для того, чтобы продемонстрировать место открытий Райха в психоаналитической науке.

Райх считал, что психоаналитик не должен сразу же доверять откровениям пациента, которые могут быть в действительности не более чем

красивыми защитными рисунками на «броню» характера. Пациент бессознательно «мимикрирует» в аналитической ситуации, вызывающей у него повышенную тревожность. Необходимо обращать тщательное внимание на подлинность его чувств и переживаний. В характероанализе Райх еще дальше ушел от пассивной аналитической техники и роли терапевта как простого интерпретатора предоставляемого пациентом материала.

Его активная техника^[16] включала в себя анализ сопротивления и переноса в ситуации «здесь-и-теперь», анализ характерной «брони» и в целом характера пациента. Райх учил: «При характероанализе мы задаемся вопросом, почему пациент обманывает, говорит путано, аффективно отгорожен и т. д., и мы пытаемся пробудить его интерес к особенностям своего характера, чтобы с его помощью аналитически выяснить их смысл и происхождение. Таким образом, мы просто поднимаем ту черту характера, от которой исходит кардинальное сопротивление, над уровнем личности, показываем пациенту, если это возможно, поверхностные связи между характером и симптомами... При этом мы в принципе действуем не иначе, чем при анализе симптома; при характероанализе добавляется лишь то, что мы должны *неоднократно изолированно* показывать пациенту черту его характера до тех пор, пока он не обретет к ней дистанцию и не настроит себя к ней, как, скажем, к мучительному симптому навязчивости. Потому что благодаря дистанцированию и объективированию невротического характера последний начинает восприниматься пациентом как некое инородное тело и наконец образуется некоторое понимание болезни»^[17].

Еще один значительный вклад В. Райха в психоаналитическую теорию и технику связан с новым (по отношению к теории З. Фрейда) пониманием контрпереноса. В 20-е годы у практикующих специалистов существовала сильная тенденция слишком буквально следовать фрейдовским рекомендациям по технике анализа пациентов. Одним из самых суровых психоаналитических табу в то время был запрет на проявление контрпереноса в аналитическом процессе. Фрейд считал, что личность пациента и его переживания могут активизировать у психоаналитика его собственные непроработанные комплексы и активизировать контрперенос, под которым понимались любые формы неблагоприятного влияния терапевта на пациента. Задача психоаналитика состояла в том, чтобы исключить саму возможность такого контрпереноса, нарушающего введенный Фрейдом «принцип зеркала»: врачу следует быть непроницаемым для своих пациентов и, подобно зеркалу, ему не следует показывать ничего, кроме того, что показывают ему. В. Райх и здесь был одним из первых психоаналитиков, дерзнувшим посягнуть на святая святых и в определенном смысле поплатившимся за это. Он описывал связь контрпереноса и эмпатического восприятия — переживания аналитиком тех же эмоциональных состояний, которые испытывает пациент. Эта же взаимосвязь была отмечена и в работах Дойч (1926), Ференци (1919), ференци и Ранка (1924), Штерна (1924). Тем не менее еще в течение более 20 лет публикации на тему позитивного использования контрпереноса в психоанализе могли дискредитировать

исследователя и подвергнуть сомнению его профессиональный статус. Страх перед контрпереносом заставлял многих психоаналитиков подавлять свои собственные чувства и механистично реагировать на пациентов в соответствии с предписанными теорией правилами и нормами. Однако в реальной аналитической практике именно желание устранить контрперенос и вследствие этого блокирование естественного поведения часто дают обратный эффект и вызывают появление «слепых пятен на зеркале».

Контрперенос был реабилитирован только в 50-х годах благодаря работам П. Хаймайн, Анни Райх, Д. Винникотта, А. и М. Балинтов и др. Со статьи Паулы Хайманн «О контрпереносе», опубликованной в 1950 году^[18], ведется отсчет «новой жизни» контрпереноса. «Сопоставляя чувства, возникающие в нем самом благодаря ассоциациям и поведению его пациента, — пишет Хайманн, — аналитик владеет наиболее ценными средствами для проверки того, понял ли он пациента или нет»^[19].

Согласно Фенихелю, страх перед контрпереносом может привести к подавлению любой естественной человеческой эмоции в реакциях аналитика на пациента. Фенихель отмечает, что пациенты, прежде находившиеся на лечении у другого аналитика, часто выражали удивление по поводу его свободы и естественности. Они считали, что аналитик — это некая особая личность и что ему не позволено быть человеческим, хотя должно было бы преобладать прямо противоположное впечатление. Необходимо, чтобы пациент мог положиться на человечность своего аналитика^[20]. В этих аргументах Фенихеля нетрудно увидеть влияние Райха, для которого естественность эмоциональных проявлений была краеугольным камнем как клинической, так и теоретической работы. Те же ростки, посеянные Райхом, мы встречаем позднее у Хайманн (1978), которая в работе «О необходимости для психоаналитика быть естественным со своим пациентом» признает терапевтическую ценность естественного поведения наряду с нейтральностью и анонимностью.

Здесь хотелось бы вернуться к рассказу о жизненном пути и творческой биографии Райха, который я прервал, чтобы акцентировать определенные теоретические положения, постепенно сложившиеся у него в концепцию характероанализа.

В 1926 году от туберкулеза умирает брат Райха, Роберт. Чтобы оценить влияние этого события на Райха, следует принять во внимание несколько обстоятельств.

Ранее соперничество братьев за любовь матери и признание отца порождало их амбивалентное отношение друг к другу. В 1918 году, когда братья остались без средств к существованию, они приняли совместное решение, что Вильгельм будет учиться первым, а Роберт будет зарабатывать деньги на их проживание. После того как старший брат закончит учебу, он поможет младшему получить образование. Первые, самые тяжелые годы учебы Райха младший брат был рядом и выполнял свои обязательства. Затем он переехал к родственникам в Румынию, где женился и у него родился ребенок. В 1922 году Райх закончил университет, а к 1924 году его

психоаналитическая практика начинает приносить значительный доход. После рождения дочери Евы семья переезжает в большую квартиру, которую Райх обставляет дорогой и элегантной мебелью. В 1925 году без приглашения со стороны Райха в Вену приезжает Роберт с женой и ребенком, больной туберкулезом и без денег.

Относительно того, какими были взаимоотношения между братьями после приезда Роберта, достоверно ничего не известно. По этому поводу Ильза Оллендорф отмечает^[21], что, согласно одним источникам информации, Райх помогал брату деньгами и следил за тем, чтобы он получал должное медицинское лечение; по другим сведениям, он, напротив, отказал брату в помощи.

Выше уже было отмечено, что в жизни Райха прослеживается устойчивый стереотип взаимоотношений с близкими людьми: он использует их, а позднее, когда их помощь и поддержка теряют для него значение, бросает или отдаляет их от себя. Бессознательное чувство вины, которое он при этом испытывает, часто выносится вовне: виноватым становится или сам человек, или окружающая его реальность. Так, в случае с братом Райх обвинял румынских родственников, которые не обеспечили Роберту безбедного существования, что и привело к развитию заболевания.

Смерть брата, по-видимому, активизировала глубинные внутренние конфликты Райха, тем более что она ассоциативно воскрешала к жизни тяжелые переживания (отец Райха также умер от туберкулеза). Возможно, именно смерть брата в действительности и повлияла на решение Райха в том же 1926 году прекратить личный анализ. Соппротивление осознанию активизировавшегося драматического опыта ранних лет резко возросло и привело к уходу из аналитической ситуации. Это, по всей видимости, не осознавалось Райхом как бегство от проблем, а рационализировалось как протест против неспособности работавшего с ним аналитика понять глубину его внутренних конфликтов. То понимание, принятие и прощение, которые Райх бессознательно желал получить от матери и отца, а позднее от брата и которые он уже не мог получить от них, он пытался найти у своего психоаналитика.

Фрейд был для такого переноса самой подходящей фигурой. Не возникает сомнений, что Райх относился к Фрейду как к своему отцу^[22]. В отличие от многих близких к Фрейду аналитиков, он имел свободный доступ в дом Фрейда и мог посещать его в любой момент, когда ему требовалось обсудить с Фрейдом возникающие проблемы. Фрейд высоко оценивал выдающиеся способности Райха и говорил о нем как о «любимом сыне» и одном из своих самых блестящих учеников^[23]. Возможно, не осознавая этого, именно на Фрейда, ставшего замещающей отца фигурой, Райх и возлагал надежды на «искупление своих грехов».

Наверное поэтому, прекратив личный анализ, Райх сразу же, в начале 1927 года, просит Фрейда стать его аналитиком. При этом он прекрасно знал правило, которое Фрейд никогда не нарушал, — не анализировать никого из своего ближайшего окружения. Тем не менее — и это обстоятельство,

возможно, значительно обострило проблемы Райха — Фрейд в течение некоторого времени раздумывал о возможности сделать исключение из правил. Как вспоминает Анни Райх, одно время это казалось возможным, но затем Фрейд принял окончательное решение — не нарушать правило и отказал Райху^[24]. Отказ Фрейда был крайне болезнен для Райха — у него началась глубокая депрессия.

Если принимать во внимание возможность сильного отцовского переноса, который уже развился у Райха к этому времени, а также отсутствие личного анализа и работы с этим переносом, то можно предположить, что Райх бессознательно расценил решение Фрейда как отказ в принятии и прощении, а в конечном счете как отвержение и наказание от своего собственного отца. Возникшая при этом сильная фрустрация породила агрессию против Фрейда (отца), которая, в свою очередь, привела к возрастанию тревоги вследствие страха наказания. Тревога активизировала защитные механизмы, которые подавили негативные эмоции. Сильнейшее внутреннее напряжение и явилось, по-видимому, причиной глубокой депрессии.

В это же время Райх заболевает туберкулезом и проводит несколько месяцев в санатории в Давосе (Швейцария). Можно предположить психосоматическую причину этого заболевания. Обострившееся амбивалентное отношение к значимому внутреннему объекту в собственной психике (в данном случае — интроекту отца) порождает желание разрушить этот одновременно любимый объект. Возникающее вследствие этого желания самообвинение могло спровоцировать самонаказание, или «возмездие», того же рода, что и «преступление» (туберкулез), за которое человек бессознательно обвиняет себя.

Как считала Анни Райх (и с ней были согласны многие психоаналитики, близкие к Фрейду), во время этого пребывания в санатории У Райха начался «ухудшающийся процесс». По ее мнению, он вернулся в Вену летом 1927 года другим человеком — углубленным в свои проблемы и обеспокоенным ими. Однако третья жена Райха, Ильза Оллендорф, считает эту точку зрения ошибочной и в свою очередь объясняет ее рационализацией со стороны Анни Райх личных трудностей ее жизни с Райхом^[25].

Как бы то ни было, рискну высказать еще одно соображение. Давос в настоящее время — одно из самых дорогих мест в мире. Скорее всего и в то время прожить несколько месяцев в санатории в Давосе также мог себе позволить только достаточно обеспеченный человек. Годом раньше от туберкулеза умер брат Райха, и достоверно известно, что он проходил лечение только в самоа Вене — Вильгельм не пытался отправить его в санаторий. Возможно, мысли на эту тему и чувство вины перед умершим братом добавили огня в уже разгоревшийся после отказа Фрейда внутренний конфликт в душе Райха. Его амбивалентные чувства к Фрейду усилились, и, возможно, руководствуясь бессознательным желанием одновременно и отомстить Фрейду, и доказать ему, что он был достоин его любви, Райх, с одной стороны, перестал проводить мягкую дипломатию и начал

бескомпромиссно отстаивать свои теории, а с другой стороны, обратился к политической деятельности.

В интервью доктору Эйсслеру, хранителю архива З.Фрейда, Райх рассказывал: «Когда Фрейд работал над своей теорией инстинкта смерти, в которой говорится, что «несчастья имеют внутренние причины», я ушел туда, где были живые люди. С 1927 по 1930 год я работал отдельно, посвятив свои социологические исследования основным проблемам общества»^[26].

В 1928 году Райх вступил в Коммунистическую партию Германии и активно участвовал в демонстрациях, митингах, выступая с программами социальной профилактики неврозов. Райх утверждал, что психоаналитики должны решать проблемы не только индивидуальных пациентов, но и общества в целом. Он пытался соединить марксистскую теорию и психоанализ (фрейдомарксизм). В 1930 году в рамках Коммунистической партии Германии он организует Ассоциацию пролетарской сексуальной политики (Sexpol), в которой состояло более 20 000 членов. В ходе своей политической деятельности Райх пропагандировал психоаналитические теории, чем вызывал сильное раздражение у коллег. Конфликт разрастался все сильнее.

Райх считал, что многие психоаналитики, завидуя его успехам и близким отношениям с Фрейдом, пытались оклеветать его перед учителем. Это имеет подтверждение, например, в отношении Пауля Федерна^[27], пытавшегося внести раздор между Фрейдом и Райхом — Фрейд сам отмечает это в двух письмах к Райху от 22.11.1928 и 10.10.1930 года. Что явилось главной причиной решения Фрейда в начале 30-х годов отдалить от себя Райха — его провокационное поведение, советы доброжелателей или теоретические разногласия, однозначно ответить на этот вопрос вряд ли возможно. Во всяком случае, в письме от 27.07.1927 года Фрейд уверяет Райха, что, «когда он был в курсе разногласий и склон в психоаналитической организации, они не влияли на его высокое мнение о компетентности Райха, которое, впрочем, разделяли и многие другие психоаналитики»^[28].

В научном плане Райх стремился пойти дальше Фрейда, ориентируясь на разработку теории оргазма (позднее — сексуальной экономики), способную стать, с его точки зрения, естественно-научной, биологической базой психоанализа. Раньше, когда Райх чувствовал, что идет против течения, он избегал конфронтации со своими старшими коллегами. «Целью терапии было сделать пациента способным к оргазму, но об этом не говорилось в первые годы существования Технического семинара. Я инстинктивно избегал этого вопроса: он никому не нравился и вызывал враждебность»^[29]. Позднее Райх перестал опасаться непонимания и осуждения, приняв позицию активного борца за «отделение научного от ненаучного в психоанализе». Так появился характероанализ (1928)^[30]: выбор названия и само построение словосочетания не случайны — это очевидное противопоставление психоанализу. Райх был искренне уверен в том, что его бескомпромиссная научная и политическая борьба абсолютно необходима и будет правильно оценена в будущем. К этому времени основные принципы

характероанализа уже были сформулированы. В течение пяти лет Райх дорабатывал их, а в 1933 году опубликовал книгу «Характероанализ». Больше в рамках классического психоанализа он не сделал ничего, очевидно, перенеся всю активность с «вражеской на свою территорию».

Кроме субъективных были, конечно, и объективные причины разрыва Райха с психоанализом. Теоретические исследования Райха начинали все больше выходить за рамки ортодоксального подхода. Но в психоанализе, как в 30-е годы, так и в настоящее время, «концептуальные изменения приводят к глубинным профессиональным и личным конфликтам среди аналитиков»^[31]. Для высказывания идей, противоречащих общепринятой доктрине, сформулированной З. Фрейдом, требовались не только большая научная смелость, но и определенная тактичность, гибкость, отсутствие бессознательных тенденций, провоцирующих враждебность и отчуждение коллег. В 50-е годы Паула Хайманн, возможно, в силу меньшей подверженности собственным внутренним конфликтам смогла пройти по этому пути более успешно, чем В. Райх. Хайманн, несмотря на совет одного из своих учителей, М. Клайн, не выступать на Международном психоаналитическом конгрессе в Цюрихе (1950) с докладом «О контрпереносе», решилась на выступление, но облекла его в деликатную защитную оболочку, приписав свое новое понимание контрпереноса Фрейду. Это в определенной мере смягчило «концептуальный взрыв», но тем не менее отклики многих психоаналитиков на новую теорию Хайманн содержали жесткие, ненаучные выражения. В. Райх, в отличие от Хайманн, начиная с конца 20-х годов не только не стремился смягчать подобные взрывы, но даже провоцировал их.

Усиливающаяся политическая активность Райха, которую Э. Джонс позднее назвал политическим фанатизмом^[32], начала постепенно вызывать у руководителей Венского психоаналитического общества желание дистанцироваться от него. Фрейд посоветовал ему переехать в Берлин для прохождения личного анализа. Психоаналитики в Германии имели не такие консервативные взгляды, как в Вене, и Райх решил, что переезд будет способствовать его научной и политической деятельности. В Берлине, несмотря на возражение Анни, психоаналитиком Райха стал Радо^[33]. Анни была против анализа с Радо, так как знала, что тот через шесть месяцев уезжает в США и, следовательно, не успеет довести аналитический процесс до завершения. Согласно воспоминаниям Анни Райх, ее опасения оправдались — Радо оставил Райха в глубоком депрессивном состоянии, с неразрешенными внутренними конфликтами. Анни считала, что этот незаконченный анализ способствовал развитию «ухудшающегося процесса» у Райха. Именно в Берлине политическая деятельность Райха вышла за все неписанные границы психоаналитической идентичности. Переехав в Германию, Райх отправил своих дочерей, шестилетнюю Еву и двухлетнюю Лору, в Коммунистический детский дом. Спустя некоторое время Анни потребовала их возвращения домой, о чем потом горько сожалела. Райх лично следил за их политическим воспитанием, и, по словам Анни, хотел,

чтобы они были маленькими хорошими коммунистами. Разногласия между Анни и Райхом по вопросам воспитания детей, политической деятельности и психоаналитической практики все усиливались и привели в 1933 году к официальному разводу.

Приход Гитлера к власти в Германии заставил Райха эмигрировать в Данию. Совместно с другими немецкими коллегами он организовал в Копенгагене постоянно действующий семинар по обучению и практической стажировке датских психоаналитиков. В это же время Райх разорвал свои связи с коммунистической партией. Спустя шесть месяцев правительство не продлило его право на пребывание в Дании, и он переезжает в Швецию, где через некоторое время история повторяется. В 1934 году Райх обосновывается в Осло, где начинается «скандинавский» этап его научной деятельности.

В конце августа 1934 года Райх столкнулся с новой фрустрирующей ситуацией. На тринадцатом Международном психоаналитическом конгрессе, проходившем в Люцерне с 26 по 31 августа, он был исключен из рядов этой организации. Сам Райх расценил это как результат организованной против него клеветнической кампании. В действительности же путь к этому решению был длиною в несколько лет, на протяжении которых Райх получал отчетливые знаки растущего неодобрения психоаналитического руководства. В течение 1933 года Германское психоаналитическое общество неоднократно просило Райха выйти из своих рядов^[34]. Райх категорически отказывался, считая, что его научный вклад в основы психоанализа полностью компенсирует неудобство, связанное с его политическими взглядами.

Перед конгрессом в Люцерне Райх получил письмо от секретаря Германского психоаналитического общества, в котором ему сообщалось, что в календаре—списке членов Международной психоаналитической ассоциации, выпускаемом к конгрессу Международным психоаналитическим издательством, не будет его имени. Далее это письмо содержало следующее: «Ситуация настоятельно требует не включать Ваше имя в список членов Германского психоаналитического общества. Я была бы Вам очень признательна, если бы Вы правильно оценили ситуацию и положение психоаналитического движения в Германии, поднявшись выше личных чувств, и согласились бы с этой мерой. Ваше положение в психоаналитическом мире как ученого и автора настолько значительно, что это упоминание Вашего имени не должно причинить Вам ни малейшей боли (как это было бы в случае с новичком). Кроме того, с признанием скандинавской группы на конгрессе и Вашего будущего членства в этой новой группе сегодняшняя проблема утратит свою значимость»^[35].

Письмо содержало очевидную неправду, так как было решение специальной комиссии, возглавляемой Э. Джонсом, вследствие которого скандинавская группа оказалась в сложном положении — Международная психоаналитическая ассоциация (МПА) могла признать ее лишь при условии, что она не примет Райха в свои ряды. Несмотря на давление, скандинавская группа, в которой Райх пользовался большим уважением, отказалась принять

членство в МПА на таких условиях и тем не менее была признана без всяких оговорок^[36]. Возможно, это произошло не без участия генерального секретаря МПА Анны Фрейд, к которой за разъяснениями обратился Райх. Она ответила, что не имеет представления о том, что происходит, и обещала поговорить с Джонсом.

Норвежские психоаналитики предложили Райху войти в их группу, но он отказался. В свете вышеизложенного старый спор о том, исключили Райха из МПА или он сам ушел, оказывается бессмысленным: его исключили, но он мог вернуться, однако сам не захотел этого.

Райх решил, что его работа в рамках психоанализа подошла к концу, и новые биоэнергетические концепции, которые он разрабатывал, не согласуются с теориями Фрейда. Его психотерапевтическая практика также все больше отличалась от психоанализа. Райх значительно ускорил процесс «автономизации» собственной науки, ее отделение от психоанализа. «Я правильно изложил на естественно-научной основе то, что содержалось в психоанализе, но моя методологическая научная работа не имела ничего общего с психоанализом в том смысле, что она не была его частью и не являлась выводами из психоаналитических идей. Я лишь положил свое орлиное яйцо в гнездо с куриными яйцами. Потом я вытащил его и поместил в свое собственное гнездо»^[37].

Тем не менее Ильза Оллендорф пишет, что исключение из Международной психоаналитической ассоциации явилось сильным потрясением для Райха, он «потерял друзей и дом для работы. Многие не перенесли бы подобного испытания и сломались под этим грузом, но Райх с его невероятной энергией быстро восстановил рабочее состояние и начал строить свою отдельную организацию вместе с теми, кто продолжал верить в его идеи»^[38].

Обучающие семинары по технике характероанализа, которые Райх начал проводить в Осло, имели большой успех у скандинавских психоаналитиков. Вполне вероятно, что именно этот успех в сочетании с «эго-центрированным» характером Райха стал причиной еще одной потери в его жизни. Вместе с Райхом из Берлина в Осло эмигрировал Отто Фенихель^[39], его близкий друг и коллега, входивший в Берлине в кружок аналитиков, образовавшийся вокруг Райха. Фенихель согласился на его предложение информировать коллег из Международной психоаналитической ассоциации о развитии теории Райха. Через некоторое время в своем обращении к психоаналитикам Дании, Норвегии и Германии, которые находились в конфликте с Фрейдом, Райх писал, что «глубоко сожалеет о том, что так доверял Фенихелю и рассчитывал на его помощь... Хотя сначала Фенихель профессионально информировал наших коллег о моих теориях и даже защищал их, но затем, по мере возрастания трудностей, он все больше и больше пытался уладить противоречия, обобщить понятия — примирить все стороны... Фенихель никогда не хотел безоговорочно встать на мою научную платформу. Он никогда не хотел быть лишь одним из «группы Райха», но в то же время он ничего не предпринимал против теории инстинкта смерти и

всего, что с ней связано... Мое организационное поражение на конгрессе было делом рук Фенихеля, который воспользовался данной ситуацией в качестве основы для своей собственной работы. Когда же он почувствовал, что я все больше и больше становлюсь обузой для него, он повернулся ко мне спиной, стал мстить и, наконец, как я уже говорил, выступил против моего восстановления — все под тем же предлогом, что защищает от меня общее дело»^[40].

Я привел эту цитату для того, чтобы наглядно продемонстрировать воинствующую позицию Райха, его личностную противоречивость и провокационность поведения. В его обвинениях отчетливо прослеживается защитный механизм — проекция на Фенихеля собственных бессознательных тенденций. Вместе с тем нельзя отрицать и то, что реальные научные и клинические достижения Райха действительно являлись предметом профессиональной зависти многих психоаналитиков, а после исключения Райха и его последующей дискредитации они воспроизводились разными авторами в различных работах без каких-либо ссылок на «опального» аналитика^[41].

Фенихель организовал свой собственный психоаналитический семинар в Осло, но спустя некоторое время его участники стали проявлять желание перейти на обучение к Райху. Существование семинара Фенихеля стало проблематичным, и в 1935 году он переехал из Осло сначала в Чехословакию, а потом в США. Очень теплые, дружеские отношения к Райху сменились у Фенихеля ненавистью к нему. Позже Райх обвинял его в распускании слухов о его параноидальной шизофрении. Потеряв очередного близкого друга, он, видимо, не сделал никаких других выводов для себя, кроме того, что Фенихель оказался коварным и виновен в произошедшем. Подобные ситуации уже имели место в прошлом у Райха и будут с неумолимостью повторяться до конца его жизни.

В феврале 1936 года Райх основал в Осло Институт сексуально-экономических и биологических исследований. Он начал проводить эксперименты, изучающие биофизические аспекты поведения человека. Главная их цель — открытие физической основы эмоциональных расстройств человека и разработка методик, восстанавливающих биофизическое равновесие посредством освобождения вегетативной энергии (биоэнергии).

Ядро института составили психоаналитики, поддерживавшие Райха в Люцерне и выразившие желание участвовать в разработке новых телесно-ориентированных подходов в психотерапии. На основе многочисленных клинических наблюдений и анализа результатов специальных экспериментов Райх делает вывод, что панцирь характера имеет не только психологическую, но и физическую составляющую. Он полагает, что физический характерный панцирь образуют хронические мышечные напряжения, которые представляют собой «соматическую сторону процесса вытеснения и основу его продолжающегося существования»^[42]. По мнению Райха, телесный и психологический панцири функционально тождественны, то есть ригидность

мускулатуры и психологические защитные механизмы «имеют одни и те же функции в психическом аппарате; они способны заменять друг друга и подвержены взаимному влиянию. По существу, они не могут быть разделены»^[43].

Мышечный панцирь активно противодействует превращению бессознательных процессов в сознательные и сопротивляется любому психологическому изменению. Райх обнаружил, что «люди реагируют интенсивной ненавистью на всякую попытку нарушить невротическое равновесие, поддерживаемое их защитным панцирем»^[44]. В связи с этим он подчеркнул важность расслабления мышечного панциря и высвобождения блокируемой им энергии в дополнение к аналитической работе с психологическим материалом.

Телесная «броня», мешая свободной циркуляции энергии в теле, приводит, по Райху, к сдерживанию сильных эмоций, выражению которых препятствует страх. «Неразрешенные» эмоции подавляются, ограничиваются или искажаются, порождая феномен «неоконченных эмоциональных переживаний». Постоянное удержание их под контролем приводит к еще большей телесной и психологической ригидности^[45]. Если, например, сдерживаются сексуальные чувства, то, как отмечает Райх, у человека возникают эмоции агрессии, гнева, ярости как реакция на фрустрацию, вызванную лишенностью сексуального удовлетворения. Эти эмоции, в свою очередь, подавляются телесной «броней». Райх описывает, как «зажатый своим защитным панцирем человек не способен выразить простейшие эмоции. Ему знакомо лишь ощущение щекотки, а не сексуального удовольствия. Он не может испустить вздох удовольствия или имитировать его. Если он попытается — это будет стон, сдавленное рычание или импульс рвоты. Он не способен также испустить гневный крик или даже изобразить удар кулаком по кушетке»^[46]. Распускание мышечной «брони» и разблокирование неоконченных эмоциональных переживаний позволяет пережить их повторно, но на этот раз полностью, завершив внутренний опыт и сняв эмоциональное напряжение.

Таким образом, один из возможных путей формирования хронических мышечных зажимов может быть описан следующим образом: сексуальное возбуждение сопровождается страхом наказания; страх рождает тревогу; тревога активизирует телесный панцирь; телесный панцирь подавляет сексуальный импульс; возникает фрустрация; фрустрация ведет к агрессии; агрессия сопровождается страхом наказания; страх рождает тревогу; тревога активизирует телесный панцирь, который подавляет негативные эмоции.

Новые теоретические подходы к пониманию личности человека как единства психики и тела формировались у Райха параллельно с разработкой нового метода психотерапии, который получил у него название «характероаналитическая вегетотерапия».

Вегетотерапия включает в себя:

1) анализ физических аспектов характера пациента (характерной дозы, телесных привычек, стереотипных жестов и движений и т. п.) и

провоцирование сдерживаемых эмоций путем усиления телесных стереотипов;

2) применение глубокого интенсивного дыхания для «накопления энергии в теле», «энергетизации» хронических мышечных зажимов и достижения эмоциональной и энергетической разрядки;

3) телесную проработку напряженных частей тела пациента, находящегося в измененном состоянии сознания, индуцированном глубоким дыханием;

4) анализ телесных и психологических сопротивлений, блокирующих полноценное эмоциональное самовыражение;

5) анализ и интерпретации вербального и невербального материала, получаемого в ходе психотерапии.

По сравнению с классическим психоанализом, работающим с вербальным материалом, вегетотерапия начинается с анализа «телесного материала». Райхианский терапевт помогает пациентам осознать характерные проявления их мышечного панциря (индивидуальные физические позы, жесты, привычные движения) и понять, как они используют их для подавления тревоги и защиты от неудовольствия. Для этого применяются различные приемы: психотерапевт может копировать характерные позы, движения пациента; пациенту предлагается самому усилить обнаруженный мышечный зажим или привычный телесный стереотип (например, еще больше ссутулиться, активнее закрыть руками живот, еще сильнее выгнуть таз назад, сильнее сжать челюсти и т. п.). Усиление уже существующей ригидности необходимо для того, чтобы лучше прочувствовать телесную «броню» и выявить эмоции, связанные с психотравмирующими событиями раннего детства, воспоминания о которых подавляются с помощью соответствующих мышечных зажимов.

Защитное поведение, по Райху, выражается не только в психологических защитах или телесной «броне», но и в стесненном дыхании. Например, проявление сексуальных или агрессивных чувств, как правило, связано с опасностью и наказанием, и человек путем напряжения различных частей своего тела пытается или подавить, или хотя бы удержать под контролем выражение таких эмоций. Мышечные напряжения, в свою очередь, приводят к нарушению дыхания. Согласно Райху, пока у человека заблокировано эмоциональное самовыражение, дыхание не может быть свободным. Сочетать напряжение дыхательных мышц (мышцы шеи и горла, груди, диафрагмы, живота) с глубоким дыханием невозможно. Поэтому глубокое дыхание, сознательно поддерживаемое в течение продолжительного времени, сначала усиливает напряжение Дыхательных мышц, а затем приводит к их расслаблению и разблокированию соответствующие эмоции. Райх первым начал применять в психотерапевтических целях глубокое и частое дыхание и работать с пациентом, погруженным в измененное состояние сознания, вызванное воздействием интенсивного дыхания. Интенсивное дыхание, с точки зрения Райха, помогает активизировать ранее неосознаваемые глубинные мышечные

зажимы и сдерживаемые ими эмоции, а также способствует эмоциональной и энергетической разрядке, освобождению от телесной брони» и достижению физического расслабления.

Для освобождения мышц от перенапряжения и расслабления телесной «брони» Райх разработал ряд специальных техник, включающих в себя осуществляемое психотерапевтом прямое физическое манипулирование телом пациента; проводимую самим пациентом под наблюдением психотерапевта работу по имитированию и провоцированию эмоциональных состояний; выполнение пациентом специальных движений, ударов, физических упражнений; работу над освобождением звука при эмоциональных проявлениях.

Райх считал, что мышечный панцирь можно наблюдать на семи уровнях тела: на уровне глаз, рта, шеи, груди, диафрагмы, живота и таза. Хронические мускульные зажимы на каждом уровне действуют как горизонтальные барьеры на пути свободного течения энергии вверх и вниз по телу, блокируют полное переживание значимых ситуаций и порождают неоконченные эмоциональные переживания. Вегетотерапевтические техники различаются в зависимости от проработки того или иного круга мышечной «брони». Райх указывает, что по мере нисхождения с первого уровня (область глаз) до последнего (область таза) хронические мускульные зажимы сдерживают все более глубокие и значимые для пациента неоконченные эмоциональные переживания. В связи с этим в вегетотерапии принята постепенная, последовательная телесная проработка защитного панциря сверху вниз, начиная с первого мышечного круга напряжений и заканчивая последним. Райх настаивает на том, чтобы переход к следующему уровню осуществлялся лишь после ликвидации «брони» и эмоционального высвобождения на предыдущем этапе.

В качестве примера заметим, что одна из сильнейших и универсальных защитных мышечных систем находится в челюстном суставе (первый уровень телесной «брони» — область рта). Сомкнутые челюсти удерживают яростные атаки эмоций, пряча и маскируя чувства страха, ужаса, скрывая удовольствие, радость, сочувствие, формируя телесную маску, выражающую силу, уверенность, храбрость и полное самообладание. Расслабление защитной «брони» на уровне рта осуществляется путем постоянного (в течение телесной проработки) поддержания глубокого дыхания; надавливания при выдохе на мышцы в районе челюстного сустава до болевых ощущений; массажа телесных зажимов в районе рта, подбородка, челюсти; использования рвотного рефлекса; поощрения высвобождения напряжения с помощью различных эмоциональных и звуковых проявлений (агрессивных криков, гневных выпадов, обвинительных речей, плача навзрыд, мольбы о любви и помощи и т. п.). Если после такой телесной проработки не последует психоаналитическая работа по анализу и интерпретации полученного вербального и невербального материала, а также сопротивлений его выражению, то достигнутое в ходе катарсического отреагирования расслабление мышечной

«брони» через некоторое время сменится восстановленным хроническим напряжением.

Райх утверждал, что постепенное и систематическое расслабление мышечного панциря и восстановление свободного протекания энергии в теле приводит к замене ригидного невротического контроля на способность произвольно регулировать действия собственных защитных систем: активизировать мышечную «броню» в случае необходимости или, напротив, полностью снимать ее и предаваться свободному эмоциональному самовыражению.

Теоретические и практические исследования Райха, проведенные им в «скандинавский» период, дали мощный толчок развитию различных психотерапевтических направлений. Вегетотерапия Райха является базовым методом для многообразных современных видов телесно-ориентированной психотерапии (биоэнергетики А. Лоуэна^[47] и Дж. Пьер-ракоса, первичной терапии А. Янова, метода Фельденкрайса, структурной интеграции, метода Александра, танцевальной терапии и др.). Основные идеи Райха оказали сильное влияние на основателя гештальттерапии Ф. Перлза, который проходил личный психоанализ у Райха и в дальнейшем включил многие теоретические положения и практические техники вегетотерапии в гештальттерапию^[48]. Такие экзотические методы психотерапии, как «дыхательные» (ребефинг, вайвэйшн, холотропная терапия С. Грофа^[49] и др.), во многом воспроизводят технику работы с пациентом в вегетотерапии, но упрощенно интерпретируют возникающие у него переживания с мистической точки зрения.

Райх продолжал говорить о развитии психоаналитических концепций, но его творческая активность все больше направлялась на построение собственного научного фундамента для разрабатываемых им идей. Таким «гнездом для орлиного яйца» стала сначала сексуальная экономика и вегетотерапия, а позднее теория оргона. Пытаясь сделать свою науку автономной, Райх поставил своих учеников и сотрудников перед выбором: или они идут с ним до конца, или уходят. Компромиссы были исключены.

Психоаналитики и психотерапевты, приезжавшие из разных стран в институт к Райху для обучения характероанализу и прохождения личного анализа и супервизии, попадали в сложную ситуацию. Обучение Райх ставил в прямую зависимость от их участия в биологических экспериментах. Для многих психоаналитиков это было непонятно и неприемлемо. Известный норвежский психиатр Ник Вааль^[50], близкий друг и коллега Райха, поддерживавшая его в Люцерне, принимавшая его сексуально-экономический подход, характероанализ и вегетотерапию, отказалась исследовать совместно с Райхом органомию, объясняя свой отказ непониманием оргонной теории. За это Райх разорвал с ней дружеские отношения и прекратил всякие контакты. Позднее Ник Вааль говорила Ильзе Оллендорф, что жалеет об их разрыве и продолжает считать Райха своим учителем^[51].

Активное пропагандирование Райхом своих идей, бескомпромиссный стиль его выступлений, абсолютная уверенность в своей правоте и отрицание

других точек зрения отчуждали от него самостоятельных талантливых сотрудников и коллег, вызывали раздражение, которое часто переходило во враждебность.

В сентябре 1937 года в норвежских газетах началась кампания, направленная против Райха. Статьи дискредитировали профессиональный статус Райха, унижали его человеческое достоинство, насмехались над его идеями и разработками, содержали и явную ложь, и полуправду, и клевету. Зная Райха, можно было предположить, что он включится в навязываемую ему борьбу. Однако, несмотря на советы друзей и коллег, он отказался от публичной самозащиты и не стал принимать участие в дискуссиях, объясняя свою позицию тем, что не должен опускаться до уровня тех, кто нападает на него, что рано или поздно правда о нем и его работах восторжествует. Райх не отвечал атакующим его газетчикам, но, по свидетельству Ильзы Оллендорф, возникавшие при этом раздражение и злость вымещал на близких ему людях, находившихся от него в полной зависимости: жене, сотрудниках института. «Ухудшающийся процесс», о котором говорила Анни, по-видимому, еще больше усилился. После начала кампании подозрительность и недоверчивость Райха значительно обострились. Он стал бояться, что все хотят украсть у него его научные идеи. Именно в этот момент он ввел правило, за выполнением которого неукоснительно следил до конца жизни: все его коллеги, с которыми он работал, должны были записывать свои идеи, ставить подпись и дату.

Можно, конечно, вслед за Дж. Фейдименом и Р. Фрейгером считать, что внешний мир был слишком жесток по отношению к Райху и поэтому с его стороны «некоторая доля параноидальности представляла вполне реалистичную оценку ситуации, а вовсе не иррациональную или неоправданную склонность»^[52]. Тем не менее, с нашей точки зрения, происходящее вновь и вновь укладывается в иную цепочку: желание получить признание (прощение) — страх фрустрации — провоцирование неудачи, снятие с себя ответственности за неудачу и перенос вины на внешнюю, фрустрирующую силу — уход в новый поиск признания, — и круг повторяется.

Усилившаяся агрессивность по отношению к сотрудникам и авторитарный стиль руководства Райха резко контрастировали с его теоретическими концепциями. Такое же несоответствие возникло и в его психотерапевтической практике. С переходом к вегетотерапевтическим техникам Райх свел до минимума психоаналитическую работу с пациентами. Многие коллеги и пациенты Райха стали обвинять его в том, что в собственной клинической практике он перестал осознавать свой контрперенос и владеть им. Претензии к Райху заключались в том, что он бессознательно усиливал позитивный перенос пациентов на себя, привязывал их к себе. Дело дошло до того, что один из ближайших коллег Райха, доктор Филипсон, назвал его диктатором, который не дает другим стать свободными, самостоятельными личностями^[53]. Райх реагировал на такие атаки крайне болезненно, отвергая все обвинения и настаивая на своей

правоте. Он напоминал, что многие известные психоаналитики, члены Международной психоаналитической ассоциации, прошли у него анализ, обучение, супервизию и сейчас шли собственным, независимым от него путем.

Тем не менее недоверие к Райху как практикующему аналитику возрастало. Одна из стратегий характероаналитических работ с позитивным переносом в начальной фазе анализа заключалась в том, чтобы помочь пациенту осознать его как защиту от более глубоких негативных эмоций. Райх поощрял пациентов выражать агрессивность по отношению к нему, создавая при этом атмосферу безопасности и защищенности. Пациент, если он чувствует себя в безопасности и доверяет аналитику, может перестать сопротивляться переносу и выплеснуть агрессивные эмоции, имеющие отношение к значимым фигурам его детства, на аналитика. Если же терапевт в этот момент будет не в состоянии осознать свой контрперенос и овладеть им, а, напротив, отреагирует возникшие у него ответные агрессивные чувства (переведет их в действия), то деструктивные последствия для пациента могут быть очень значительными. Райх отмечал, что главным условием проведения такой терапии является способность психоаналитика осознавать, прорабатывать и включать в анализ свой контрперенос, а также проработка значительной части своих личных психологических проблем. Ученик Райха, американский психотерапевт Э. Бейкер в связи с этим подчеркивал, что «терапевту не следует заниматься пациентом, у которого проблемы те же, какие он не смог преодолеть в себе, и не следует ждать, что пациент сможет то, чего сам терапевт не смог сделать»^[54].

Возвращаясь к проблемам, возникшим у Райха в Осло в конце 30-х годов, можно предположить, что непроизвольные вспышки агрессивности, направленные на близких и коллег, проявили себя и в его психотерапевтической практике. Он мог контролировать свои внутренние конфликты, когда напряжение было не так велико, но при их сильной активизации Райх, видимо, уже не мог справляться с контрпереносом и эмоционально «разряжался» в ответ на проявление агрессии у пациента.

Газетные статьи, обвиняющие Райха во всех смертных грехах, старая боль, связанная с отношением к матери и отцу, подавленная агрессия и неуверенность в себе стали проявляться в усилении ревности. Эльза Линденберг, вторая жена Райха^[55], не давала для этого никакого повода. Он же был уверен, что она изменяет ему. Эльза, не выдержав приступов его ревности, вынуждена была уйти. Ильза Оллендорф писала, что ей самой пришлось пережить то же самое спустя пятнадцать лет, когда Райха преследовало Федеральное продовольственное и лекарственное управление США^[56].

Вспышки агрессии, направленные на сотрудников, приводили ко все большей изоляции Райха. В 1938 году он пришел к тому результату, к которому, возможно, бессознательно мазохистски стремился — к ощущению глубокого внутреннего одиночества и отчаяния. Остался один, уже наработанный выход — бегство от старых конфликтов и уход от них в новую

ситуацию в надежде на лучшие условия. В 1939 году Райх принимает приглашение занять пост профессора медицинской психологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке и эмигрирует в США.

Динамика «американского» периода жизни и творчества Райха, на мой взгляд, ничем не отличается от «австро-немецкого» или «скандинавского». Он проводит экспериментальные исследования и на основе их результатов делает вывод об открытии «универсальной первичной энергии», которая получает название «оргон». Эйфория первых лет, ожидание признания его теории оргона как открытия мирового масштаба, встреча с Эйнштейном в надежде на его поддержку сменяются последующим нарастанием разочарования и поиском виновной в возможном поражении стороны. Райх провоцирует агрессию извне, чтобы не испытывать боль от неудачи. Такой силой, ответственной за его непризнание, стало для Райха «зараженное эмоциональной чумой» общество, а конкретным палачом — Федеральное продовольственное и лекарственное управление США. Его ученик, создатель самой известной неорайхианской телесно-ориентированной психотерапии (биоэнергетики) Александр Лоуэн писал, что после смерти Райха он «понял, что человека нельзя спасти вопреки ему самому»^[57].

В 1950 году Райх начал разрабатывать специальные технические устройства, которые, как он считал, аккумулируют атмосферную оргон-ную энергию. С их помощью он стал лечить различные психические и психосоматические заболевания. Характероаналитическая вегетотерапия преобразовалась в биофизическую оргонную терапию.

Прослеживая динамику психотерапевтической работы Райха с пациентами на протяжении всех трех его жизненных этапов (австро-немецкого, скандинавского и американского), можно обнаружить, что с течением времени он все больше уходил в противоположную сторону от своих идей и разработок 20-х годов. Если тогда он настаивал на спокойном и кропотливом анализе сопротивления и переноса, то в 30-е годы роль осознанной активности пациента уменьшилась и приоритет в терапии получили эмоциональная разрядка и телесные воздействия. В 40-е годы значение усилий самого пациента начало сводиться к минимуму — все решали внешние приборы. Психоаналитика 20-х годов заменил телесный психотерапевт 30-х. Его, в свою очередь, в 40-е годы потеснил оргонный терапевт, который, по словам Райха, «является по существу биотерапевтом, а уже не просто психотерапевтом»^[58].

В 1954 году Федеральное продовольственное и лекарственное управление США запретило Райху производство и распространение оргонных аккумуляторов. Райх игнорировал запрет и продолжал свою деятельность. В мае 1956 года состоялся суд, на котором он был признан виновным. Его приговорили к двум годам тюремного заключения. Все книги Райха, в которых развивалась его оргонная теория, по постановлению суда были сожжены, а сделанные приборы-аккумуляторы уничтожены. 3 ноября 1957 года, в возрасте 60 лет, Вильгельм Райх умер от инфаркта в Федеральной тюрьме США.

Наследие Райха до недавнего времени было мало известно, а тем более изучено в нашей стране. Но можно сказать вполне определенно, что именно те идеи, теоретические подходы, конкретные практические методики, которые изложены в данной книге, сумели пережить все перипетии развития психоанализа. Они не просто повлияли на развитие психоаналитической техники, но и в значительной мере вновь возродились в современном психоанализе. Разработанная же Райхом теория оргазма была предана забвению и в психоаналитических кругах, и в академической науке. Тем не менее последующие работы Райха, основанные на идее решающего значения функции оргазма для психического здоровья, легли в основу всего обширного спектра телесно-ориентированных, дыхательных (трансперсональных) и отчасти гештальт-терапевтических методов психотерапии. Его теоретические и практические биоэнергетические концепции способствовали развитию целостного подхода к изучению и терапии личности — с позиций единства телесного и психического в человеке. Проведенные же Райхом исследования оргонных излучений живых организмов и человека дали пищу для многочисленных спекуляций со стороны людей, оперирующих в своих рассуждениях о человеке преимущественно категориями типа «энергия», «космос», «биополе» и т. п. Русский читатель наконец-то начинает знакомиться с исследованиями Райха по первоисточникам, а не по критическим обзорам, акцентирующим какие-либо фрагменты его работы, или по восторженным поверхностным интерпретациям, делаемым в угоду моде или личным интересам. В настоящее время в России даже в среде психологов и психотерапевтов представления о вкладе Райха в развитие психоаналитической теории и техники в большинстве случаев ограничиваются ассоциациями типа: «мышечная броня», «разрядка эмоций» и т. п. Характеро-аналитическая вегетотерапия свелась в общественном и профессиональном сознании к чисто телесным способам психотерапевтического манипулирования. Наибольший отзвук в нашей стране, как, впрочем, и в мире, получают сегодня теория оргона и идея построенных на ее основе биоэнергетических аккумуляторов^[59]. Как это ни парадоксально, но данным аспектом творчества Райха интересуются в основном экстрасенсы, оккультисты, мистически ориентированные исследователи, то есть то сообщество людей, защитные стереотипы поведения которых сам Райх беспощадно раскрывал в своих психоаналитических и социологических работах.

Мне кажется чрезвычайно важным, чтобы понимание такой многогранной личности, как Вильгельм Райх, и постижение сути его работы происходило спокойно и осмысленно, по ту сторону отрицаний и восторгов.

Метафизическое почитание Райха как учителя жизни; «райхианский бум» в психотерапии, который назревает у нас в стране, способны породить лишь толпы дилетантов, спекулирующих на имени Райха и дискредитирующих его научные идеи и методы работы с пациентами^[60].

Примечания

- [1] В 1896 году З. Фрейд впервые применил в клинической практике метод свободных ассоциаций.
- [2] Все остальные теории Райха в области социальной психологии и психиатрии, сексологии, психофизиологии, биологии, биофизики никогда не были признаны академической наукой.
- [3] *Ollendorff Ilse*. Wilhelm Reich: A Personal Biography. N. Y., 1969. P. 5.
- [4] См.: *Reich Annie*. Early identifications as archaic elements in the superego // *Journal of the American Psychoanalytic Association*. 2. 1954. P. 218—238; *Reich Annie*. A special variation of technique // *Psychoanalytic Contributions*. 1958. P. 236- 249.
- [5] *Reich Speaks of Freud*. Ed. M. Higgins and C. M. Raphael. N. Y., 1967.
- [6] *Greenfield J*. Wilhelm Reich vs. the U.S.A. N. Y., 1974.
- [7] Райх первым описал защитный механизм отделения аффекта от его когнитивной составляющей. Этот защитный механизм представляет собой один из видов изоляции.
- [8] Относительно понятия «перенос» см. примечание к с. 42 в конце книги.
- [9] *Cattier M*. The Life and Work of W. Reich. N. Y., 1975. P. 37.
- [10] *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ: В 2 т. Т. 2. М., 1996. С. 222,
- [11] *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. С. 115.
- [12] *Collier M*. The Life and Work of W. Reich. N. Y., 1975. P. 40.
- [13] Цит. по: *Cottier M*. The Life and Work of W. Reich. P. 41.
- [14] *Томэ Х., Кэхем Х.* Современный психоанализ: В 2 т. Т. 2. С. 217.
- [15] Тамже. Т. 1. С. 450
- [16] Не путать с активной техникой Ференци.
- [17] См. наст. изд. С. 78.
- [18] *Heimann P*. On countertransference // *International Journal of Psychoanalysis*. 1950. N 31. P. 81-84. Moid. P. 82.
- [19] *Ibid*. P. 82
- [20] *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. С. 134
- [21] *Ollendorff Ilse*. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 13.
- [22] В 1935 году в письме к Лотте Либбек от 30 марта Райх пишет: «Я был так несправедлив к себе, работал столько лет и считал, что моя теория генитальности основана на идеях Фрейда. Это совершенно просто объясняется моей фиксацией на Фрейде как на отце. Я надеюсь, что смогу однажды порвать с этим» (*Reich W*. Beyond Psychology. Letters and Journals: 1934—1939. New York, 1994. P. 41).
- [23] В монографии двух известных современных психоаналитиков, членов Парижского психоаналитического общества (*Chasseguet-Smirgel J., Grunberger B*. Freud or Reich? Psychoanalysis and Illusion. London. England, 1986), Райх характеризуется как «психоаналитик, провозглашенный в середине 20-х годов наиболее блестящим учеником Фрейда, но разошедшийся со своим учителем из-за собственных экстремистских политических и общественных взглядов».
- [24] *Ollendorff Ilse*. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 13.
- [25] *Ollendorff Ilse*. Wilhelm Preih: A. Personal Biography. P. 13.
- [26] *Reich Speaks of Freud*. Ed. M. Higgins and C. M. Raphael. N. Y., 1967. P. 42.
- [27] П. Федерн — венский психоаналитик, вице-президент Венского психоаналитического общества с 1924 по 1938 год (год роспуска общества нацистами).
- [28] *Reich Speaks of Freud*. P. 10.
- [29] *Reich W*. The Function of the Orgasm. N. Y., 1970. P. 98.
- [30] *Reich W*. Über Charakteranalyse // *Internationale Zeitschrift für Psychoanalyse (International Journal for Psychoanalysis)*. XIV. 1928.
- [31] *Томэ Х., Кэхеле Х.* Современный психоанализ. Т. 1. С. 136.

- [32] «Фрейд высоко его оценивал, когда он начинал свою деятельность, но политический фанатизм Райха привел к личному и научному отчуждению» (Джонс Э. Жизнь и деятельность Зигмунда Фрейда. М., 1997. С. 409).
- [33] Радо Шандор — венгерско-американский психоаналитик. Один из основателей Института психоанализа Американской психоаналитической ассоциации. Президент Американской академии психоанализа.
- [34] *Cattier M. The Life and Work of W. Reich. N. Y., 1975. P. 53.*
- [35] *Reich Speaks of Freud. P. 256.*
- [36] *Ollendorff Ilse. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 31.*
- [37] *Reich Speaks of Freud. P. 44.*
- [38] *Ollendorff Ilse. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 35.*
- [39] ОТТО Фенихель — известный психоаналитик, доктор медицины. Автор книг «Проблемы психоаналитической техники» (1941), «Психоаналитическая теория неврозов» (1945).
- [40] *Reich W. Beyond Psychology. Letters and Journals: 1934—1939. New York, 1994. P. 14.*
- [41] В частности, будучи в США, Райх встречался с Карен Хорни, и они обменялись представлениями о развитии психоаналитической теории и практики. Позднее Райх жаловался, что она «украла» некоторые его идеи относительно формирования характера и использовала их в своих работах без ссылки на него. При этом Хорни, с точки зрения Райха, исключила из его концепции наиболее важные аспекты, такие, как сексуальность, биоэнергетика, либидо и др. (Concept and misconception of the analytic method // Arch. Neur. and Psych., 32, 880, 1934). В 1952 году в интервью хранителю архива Фрейда, доктору Эйсслеру, Райх высказал мнение, что Хорни практически дословно заимствовала его идеи для описания невротических жизненных позиций: движение к людям, движение против людей, Движение от людей (см.: Хорни К. Наши внутренние конфликты). Сама Хорни впоследствии признала свой долг перед Райхом за его творческую стимуляцию, за акцентирование необходимости анализа невротических защитных тенденций характера (Developments in K. Homey psychoanalysis 1950—1970. J. L. Rubins, M. D., editor. N. Y., 1972. P. 25—26). (Информация любезно предоставлена В. Старовойтовым.)
- [42] *Reich W. The Function of the Orgasm. P. 231.*
- [43] *Reich W. The Function of the Orgasm. P. 211.*
- [44] *Ibid. P. 106.*
- [45] *Ригидность* — разновидность мышечной гипертонии (патологически повышенного мышечного тонуса). Мышечный тонус — активность мышц, обеспечивающая их готовность к действию. Ригидность равномерно охватывает мышцы — агонисты и антагонисты и при пассивных движениях проявляется или в равномерном «воскообразном» сопротивлении мышц растяжению, или в ритмическом толчкообразном сопротивлении (феномен «зубчатого колеса»).
- [46] *Reich W. The Function of the Orgasm. P. 366.*
- [47] См.: Лоуэн А. Язык тела. М., 1997.
- [48] См.: Перлз Ф., Хефферлин Р., Гудман П. Опыты психологии самопознания (практикум по гештальттерапии). М., 1993.
- [49] См.: Граф С. Путешествие в поисках себя. М., 1994.
- [50] Ник Вааль — основательница и руководитель Центра терапии психических заболеваний детей в Осло. В настоящее время — это Институт Ник Вааль.
- [51] *Ollendorff Ilse. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 41.*
- [52] *Фейдимен Д., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. М., 1992. С. 35.*
- [53] См.: *Ollendorff Ilse. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 46.*
- [54] Цит. по: *Фейдимен Д., Фрейгер Р. Личность и личностный рост. С. 58.*
- [55] Их брак был гражданским (не был зарегистрирован).
- [56] *Ollendorff Ilse. Wilhelm Reich: A Personal Biography. P. 44.*

- [57] Лоуэн А. От Райха к биоэнергетике // Хрестоматия по гуманистической психотерапии. М., 1997.
- [58] См. наст. изд. С. 241.
- [59] Больше 90% ссылок на Райха в Интернете посвящены биоэнергетической тематике.
- [60] Работа над предисловием проводилась при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант 97-06-08225).

**Психоаналитические и философские искания Николая Осипова
(Предисловие к книге Н.Е.Осипов. «Психоаналитические и философские этюды»)**

В.И.Овчаренко, Д.П.Брылев

Российский психиатр и пионер популяризации психоанализа в России Николай Осипов родился 12 октября 1877 года в Москве в дворянской семье. Отец его Евграф Алексеевич Осипов был одним из создателей и видных деятелей земской медицины. Как высококвалифицированный врач, заведующий санитарным бюро Московского губернского земства, и автор популярной книги «Русская земская медицина» он получил значительную профессиональную известность и общественное признание.

Мать Николая Осипова была широко образованной женщиной, прекрасно владевшей иностранными языками. В основном она занималась домашними делами, но из-за серьезной болезни (истерической ипохондрии), преследовавшей ее всю жизни, она не могла уделить должного внимания ни сыну, ни дому. Из-за болезни она даже не могла выкормить сына, и волею судьбы он стал ребенком семи нянек. Отдавая почти все силы и время борьбе с болезнью, мать Н.Осипова лечилась у разных парижских, берлинских, петербургских и московских врачей, но результаты врачевания оставляли желать лучшего.

В силу обстоятельств сын во многом был представлен самому себе. После года учебы в частной гимназии Л.И.Поливанова Николай Осипов заболел «летучим ревматизмом» и проболел около года.

В 1890 г. он поступил во второй класс Первой московской гимназии (у Пречистинских ворот, около храма Христа Спасителя) и окончил ее в 1897 г. с золотой медалью.

В детские и гимназические годы Н.Е.Осипов увлекался историей и филологией, к которым вскоре присоединился устойчивый интерес к душевному миру человека и вопросам медицины. По собственному свидетельству Н.Е.Осипова, по окончании гимназии он «без колебаний решил поступать на медицинский факультет с тем, чтобы заниматься психиатрией».

Подобно З.Фрейду, решение о выборе профессии Н.Е.Осипов принял под сильным влиянием мотивов личного порядка, однако, в отличие от З.Фрейда он принял его без колебаний и четко указал на факторы, предопределившие его выбор. На закате жизни Н.Е.Осипов считал, что избрание психиатрии в значительной мере предопределили его многолетние наблюдения за болезнью матери, болезнью дяди и других родственников и личное влияние психиатров (В.И.Яковенко, П.И.Якоби и др.), часто бывавших в доме Е.А. Осипова.

В 1897 г. Н.Е.Осипов поступил на первый курс медицинского факультета Московского университета. Летом 1898 г. он с учебными целями посетил Фрейбург и Цюрих. В 1899 г. в связи со всеобщей студенческой

забастовкой Н.Е.Осипов был заочно избран в ее руководящий орган и (хотя он не принимал никакого участия в его работе) 1 апреля 1899 г. был арестован и около недели провел в заключении, откуда «был освобожден по протекции». Но его все же лишили возможности продолжить образование в России.

В 1899 г. Н.Е.Осипов уехал в Цюрих (Швейцария), где при содействии друга отца бывшего профессора гигиены Московского университета Ф.Ф. Эрисмана стал студентом медицинского факультета Цюрихского университета. Но, не проявив особого рвения к учебе, вскоре начал кочевать по университетам Бонна, Берна, Базеля и др.

После скоропалительных женитьбы (1902) и развода (1903) 16 ноября 1903 г. Н.Е.Осипов был удостоен ученой степени доктора медицины Базельского университета за диссертационную работу, выполненную им под руководством профессора Кауфмана. Впоследствии (уже будучи в эмиграции) Н.Е.Осипов не без иронии охарактеризует себя как дитя семи кормилиц и семи университетов (Московского, Фрейбургского, Цюрихского, Боннского, Бернского, Базельского и Пражского). Он действительно очень долго был взрослым ребенком и, по его собственному признанию, отличался от многих сверстников и коллег отчетливо выраженной обломовщиной. Пожалуй, сам Н.Е. Осипов несколько преувеличивал роль обломовщины в своей натуре, но что было – то было.

В 1904 г. Н.Е.Осипов вернулся в Москву, где начал работать помощником прозектора В.П.Карпова на факультете гистологии и эмбриологии Московского университета. Доцент В.П. Карпов помог Н.Е. Осипову адаптироваться к новым условиям работы и сыграл значительную роль в развитии его профессиональных ориентаций и творческом росте. Одновременно Н.Е.Осипов был экстерном Преображенской городской больницы душевнобольных (Московского доллгауза), директором которой был один из самых блестящих российских психиатров профессор Н.Н.Баженов. В человеческой и профессиональной судьбе Н.Е.Осипова благотворное влияние наставничества, идей и личности Н.Н.Баженова, его постоянное дружеское участие и поддержка стали одним из определяющих факторов.

Вскоре после второй женитьбы (1905) Н.Е.Осипов перешел из Преображенской больницы в частную психиатрическую лечебницу Баженова и Цейтлина (Герцога-Бейкер-Корсакова), в которой работал ординатором. С конца 1906 г. по осень 1911 г. (по протекции профессора Н.Н. Баженова) Н.Е.Осипов работал старшим ассистентом в психиатрической клинике Московского университета, директором которой был один из лидеров отечественной психиатрии профессор В.П.Сербский. 1 мая 1907 г. Н.Е.Осипов с успехом выступил на съезде Пироговского общества русских врачей. Его доклад («О плазматических клетках при прогрессивном параличе») был понят и оценен специалистами как содержательная и перспективная научная работа.

Значительный и прекрасный период работы Н.Е.Осипова в психиатрической клинике Московского университета был, пожалуй, наиболее важным в плане формирования Н.Е.Осипова как высококвалифицированного психиатра.

Под влиянием Н.Н.Баженова и В.П.Сербского первоначальные увлечения Н.Е.Осипова гистологией, исследованиями микроскопического строения сердечной мышцы и работой по изучению патофизиологии и патопсихологии мозга постепенно смещались в сторону концентрации внимания на актуальных проблемах современной психологической теории и новейших методах психиатрии и психотерапии.

Особое внимание Н.Е.Осипова привлекли вопросы невроза навязчивых состояний, по которым он собрал значительный материал для написания серьезной работы. (А опыт такой работы у него уже был. В 1911 г. в Париже была опубликована книга Н.Е.Осипова и Н.Н.Баженова, посвященная проблемам внушения и другим вопросам психотерапии.) В этот период в профессиональной судьбе Н.Е.Осипова произошли весьма значительные изменения.

В 1907 г. он познакомился с идеями и трудами З.Фрейда, которые воспринял и оценил как новое слово в психологии и психопатологии. И в 1908 г. в «Журнале невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова» опубликовал статьи «Психологические и психопатологические взгляды Фрейда в немецкой литературе 1907 г.» и «Психология комплексов и ассоциативный эксперимент по работам Цюрихской клиники» -- явившиеся фактически первыми российскими профессиональными публикациями о психоанализе, а в 1909 г. в этом же журнале опубликовал статью «Последние работы Фрейдской школы».

Летом 1910 г. он посетил З.Фрейда в Вене и установил с ним профессиональные и человеческие отношения, которые поддерживал всю жизнь. В этом же году он встречался с Э.Блейлером и К.Г. Юнгом (в Цюрихе) и П.Дюбуа (в Берне) и обсуждал с ними психиатрические и психотерапевтические проблемы.

До конца дней Н.Е.Осипов считал себя «первым популяризатором З.Фрейда в России», а самого З. Фрейда -- одним из своих учителей.

В 1910-14 гг. он был соучредителем и членом редакционной коллегии междисциплинарного первого российского психоаналитически ориентированного журнала «Психотерапия. Обзорение вопросов психического лечения и прикладной психологии», в котором в 1910-1912 гг. опубликовал серию статей о психоанализе и психотерапии («О психоанализе», 1910, № 1, 3; «Еще о психоанализе», 1910, № 4-5; «Идеалистические настроения и психотерапия. О книге профессора Яроцкого», 1910, № 6; «Психотерапия в литературных произведениях Л.Н.Толстого. Отрывок из работы «Толстой и медицина», 1911, № 1 и др.).

Во всех статьях о психоанализе, написанных компетентно и доброжелательно, Н.Е.Осипов отдавал должное выдающимся открытиям и достижениям этого учения, но вместе с тем проявил осмотнительное и

критическое отношение к идеям и выводам З.Фрейда, часть которых (например, теорию сексуальности и др.) рассматривал как гипотезы, требующие дальнейшей разработки и обоснования.

Сам Н.Е.Осипов, с приличествующей скромностью, квалифицировал свои статьи об учении З.Фрейда и его последователей как «введение к пониманию работ по психоанализу». В целом они сыграли значительную роль в оперативном знакомстве российских профессионалов и общественности с новейшими и перспективными научными идеями.

Психоаналитическое учение и личность З.Фрейда произвели на Н.Е.Осипова столь сильное впечатление, что до конца своих дней он оставался под их детерминирующим влиянием. Что, однако, отнюдь не помешало ему признать и принять идеи других своих очных и заочных учителей, в том числе С.С.Корсакова, Н.О.Лосского, Л.И.Петражицкого, Г.Рикерта и др. Его открытость и интерес к передовым идеям предопределили широкий диапазон научного творчества Н.Е.Осипова. В общем основными сопряженными направлениями его деятельности были: неврология, психоанализ, психология и философия. Причем с течением времени у него явно усиливалось тяготение к философскому постижению существа проблем и философскому осмыслению сущего.

Особенно следует отметить, что Н.Е.Осипов был одним из первых психиатров и психотерапевтов, осуществивших относительно систематическое применение психоаналитических идей и психоаналитического метода к анализу содержания литературных произведений и личности их творцов (Н.В.Гоголя, А.С.Грибоедова, Ф.М.Достоевского, М.Е.Салтыкова-Щедрина и Л.Н.Толстого).

В 1911 г. Н.Е.Осипов стал доцентом, и казалось, что в самое ближайшее время его ждут дальнейшие успехи. Но в 1911 г. в его жизни и профессиональной судьбе произошел неожиданный поворот. После реакционной акции министерства просвещения Л.А.Кассо, направленной против студенчества и университетских свобод, около ста профессоров и доцентов были вынуждены покинуть университет в знак протеста. Одним из инициаторов этого благородного движения протеста был профессор В.П.Сербский, который демонстративно ушел из университета вместе с частью своих учеников (среди которых был и Н.Е.Осипов). Вообще-то он никогда не интересовался политикой, но политика коснулась и его. Часть коллег Н.Е.Осипова, оставшаяся в университете, была заклеена ушедшими как «штрейкбрехеры» и быстро сделала хорошую (но краткосрочную) административную карьеру.

В целом с уходом из университета Н.Е.Осипов практически не пострадал. Профессор Н.Н.Баженов с удовольствием взял его к себе на должность доцента психиатрии Высших женских курсов в Москве, кроме того, он одновременно работал врачом-консультантом в Рукавишниковском приюте для малолетних преступников и занимался частной практикой. Материальное положение его было прекрасным.

Как член Психологического общества Московского университета и Общества невропатологов и психиатров Московского университета Н.Е. Осипов поддерживал профессиональные контакты с коллегами, но все же ему не хватало широкого профессионального общения. И когда профессор В.П. Сербский предложил организовать новое научное общество Н.Е. Осипов поддержал эту идею.

В 1911 г. он вместе с В.П.Сербским, Н.Н.Баженовым и другими психиатрами был соучредителем, членом бюро и секретарем Московского психиатрического кружка «Малые пятницы», в котором состоял до 1918 г. На первом заседании этого кружка (24 февраля 1912 г.) Н.Е.Осипов сделал доклад «Из логики и методологии психиатрии». И в дальнейшем довольно часто выступал по вопросам психиатрии, психотерапии и психоанализа.

Научный психиатрический кружок «малые пятницы» в значительной мере содействовал усвоению и распространению комплекса психоаналитических идей и был фактически одной из первых организационных структур российских психоаналитически ориентированных психиатров и психотерапевтов.

В 1911-1913 гг. Н.Е.Осипов совместно с О.Б.Фельцманом был редактором издававшейся в Москве серии книг «Психотерапевтическая библиотека», в которой были опубликованы труды З.Фрейда, работы других психоаналитиков, а также психоаналитически ориентированных психиатров и психотерапевтов. В общей сложности в этой серии было издано 11 книг, в том числе работы В.Штекеля, Л.Вальдштейна, О.Фельцмана и др.

Переломным в судьбе Н.Е.Осипова, как и всех его соотечественников, стал 1917 год. После буржуазно-демократической революции 1917 г., к которой он относился отрицательно, Н.Е.Осипов был призван на военную службу и в течение нескольких месяцев был ратником ополчения второго разряда.

В период правления А.Ф. Керенского была предпринята попытка оздоровления ситуации в Московском университете, в результате которой в университет были возвращены старые кадры, а профессорско-преподавательский состав, назначенный при Л.А.Кассо, попросили подыскать себе другую работу. Поначалу казалось, что все возвращается на круги своя. Но 27 марта 1917 г. либерально настроенных сотрудников психиатрической клиники Московского университета постиг удар – скончался профессор В.П.Сербский. Вскоре выяснилось, что восстановление ситуации осталось чисто формальным. В сумятице революционных потрясений в университет так и не вернулся жизненно необходимый дух корректности, доброжелательности и творчества. Положение еще более осложнилось после большевистского переворота 1917г.

Впоследствии, характеризуя ситуацию 1917 г. и свое отношение к ней, Н.Е.Осипов констатировал: «Добольшевистский период революции привел меня к окончательному отвращению ко всем социалистическим движениям. Большевики были для меня абсолютно неприемлемы».

Несмотря на все потрясения, Н.Е.Осипов по-прежнему ориентировался на идеалы либерализма и конституционализма. Он не хотел и не мог примириться с новой российской действительностью и 7 ноября 1918 г. выехал из Москвы. Как оказалось - навсегда.

Почти два года он скитался по Украине, югу России и зарубежью (Одесса, Константинополь, Новороссийск, Евпатория, Севастополь, снова Константинополь, Белград, Будапешт и, наконец, с 1912 г. – Прага). Он сполна вкусил горький хлеб эмиграции и лишь в 1923 г. сумел получить стабильную работу по специальности.

В 1923-1931 гг. Н.Е.Осипов работал доцентом Карлова университета в Праге, где читал курс психиатрии и др. Он постоянно поддерживал профессиональные контакты с З.Фрейдом и его последователями. В 1923 г. Н.Е.Осипов опубликовал работу «Воспоминания Толстого о детстве. Вклад в теорию либидо З.Фрейда».

В 1925 г. Н. Е.Осипов организовал и возглавил «Русский психиатрический кружок» в Праге, который занимался различными проблемами психиатрии и психоанализа. Наиболее активную роль в деятельности кружка играли ученики Н.Е.Осипова Ф.Н.Досужков, С.Верещака и др. Работа кружка вызывала немалый интерес, и в заседаниях его принимали участие не только психиатры и психотерапевты, но и видные философы и психологи (А.Л.Бем, С.И. Гессен, И.И.Лапшин, Н.О.Лосский, Г.Я.Трошин, Д.И.Чижевский и др.). В общем деятельность этого несколько необычного эмигрантского кружка существенно способствовала профессиональному и общекультурному росту его участников. Но (что особенно примечательно) «Русский психиатрический кружок» в Праге значительно содействовал распространению психоаналитических идей и созданию в Чехословакии психоаналитической традиции и дисперсионной психоаналитической среды. Этому также способствовали публиковавшиеся Н.Е.Осиповым различные обзоры новых идей в неврологии и психиатрии и его около 70 публичных выступлений в Праге по вопросам психиатрии, психотерапии и психоанализа.

В 1930 г. патриотически настроенная русская эмиграция в Праге устроила торжественное собрание, посвященное 175-летию Московского университета. На этом собрании выступила значительная группа профессоров и доцентов Московского университета, чьи славные имена были и остаются предметом его гордости. С интересной речью, характеризующей в том числе и его самого выступил доцент Н.Е. Осипов. Он специально подчеркнул, что его «университетом оставался и остается до сих пор Московский университет» и, признавшись в нежной любви к другим шести своим университетам отметил, что к Московскому университету у него «любовь исконная, чувственная любовь».

Определенный интерес вызывают предпринятые в пражский период попытки Н.Е.Осипова развить, модифицировать и реформировать некоторые идеи и концепции учения З.Фрейда.

Осознанно и четко дистанцируясь от принципиально важных психоаналитических положений, он осуществил пересмотр психоаналитических представлений о любви и выдвинул идею о первичности любви как основного фактора космической жизни и абсолютной ценности, проявляющейся в разнообразных формах, и вторичности любви как физиологического притяжения и половой страсти. Н.Е.Осипов даже начал разработку теории любви, но не смог завершить ее из-за нездоровья.

К числу других новаций Н.Е.Осипова могут быть отнесены некоторые идеи опубликованной им в 1931 г. работы «Революция и сон», в которой он предложил психоаналитически ориентированное понимание революции как «реализации подавленных, вытесненных желаний одного класса народа, классовое нарциссическое самоутверждение» и исследовал аналогии и компоненты одинакового содержания «революции и сновидения».

Одной из последних прижизненных публикаций Н.Е.Осипова стала статья «Больное и здоровое у Достоевского» (1931 г.), вызвавшая определенный интерес читателей.

Значительную часть творчества Н.Е.Осипова составили психоаналитически ориентированные исследования философских и этических проблем. Особое внимание специалистов привлекли выводы Н.Е.Осипова, согласно которым чрезмерная концентрация внимания личности на себе самой провоцирует и влечет невропатологические состояния, а различные нравственные факторы (и пороки) являются одним из источников психических расстройств.

В 1931 г. из-за тяжелой болезни сердца Н.Е.Осипов был вынужден оставить работу в Карловом университете. Более трех лет он противостоял недугу и донес свой крест до конца.

Он заболел 20 апреля 1931 г. и, в общем не обманываясь насчет хода и исхода болезни, со 2 июля 1931 г. по 25 августа 1933 г. писал автобиографические записки, «чтобы облегчить друзьям некрологическую заметку, а в то же время пока для себя восстановить в памяти главные этапы своей жизни».

И все же основным на закате жизни для него была профессиональная деятельность. В 1931 г. он завершил статью «Больное и здоровое у Достоевского» и пытался обработать для публикации свой доклад «Страшное у Гоголя».

При поддержке друзей (Ф.Н.Досужкова, В.Н.Досужковой, М.П.Полосина, игумена отца Исаакия и многих других) Н.Е.Осипов продолжал работу над «коренным» трудом, основанным на клинических материалах лечения им более тысячи невротиков. К сожалению, эта работа («Поликлиника для невротиков. Научный отчет психотерапевтической амбулатории») осталась незавершенной, и, насколько известно, даже фрагменты ее не публиковались.

Н.Е.Осипов скончался 19 февраля 1934 г. в присутствии своих друзей Рябовых (с которыми он в 1918 г. бежал из Москвы) и доктора Михаила Полосина, преданно поддерживавшего его на протяжении всех трех лет

тяжелой болезни. Похоронили его в Праге на православном кладбище в Ольшанах, у подножия памятника «Верному русскому воину». Прощальную речь над могилой доцента Московского университета Н.Е. Осипова произнес декан Карлова университета.

25 марта 1934 г. в Праге состоялось посвященное памяти Н.Е. Осипова объединенное собрание Общества русских врачей и Русского философского общества, на котором его ученики, друзья и коллеги (Ф.Н. Досужков, М.П. Полосин и др.) отдали дань уважения и памяти его прекрасным человеческим и профессиональным качествам.

В 1935 г. в Праге друзья и коллеги Н.Е. Осипова опубликовали сборник работ о нем «Жизнь и смерть. Памяти Н.Е. Осипова». Одну из статей в этой книге – «Н.Е. Осипов как философ» – написал выдающийся русский философ Н.О. Лосский, который и позднее в своей знаменитой «Истории русской философии» отдал должное Николаю Осипову как философски мыслящему психиатру и психоаналитику.

Посмертная судьба идей и трудов Н.Е. Осипова на его родине была типичной судьбой творческого наследия русских эмигрантов. На протяжении ряда десятилетий о нем почти не вспоминали и работы его не издавались. Переиздание одной из первых статей Н.Е. Осипова – «О психоанализе» – было осуществлено лишь в 1994 г. профессором В.М. Лейбиным в сборнике «Зигмунд Фрейд, психоанализ и русская мысль».

Имеются основания полагать, что материалы, связанные с жизнью и творчеством Н.Е. Осипова (в том числе часть его переписки с З. Фрейдом), сохранились в архивах иностранных государств. В 1994 г. научный сотрудник Института истории естествознания и техники И.Е. Сироткина обнаружила 125 единиц хранения интересных документов и материалов Н.Е. Осипова в российских архивах, но введение их в научный оборот пока наталкивается на различные трудности.

Публикация избранных работ Н.Е. Осипова «Психоаналитические и философские этюды» (название дано В. Овчаренко) является данью светлой памяти оригинальному русскому мыслителю, просветителю и врачу, многие идеи которого не утратили своей актуальности и представляют значительный интерес для современного читателя.

***Осипов Н.Е. Психоаналитические и философские этюды
М.: Академический Проект, 2000.***